

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КБНЦ РАН

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.)

ЧАСТЬ I

Нальчик · 2014

УДК – 39: 94(=352.3)+902(=352.3)
ББК – 63.521(=602.2)+63.4(=602.2)
Д – 73

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Д – 73 Древняя и средневековая культура адыгов. *Материалы Международной научно-практической конференции.* – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 193 с.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Древняя и средневековая культура адыгов», состоявшейся 16–20 октября 2013 г. в гор. Нальчике в Институте гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 13-11-07501.

ISBN 978-5-91766-080-6

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH KBSC OF THE RAS

ANCIENT AND MEDIEVAL CULTURE OF CIRCASSIANS

MATERIALS OF INTERNATIONAL CONFERENCE

Nalchik • 2014

УДК – 39: 94(=352.3)+902(=352.3)
ББК – 63.521(=602.2)+63.4(=602.2)
Д – 73

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich
doctor of historical sciences.

Fomenko Vladimir Aleksandrovich
candidate of historical sciences.

Д – 73 Ancient and medieval culture of circassians (materials of International conference). – Nalchik: Publications department of KBIHR RAS, 2014. – 193 p.

The collected articles represent the first issue of the materials of International scientific-practical conference «Ancient and Medieval Culture of adygues», that took place 16–20 october 2013 in the town Naltchik in the Scientific-Reserch Institute of Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.

The publication is realized owing to the financial support of the Russian Humanitarian Scientific Fund. Project № 13-11-07501.

ISBN 978-5-91766-080-6

© KBIHR RAS, 2014

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

СЛЕДЫ ЭЛЕМЕНТА КАС В АНТИЧНЫХ НАЗВАНИЯХ АДЫГОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В литературе о языках древних народов Передней Азии неоднократно высказывалась мысль о возможной внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком¹, что неизбежно ставит вопрос о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-адыгскими. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков² и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа, склоняясь тем самым к тому, что из множества кавказских языков, прежде всего, именно адыгские языки наиболее тесно связаны с древним касситским языком. Касаясь этой гипотезы и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)»³.

Как видим, культурно-языковое родство абхазов и адыгов с касками странным образом преломляется через их близость с древними касситами. И отсюда следы корневой морфемы *кас/каш* в древних и средневековых названиях адыгов, в дошедшем до наших дней этнониме *черкес*.

Напомним в данной связи, что касситы правили Вавилоном в течение 500 лет – с 1600 по 1100-е гг. до н.э. В середине XII в. до н.э. Касситский Вавилон пал под ударами ассирийцев, затем власть в империи перешла к эламитах. По всей вероятности, основная масса касситов в этот период отступила на северо-восток, где впоследствии, уже VIII в. до н.э., вошла в состав Мидии, государства, состоявшего из разноязычных племен, общавшихся между собой на иранском языке при сохранении местных языков, в том числе родственных языку северокавказских племен⁴. В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность и, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского, и, возможно, близкий абхазо-адыгским языкам. Заняв юго-западный берег Каспийского моря, которому они дали свое имя, касситы стали называться каспами, жителями страны Каспиана. Согласно Геродоту, в V в. до н.э. при Дарии I каспы обитали в 11 из 20 округов персидского Ахеменидского царства, возглавляя один из этих округов – пятнадцатый⁵. Известно, что каспы славились как хорошие воины, принимали участие во всех сражениях персов, в том числе в походе царя Ксеркса в Грецию.

Касситы и затем их потомки каспии всегда тяготели к Кавказу, к кавказскому культурному пространству. Правильно замечено, что взаимо-

действие кассито-каспиев и эламитян с кавказским этноязыковым миром следует рассматривать «не только в связи с малоазиатско-кавказскими языковыми параллелями, но и независимо от последних»⁶. В I тыс. до н.э. кассито-каспий, впитавшие в себя индоиранскую культуру, основанную на маздеизме и зороастризме, стали фактически одним из восточнокавказских народов. Границы страны Каспиана простирались до Главного Кавказского хребта вплоть до горы, получившей название Каспий (нынешний Казбек). Культурно-языковые связи между потомками касситов и северокавказскими народами стали в этот период еще более тесными, сопровождаясь переселением отдельных групп касситского населения на Северный Кавказ.

Наверное, в античное время часть касситов еще оставалась и в самой Месопотамии. По сведениям Страбона, грекам они были известны под названиями кассиев, коссеев⁷. Между тем постепенно исчезают в этот период каски и каспы, обосновавшиеся в Закавказье. Часть из них растворилась в местных племенах, а часть, как видно, мигрировала на Северный Кавказ и в Среднюю Азию, положив начало некоторым древним названиям гор, морей, рек, городов, племен. В числе этих названий *Кавказские, Каспийские* и *Киссийские* горы, гора *Каспий* – древнее название Казбека, *Каспийское* море, река *Кас* (трансл. Койсу), города и страны *Каса, Аккас, Казека* (на Северо-Западном Кавказе и в Крыму), город *Кас* как название древнего Хорезма, этнонимы *кас, кашак/кашаг, касог, казак, казах* и др. на Северном Кавказе и в Центральной Азии.

Судя по всему, переселение каспов с Закавказья на Северный Кавказ и в Среднюю Азию происходило после того, как они испытали на себе культурное влияние индоариев, в составе которых находились и древние адыгские племена. Миграция усилилась, как видно, после падения Ахеменидской державы в 330 г. до н.э. Поэтому в конце I тыс. до н.э. закавказские каспы и их страна Каспиана упоминаются древними писателями лишь по инерции, в силу сложившейся историографической и картографической традиции.

С другой стороны, еще раньше, в первой половине I тыс. до н.э. начался и продолжался длительное время отток на Северо-Западный Кавказ остатков хаттов и, в частности, касков. Возможно, уже в этот период они поселилась в Крыму и на побережье Мраморного моря. Можно предположить также миграцию касков на берег Мраморного моря, во Фракию. Отсюда распространение среди фракийцев имени Киссей. Например, известен фракийский царь Киссей, отец Гекубы, жены Приама⁸. Но миграция на Кавказ была и оставалась, видимо, особенно внушительной. Осуществлялись все эти переселения путями, которые были хорошо известны народам Передней Азии и Кавказа со времен культурных контактов и миграций неолита и энеолита.

Таким образом, движение потомков древних касситов и касков на север и, в частности, на Северный Кавказ осуществлялось с двух сторон. Сначала, в течение первой половины I тыс. до н.э. – со стороны Черного моря, затем, во второй половине I тыс. до н.э. – со стороны Каспийского моря. Мигранты, приходившие со стороны Черного моря и перевалов Западного Кавказа, то есть каски, были близки местному населению как по языку, так и по культуре. Мигранты со стороны Каспия, или каспы, в отличие от этого, представляли собой иранизированное или частично иранизированное население. Но культурное сходство и воспоминание о генетическом родстве, скорее всего, оставалось и, быть может, еще длительное время, пока адыги

Северного Кавказа окончательно не утвердились в глазах своих соседей как *касы*, *касконы*, *кашаки*, *джаркасы*.

В различных вариантах эти названия применялись к адыгам армянами, славянами, иранцами, картвелами, арабами. В IX–X вв. вся северо-кавказская область, населенная адыгами, была известна под названием *Касахия* (Кашакия, Кесек, Каса) по названию ее жителей – *касов*, *касаков*, *кашаков*, *касогов*. Отсюда, несомненно, и само название Каспийско-Черноморского горного перевала – *Кафкас*, что означает буквально «Гора касов» или «Касские (черкесские) горы».

Исходя из всего изложенного, можно предположить, что родство протоадыгов с касситами, а также тесное и продолжительное взаимодействие с касками и каспами лежит в основе множества древних – античных и средневековых – названий северо-восточной ветви адыгских племен: *кизы*, *кисы*, *акиссы*, *касы*, *каскуны*, *касконы*, *кашаки*, *касахи*, *касоги*, *джаркасы*, *черкесы*. Аналогичным образом высказывался еще в 1953 году Б. Грозни⁹. Язык касситов и касков, по его словам, мог быть одним из древних кавказских языков, а корневая морфема *кас* не случайно входит в состав целого ряда топонимов и этнонимов на Кавказе, в Малой и Центральной Азии, в их числе Б. Грозни называет топонимы: *Кавказ*, *Каспийское море*, древнее название хеттского города *Куссара*, современный этноним *казах*, название «кавказского племени касхов, или касогов, которые упоминались уже в русских летописях десятого века нашей эры»¹⁰ и др. Отмечается, что возможно, именно касоги были связующим звеном между кашкитами III–II тыс. до н.э. и казаками нашего времени.

К числу древних названий адыгских племен и областей на Северном Кавказе, так или иначе обусловленных взаимодействием с каспами и касками, с известной долей уверенности можно отнести данные целого ряда древнегреческих и римских авторов. Так, еще в V в. н.э. Геродот сообщает об области *Кизик* в Скифии и о *кизикеяцах*, «пышно справляющих праздник в честь матери богов»¹¹. При этом скифский или черкесский *Кизик* (кизикеяцев) следует отличать от малоазийского *Кизика* и кизикеяцев на берегу Мраморного моря. В этом убеждает нас множество сообщений о Кизике в юго-восточном Крыму, в районе между Керчью и Херсонесом, а также на Таманском полуострове, на восточном берегу Азовского моря. Так, Полибий (II в. до н.э.) относит к числу автономных общин «херсониситов и кизикцев», включенных в мирный договор 179 г. до н.э., заключенный Фарнаком I с римскими правителями в Малой Азии¹².

Аналогичные данные содержат историко-географические труды римских авторов I в. н.э. Г. Плиния Секунда и Помпония Мелы. Первый писал о *кисах*, *кизиках/кизах*, живущих к востоку от Азовского моря за коммериями и скифами, а также об *аккисах* и *агдеях* в низовьях Киссийских гор, расположенных в Центральном Предкавказье¹³. Второй в одном ряду с *киммериями*, *ахеями*, *керкетами* упоминает племенное название *киссианты*, также вызывающее ассоциации с касами¹⁴. В то же время Арриан (II в. н.э.) пишет о местечке *Казека* в Крыму в 420 стадиях (80 км) на юго-запад от Пантикапея (Керчи)¹⁵ – данные, которые прямо перекликаются с упомянутыми выше сообщениями Полибия.

В отношении *аккисов* Центрального Кавказа можно определенно сказать, что это касы или черкесы, так как в сочинениях средневековых авторов Пахимера, Ибн-Саида, Абу-л-Фиды *акасы* и страна *ал-Акасара* вблизи Дарьяльского ущелья прямо отождествляются с черкесами и Черкесией

(см. далее). Потому, видимо, и некоторые другие племена Северо-Восточного и Центрального Кавказа: *агдеи, карпы, габры, гегары* – и др., упоминаемые Плинием Секундом в качестве ближайших соседей акасов, следует рассмотреть на предмет возможности соотнесения их с касским, или черкесским этническим массивом. Он находился в этот период в зоне тесного политического и культурного взаимодействия с многочисленными сарматскими племенами.

Так, в случае с *агдеями*, возможно, имеет место первое упоминание самоназвания черкесских племен – *адыгэ*. Этноним *габры* напоминает сохранившееся до наших дней ингушское название кабардинцев – *гъэбэрттай*, племенное название *гегары* сохраняется в кабардинском фамильном имени *Гэгырэ/Джэджырэ* (Гегиров), подобно тому, как сохраняются древние названия кавказских и переднеазиатских имен, фамилий и племен в других именах и фамилиях черкесов и абхазов. Примеров такого рода множество, ср.: *аррехи* (меотское племя) – *Арахъэ* (Араховы), *Арыхъстэн* (Арихстановы); *булгары* – *Белгъарокъуэ* (Белгароковы), *Белгъэр* (Белгаровы); *узы, гузы* – *Уэзы* (Озовы); *Уэзырокъуэ* (Озроковы); *Ашина* (самая знатная тюркская династия) – *Ащынэ* (Ашиновы); *Махар* (младший сын Митридата IV Евпатора) – *Мэхъарэ* (Махаровы), *сираки* (сарматское племя) – *Сырыкъуэ* (Сруковы); *Арута* (вождь герулов) – *Арута* (абх. фамилия); *арий* – *Вэрий* (Вариев) и др.

Показательно, что некоторые исследователи (А.В. Подосинов) связывают древних *киссов* и *хизов* с Киссейскими горами на Северном Кавказе¹⁶. В то же время В.Томашек локализует племя *кизов* (кизиков) в современной Кабарде¹⁷, что заставляет вспомнить о фамилии *Къыз* (Кизовых), распространенной в настоящее время в Малой Кабарде. Кроме того, Полибию и Арриану, как сказано, принадлежат первые, относящиеся ко II в. до н.э. и ко II в. н.э., упоминания «кизикцов» и «местечка Казека» на юго-востоке Крымского полуострова за Пантикапеем (Керчью) неподалеку от Херсонеса. В V в. н.э. в том же месте локализует «деревню Казека» Псевдо-Арриан¹⁸. А в X–XIV вв. город *Касак* (Касек) на Тамани упоминается неоднократно в сочинениях арабских географов. Мнения большинства комментаторов сходятся в том, что с древних времен населяли этот город, а также земли по ту и другую сторону Керченского пролива отдельные группы *зихов* и *касов*, именуемых иначе *касаками, касогами, черкесами*.

У алан, а, возможно, и у самих адыгов различные варианты этих названий были распространены в качестве личных имен и фамилий. В эпиграфических памятниках древней Ольвии встречаются относящиеся ко II–III вв. н. э. аланские имена *Ариуахос, сын Касага; Касагос; Касай, сын Парна; Касак, сын Кардзез; Каскен, сын Касага*, что, на наш взгляд, объясняется соседством и тесными контактами алан в Ольвии с *касами, касконами, касогами* на восточном берегу Азовского и Черного морей¹⁹.

Суммируя данные об античных названиях адыгов с элементом *кас*, можно предположить, что уже в этот период на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы, аккисы, кизики, касаки* и др. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур, которые затем, уже в раннем Средневековье объединились в этнополитическое целое под названием *Каса, Касахия, Касогдиана*.

В то же время, на западной оконечности Кавказского хребта, вдоль восточного побережья Черного моря вырастает союз адыгских племен

под общим названием зихов. У Страбона, то есть в начале I в. н.э., *зихи* (зиги) фигурируют как сравнительно небольшое племя, расположенное в районе нынешней Цемесской бухты между ахеями к западу и *керкетами*, или *гениохами* к юго-востоку²⁰. По сведениям Арриана, во II в. н.э. зихи значительно расширили свою территорию за счет других, вытесненных и/или частично объединившихся с ними племен. Фактически это побережье Черного моря, начинающееся в районе реки Ахеунт (совр. Шахе) на юге и граничащее на севере с Синдикой в районе нынешней Анапы²¹. Теперь это уже большой народ. Он, по словам Арриана, подчиняется своему царю Стахемфаку, получившему власть от римского императора Адриана.

Несколько иначе, сужая границы зихов, передает то же самое безымянный автор V в. н.э. (Псевдо-Арриан), отображая ситуацию этого времени следующим образом: «Итак, от Старой Ахеи (совр. Джубга) до Старой Лазики (совр. Ново-Михайловка) и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи»²²; «От гавани Пагры (совр. Геленджик) до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи»²³. Район между Синдской гаванью и Пагрой (Геленджиком), если верить этому автору, был занят в это время готами. А раньше он принадлежал керкетам и торитам²⁴, объединившимися, как видно, с синдами, либо с зихами, но скорее всего с синдами, так как имеется относящееся к V в. н.э. свидетельство Гесихия Александрийского о том, что «*керкеты* – народ синдский»²⁵.

В VI в. после того как схлынула волна готского и затем гуннского нашествия, данная ветвь черкесского народа, тесно связанная с абазгами (авазгами, абазинами) и Абазгией, предстает как самостоятельное этнополитическое и этнотерриториальное образование под названием Зихия. Зихами по своему происхождению являются такие адыгские (черкесские народности), как шапсуги, натухайцы, абадзехи, бжедуги, махешевцы, жанеевцы. Исторически в одной контактной и этнокультурной зоне с ними находились джигеты (садзы), убыхи, а также все племена и народы, объединенные под общим названием абазгов, авазгов, авазгиан, или абазин.

В то же время к числу собственно черкесских относятся адыгские народности, сформировавшиеся на основе синдо-меотского этнического массива. Они сохранили наиболее тесную связь с кассито-эламской культурой и были названы соседними народами *касами*, *касахами*, *касконами*, *кашагами*, *касогами*, *джаркасами*, *черкесами*. Изначально, по своему происхождению *касами*, *касогами* – жителями средневековой Касхии Константина Багрянородного – были те потомки племен синдо-меотского круга, которые уже в период Золотой Орды стали известны под названиями *хегаков*, *хатукаев*, *темиргойцев* и *кабардинцев*. Отсюда, как мы видим, и само персидское по происхождению название этих народностей *char-kas* – «четыре (племени) *каса*».

Примечания
(Endnotes)

1. Forrer E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // *Journal Asiatique*, CCXVII, 1930. P. 230; Jaritz K. Kassitische Sprachreste Anthropol. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.
2. Hrozný B. Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P. 2.
3. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
4. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–232.
5. Геродот. История. III, 89; III, 93; VII, 67.
6. Алиев И. Указ. соч. С. 81.
7. Страбон. География. Кн. III, 2; Кн. XVI, 1, 11.
8. Гомер. Илиада. VI. 299.
9. См. об этом: Hrozný Ph.D. Ancient history of Western Asia, India, and Grete. N.-Y., 1953.
10. Ibid. P. 52
11. Геродот. История. Кн. IV, 1, 76.
12. Полибий. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947. № 3. С. 216.
13. Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 19, 21 // См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 191, 187.
14. Мела Помпоний. Хорография. 1, 13 // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Указ. соч. С. 45.
15. Арриан. Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 132.
16. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 356
17. См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. С. 324.
18. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского моря // АПСК. С. 181.
19. Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. С. 202–203.
20. Страбон. География. II, V, 31; XI, II, 12.
21. Арриан. Объезд Эвксинского моря. АИСК. С. 27.
22. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского моря. 59 // АИСК. С. 178.
23. Там же.
24. Там же.
25. Гесихий Александрийский. Лексикон // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1948. № 4. С. 700.

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

О РОЛИ МИГРАЦИЙ В ЭТНОГЕНЕЗЕ АДЫГОВ

I

Древняя история черкесов уходит своими корнями в эпоху ранней бронзы, когда на Северном Кавказе возникла и получила развитие майкопская культура. Большое значение придается в данной связи и культуре Аладжа-Хаюка в Центральной Анатолии. Установлено, что она сопоставима с майкопской материально и хронологически, поэтому существует разделяемое авторитетными археологами и лингвистами общее мнение, согласно которому создателями этих культур были протоабхазоадыгские и родственные им хаттские племена. Предполагается, что эти племена занимали обширную территорию на северо-востоке Малой Азии, на Юго-Западном и Северном Кавказе, соединяясь друг с другом через восточный берег Черного моря¹.

С такой постановкой вопроса можно согласиться. Культурно-языковая общность абхазо-адыгов и хаттов сложилась, по всей вероятности, еще раньше – до последнего глобального потепления и таяния ледников, то есть около 8–10 тысяч лет назад. Размеры Черного моря были тогда меньше нынешних, и потому общение родственных племен Малой Азии и Кавказа было более доступным и свободным. Но в конечном итоге горные цепи и водный барьер, сложные процессы этнического развития, изменения этнодемографической и политической ситуации в регионе разделили протоабхазоадыгский, или хаттский этнический массив. Сформировалось – предположительно в III тыс. до н.э. – три субкультуры: хаттско-анатолийская (протохеттская) – в Малой Азии, хаттско-протоабхазская – на юго-восточном побережье Черного моря, хаттско-проточеркесская – на Западном и Северном Кавказе.

Естественные преграды и удаленность друг от друга не могли уничтожить следы былой общности и память о принципиальном единстве этих групп. Отсюда сохранявшаяся на протяжении многих веков близость многих черт материальной и духовной культуры. Вспомним в данной связи библейские сказания о Гомере (сыне Яфета), соединившем в одно целое народы Малой Азии и Кавказа. Они являются отражением общности или близости языков и культур в этом пространстве, включая сюда язык и культуру киммерийцев. На рубеже II–I тыс. до н.э. киммерийцы стали связующим звеном между населением Кавказа и Юго-Восточной Европы. Фактически это протомеотские племена, образовавшиеся в результате смешения с местным населением переселившихся на Северный Кавказ скотоводов и земледельцев Северного Причерноморья. По всем данным, причиной этого переселения явилось увеличение засушливости и уменьшение продуктивности южнорусских степей².

Эвристическая значимость такой постановки вопроса как исходной очевидна. Во-первых, она согласуется с положениями антропологов о формировании понтийского типа на Западном и Центральном Кавказе во взаимодействии с индоевропейцами и группами племен Малой и Передней Азии. Во-вторых, становятся более понятными и очевидными главные причины и условия формирования сходных черт в языке, в материальной и духовной культуре жителей Передней Азии, Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

По мнению В.В. Бунака, понтийский антропологический тип сформировался в процессе воздействия на местное, в том числе на проточеркесское, население племен Малой Азии. Подчеркивается, что в эпоху неолита они перемещались вдоль Кавказского и Балканского побережий Черного моря, что видоизмененный последующим смешением понтийский тип, сложившийся у черкесов и некоторых других народов, распространился и в более северных областях Европы, особенно Восточной³. Новые данные об анатолийско-северокавказских связях позволяют считать, что в основном это были контакты близких или родственных по языку и культуре племен. Подвергшись с другой стороны влиянию северных индо-европейских племен, физический тип древних жителей Западного и Северного Кавказа сложился в основном во II тыс. до н.э. К настоящему времени соотносимая с понтийским типом индо-средиземноморской расы «черкесская краниологическая серия» эпохи бронзы обнаружена на обширной территории, охватывающей пространство между Прикубаньем и Тереком. М.Г. Абдушелишвили называет его местным «адыгским типом», включая сюда современных кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин⁴.

В то же время В.П. Алексеев, сравнивая особенности антропологического типа восточных адыгов с соответствующими месту их обитания палеоантропологическими материалами, приходит к выводу о том, что «преемственность современных кабардинцев и бесленейцев с древними жителями Центрального Предкавказья восходит по меньшей мере к эпохе поздней бронзы – началу I тыс. до нашей эры»⁵. Это лишний раз подтверждает, что жители Центрального Предкавказья и Прикубанья уже в эпоху бронзы были объединены в одну культурно-языковую и территориальную общность. По всей вероятности, она сохранялась без особых изменений в течение последних четырех тысячелетий, до периода Нового времени, что существенно дополняет и корректирует недостаточно аргументированную гипотезу переселения черкесов на восток, в районы Пятигорья и Нижнего Притеречья в XIII–XIV вв. н.э.

Преемственность этнического развития адыгов на Северном Кавказе сохранялась в течение последних 4–5 тыс. лет. Об этом свидетельствует сравнительный материал археологических культур. В эпоху раннего бронзового века в этом качестве выступают две культуры – майкопская и дольменная, а также занимающая промежуточное положение между ними новосвободненская, или майкопско-новосвободненская культура; а в начале железного века – протомеотская и каменноостско-березовская (западно-кобанская). В целом это взаимно дополняющие друг друга культуры. Связанные причудливым образом не только временем, но и пространством, они позволяют представить, каким образом, когда и в каких районах Кавказа формировалась общность протоабхазо-адыгских и черкесских племен.

В работах Е.И. Крупнова и его последователей показано, что по всем, в том числе и лингвистическим, данным создателями и носителями майкопской культуры являются родственные адыгские родо-племенные груп-

пы. Утверждается, что единство языка и культуры этих групп не прерывалась никогда, даже в эпоху Средневековья, когда самобытное развитие адыгских обществ «протекало в условиях частичного включения в местную среду инородных для Кавказа этнических элементов – ираноязычных»⁶.

О том же пишет Р.М. Мунчаев. В майкопском населении он видит, с одной стороны, местный этнический массив, говоривший на западнокавказских (абхазо-адыгских) языках, а с другой – тесно с ним связанные группы малоазийцев, возможно, хаттского племени кашков, живших в это время на северо-востоке Понта⁷. Скептически отзываясь о новейших гипотезах этноязыковой принадлежности майкопцев, Р.М. Мунчаев пишет: «...получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской. Действительно, где же жили в это время коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда?»⁸.

В связи с распространением на Кавказе дольменной культуры о прочной связи с ней абхазо-адыгских племен высказывались Л.И. Лавров, Л.Н. Соловьев, В.И. Марковин, Я.А. Федоров и другие известные кавказоведы. По словам В.И. Марковина, «с конца III – начала II тыс. до н.э. и позже, несмотря на ощутимое влияние скифской культуры, сарматское воздействие и даже греческое внедрение на территорию Западного Кавказа, можно говорить о местном (абхазо-адыгском. – Б.Б.) населении как об общем монолите»⁹.

Согласно последним данным, майкопская культура охватывает значительную часть Восточного Причерноморья и Северного Кавказа в пространстве от Туапсе и Таманского полуострова до Дагестана. Хронологически ее определяют в пределах конца IV – третьей четверти III тыс. до н.э.¹⁰. В представлении С.Н. Кореневского она охватывает период с 3900 по 2800 гг. до н.э.¹¹. Дольменная культура, или культура испунов¹² возникла на Западном и Северо-Западном Кавказе позже, чем майкопская культура, но длительное время развивалась синхронно и в тесном взаимодействии с ней. Например, В.А. Трифонов считает, что бытование культуры дольменов охватывает период от 3200 до 1800 гг. до н.э.¹³; по данным В.А. Марковина – от 2700 до 1400 гг. до н.э.¹⁴. Культура новосвободненского, или майкопско-новосвободненского типа представлена группой памятников в верховьях реки Фарс (левый приток Большой Лабы). Она соединяет в себе черты «майкопского» и «дольменного» стилей и датируется, по данным радиоуглеродного анализа, 3700–3400 гг. до н.э. При этом Долинское поселение вблизи Нальчика, по мнению А.Д. Резепкина, также относящееся к Новосвободненской культуре, датируется 3700–3000 гг. до н.э.¹⁵

В любом случае невозможно отрицать, что пересекаясь во времени и в пространстве, дольменная культура и культура майкопа своеобразно дополняли друг друга. Состояние такой, можно сказать, дополнительной дистрибуции в равной степени характеризует специфику каждой из них. Но при этом «майкопский стиль» формировался преимущественно во взаимодействии с народами Передней Азии. В то же время дольменная культура и культура новосвободненского типа сложилась под влиянием народов Европы, у которых на юге Франции и особенно на Пиренеях и ближайших к ним островах, практика захоронения в дольменах широко и разнообразно представлена со времен неолита.

Вслед за этим в ходе развития кобанской культуры (на рубеже II и I тыс. до н.э.) вновь активизируется воздействие на Центральный и Западный Кавказ народов Передней Азии и, в особенности касситов (в том числе дуров), достигших больших высот в изготовлении изделий из бронзы. В раннем железном веке возникает на этой почве колхидо-кобанская культура с ее локальными вариантами, включая сюда протомеотскую и каменно-могильно-березовскую (западно-кобанскую)¹⁶.

Таким образом, определяя майкопскую, дольменную и затем протомеотскую и кобанскую культуры как материальную основу общности древних адыгских племен, необходимо не только признать, но и сделать предметом специальных комплексных исследований особое место как в культурогенезе, так в и этногенезе черкесов различных по содержанию миграционных процессов и контактов в центре евразийского континента.

II

Наличие сходных черт в погребальном обряде, в предметах быта, в религиозных представлениях, а также в языке и антропологическом типе майкопцев и жителей Передней Азии признается в настоящее время большинством исследователей. Однако в отношении характера, смысловой доминанты этих связей высказываются различные суждения.

Самая простая версия сводится к тому, что инвентарь майкопских памятников привозной – из различных районов Передней Азии. Но такая точка зрения была опровергнута А.А. Иессеном, доказавшим, что на Кавказе, в том числе и на Северном Кавказе, существовали самостоятельные очаги производства металлических изделий¹⁷. В работах других авторов, прежде всего в работах Р.М. Мунчаева, показано, что в общем списке изделий майкопской культуры процент привозных изделий минимален, а местное производство подавляющего числа находок не вызывает сомнений¹⁸. Допуская, что в III тыс. до н.э. на Северный Кавказ проникали а, возможно, и оседали здесь группы жителей из Месопотамии, он не склонен видеть в этом главную причину развития майкопской культуры. Такого же мнения придерживается Р.Ж. Бетров. По его словам, элементы переднеазиатской культуры распространялись на Северном Кавказе главным образом в процессе диффузии, но не переселения носителей этой культуры. Посредниками этих влияний были, в соответствии с данной точкой зрения, племена Закавказья¹⁹.

Согласно другой версии, в III тыс. до н.э. имела место миграция больших масс населения из Передней Азии в Закавказье и на Северный Кавказ. Предполагается, что эти переселенцы распространили среди местных жителей новые, более совершенные технологии материального производства, в особенности производство изделий из металла и керамики. По мнению Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова, подвергнувшегося критике со стороны ведущих специалистов по древнейшей истории Кавказа, это были арамейцы Харрана (Сирия), которые мигрировали из района современного Телль Хуэйра в 2423 г. до н.э.²⁰.

Более осторожно о «выплеске» древнего анатолийского, переднеазиатского населения в пределы Прикубанья и Северного Кавказа пишут М.В. Андреева, С.Н. Кореневский и другие авторы²¹. Поддерживая общее мнение, согласно которому в IV–III тыс. до н.э. имела место массовая миграция на Северный Кавказ населения из Передней Азии, они пишут что

данный процесс нашел отражение как в физическом облике северокавказцев, так и в особенностях майкопской культуры²². Главными путями миграции служили, как полагают, не только берега Черного и Каспийского морей, но и перевалы Главного Кавказского хребта²³.

С.Н. Кореневский рассматривает наряду с этим основные, наиболее «доказуемые археологическими материалами» пути, которыми пришельцы проникали в Предкавказье: перевалы Центрального Кавказа и верховья Кубани, а на восточном фланге Большого Кавказа – Кодорский перевал²⁴ (карта 1). Датируется этот процесс энеолитом и ранним бронзовым веком. Отмечается, в частности, что появление на Кавказе племен, принесших с собой традиции изготовления высококачественной керамики, происходило еще до становления культуры племен майкопско-новосвободненской общности в Предкавказье (например, поселение Свободное в Адыгее)²⁵. По пути на Северный Кавказ эти традиции оставили свой след в памятниках докуро-аракского периода Южного Кавказа: Лейла-тепе в Азербайджане, Бериклдееби в Грузии, Техут в Армении и др. (см. карту 1).

Возможность «проникновения» переднеазиатского населения по побережью Черного моря отвергается на том основании, что это «трудно документировать». Но трудность заключается, напротив, в аргументации этого столь неожиданного заключения. Восточно-причерноморский путь был, во-первых, достаточно простым и доступным с точки зрения физической географии. Во-вторых, «документирован» он гораздо лучше других, в том числе и самим фактом родства или близости целого ряда анатолийских и северо-кавказских языков.

Карта 1. Схема перевалов Большого Кавказа и памятников позднего энеолита и раннего бронзового века с аналогиями майкопской круговой посуде

А – 1 – пос. Лейла-тепе; 2 – пос. Техут; 3 – пос. Бериклдееби; 4 – стоянка Гуру-Дере (группа Мишарчай); 5 – курган Уч-тепе ; Б – зона основного распространения памятников майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье

Открытым и дискуссионным остается вопрос о том, как и откуда начала распространяться по Северному Кавказу майкопская культура. До недавнего времени казалось, что это был путь с запада, из районов Прикубанья на Восток, в Центральное Предкавказье и дальше к Каспийскому морю²⁶. Однако проведенные С.Н. Кореневским раскопки на среднем Тереке у ст. Галюгаевской показали, что здесь уже в интервале 3300–2900 гг. до н.э., находились типично майкопские поселения²⁷. Это обстоятельство заставило исследователей вновь обратиться к вопросу о домайкопской, или предмайкопской эпохе развития местных племен, когда переднеазиатское воздействие было, по всей вероятности, минимальным, а европейское – более внушительным, чем казалось до недавнего времени.

В целом галюгаевский майкоп на Тереке оказался не менее древним, чем аналогичные памятники в Прикубанье и даже в Передней Азии²⁸. Предмайкопский период в Предкавказье, согласно этим данным, «займет время середины – первой половины IV тыс. до н.э.»²⁹.

Таким образом, в настоящее время едва ли правомерно излишне механистическое толкование процесса возникновения майкопской культуры как занесенной на Кавказ пришельцами – физическими лицами, передавшими местному населению новые, неведомые до этого знания и навыки. Но сама гипотеза оседания отдельных групп переднеазиатского и европейского населения не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, безусловно, заслуживает внимания. И особенно в той, недостаточно учтенной, а иногда и не признаваемой части, которая касается генетического родства отдельных народов Передней Азии с народами Кавказа, в том числе хатто-абхазо-адыгского языкового родства и родства хуррито-урартского языка с нахско-дагестанскими.

III

Следует сказать и о других, не менее важных процессах, обусловивших развитие и специфическое содержание майкопской, дольменной, затем – протомеотской и кобанской культур. Во-первых, это перемещения и перегруппировки самих кавказских племен и вопросы их внутреннего языкового и культурного родства, о чем писал еще Н.Я. Марр, считая содержание подобных процессов ключом к разгадке культурной истории многих древнейших народов Евразии. Во-вторых, колоссальное воздействие индоевропейских племен и народов. Об этом свидетельствует большое число закрепившихся в черкесском языке заимствований из индо-иранского, в числе которых *уэркъ* – "сословие профессиональных воинов-всадников", *махъсымэ* – национальный хмельной напиток, *быгу* – название быка-производителя у шапсугов, *ажэ* – "козел", *шы* – "лошадь", *нысэ* – "сноха, невестка", *уэщ* – "топор" и много других. Надо отметить в данной связи, что в течение длительного времени Кавказ был и оставался «страной», с которой индоевропейцы щедро делились своими культурными находками и достижениями, получая взамен не менее щедрые дары и уроки восточной цивилизации.

Во взаимодействии с индоевропейцами северокавказцы одними из первых приручили лошадь. Об этом свидетельствуют древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье и в ареале от Дона до Заволжья³⁰. Отсюда индоевропейское происхождение названия лошади³¹ и культ коня у всех северокавказских народов. В индоиранско-северокав-

казской контактной зоне сформировалась всадническая культура, которую во второй половине II тыс. до н.э. племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа привнесли (в ходе миграции) в Переднюю Азию и Индию. По мнению И. Алиева, в их числе были «коневодческие подвижные и активные племена белозерской культуры», господствовавшие в южнорусских степях и на Северном Кавказе³². С движением этих племен в Закавказье и в Переднюю Азию связывает он вслед за Р. Гиршманом³³ близость археологических комплексов (прежде всего металлических изделий) северо-западных областей Ирана и Северного Кавказа.

Концепция миграции иранских племен в Закавказье в доскифскую эпоху поддержана другими авторитетными иранистами, и они также связывают этот процесс с развитием всаднической культуры³⁴.

К числу этих племен относят в первую очередь киммерийцев. А это фактически протоабхазо-адыгские племена, испытывавшие на себе влияние иранцев, носителей локального северокавказского варианта поздне-срубной культуры. Связывая киммерийцев с каменноостско-березовской группой памятников, Н.Л. Членова сближает ее с кобанской культурой Центрального Кавказа³⁵. Киммерийцы – это, как сказано выше, обозначение группы протомеотских племен. Не случайно их называли гимирами (*gimir*), включая тем самым в число местных народов, ведущих свое происхождение от Яфета и его сына Гомера. В период раннего Средневековья потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием *кIэмгуий* – кемгуй (Л.Я. Люлье) или темиргойцев. Затем князь Болеток разделил владение кемгуев на три удела: собственно Темиргой, Хатукай и Хегак³⁶. Вместе с Кабардой, объединившей меотские, или касские племена Центрального Предкавказья, эти уделы вошли в состав раннесредневековой Черкесии, которая стала преемницей Касахии Константина Багрянородного. Считая эту преемственность вполне естественной и очевидной для Северного Кавказа, Ф. Брун подчеркивал, что в черкесах «нельзя не узнать потомков обитателей Касахии императора Константина, кешехов арабских писателей и касогов Нестора»³⁷.

Известно, что у черкесов всадническая культура была доведена до совершенства и сохранялась вплоть до середины XX столетия, а черкесская конница была признана лучшей в мире. Но здесь нужно сказать еще и о том, что такое всадническая культура. На наш взгляд, это особая, разветвленная ценностно-нормативная система использования верховой езды, включавшая в себя множество взаимосвязанных компонентов. В их числе: методика вскармливания будущих скакунов, традиции выращивания особых пород, приспособленных к условиям повседневного, прежде всего военного быта, забота о сохранении чистоты этих пород, выездка и тренировка скакунов, приближенная к условиям боевых действий и т.д.

Большие требования предъявлялись к самому наезднику, к освоению всех видов и приемов верховой езды и управления боевым конем; отработке специфических приемов, позволяющих одержать верх над противником. Например, способность резко остановить коня, чтобы, развернувшись на 360 градусов, заставить врасплох и зарубить своих преследователей (прием под названием *шукIапсэрышэ*), способность выбить противника из седла ударом груди своего коня (*шыбгъауэ*), способность имитировать падение и гибель своего коня, чтобы при приближении противника неожиданно подняться и нанести ему удар и т.д. Можно назвать также широко известный прием под названием *шыкълъэ* – спрыгивание с коня на полном ходу, чтобы затем вновь вскочить в седло. Эд. Спенсер указывал, что в условиях

боя черкесские воины использовали такое умение для того, чтобы спрыгнув с коня на землю, вонзить кинжал в грудь вражеской лошади и затем, вспрыгнув в седло, уже оттуда, сверху, рубить поверженного противника³⁸.

Большое распространение имели многие другие приемы, которым можно было бы посвятить отдельное, специальное исследование. Все эти приемы отрабатывались обычно во время джигитовки, в ходе различного рода всаднических игр, неизменно включавшихся в состав праздников, свадебных игрищ, поминальных торжеств.

Особого внимания заслуживает и всаднический этикет черкесов. Он был хорошо, во всех деталях разработан как совокупность наполненных нравственным содержанием правил поведения всадников в обществе, во всех типовых социальных ситуациях. Например, желая вступить в разговор с женщиной или старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был сначала спешиться (как минимум, – привстать на стременах). Встретив в пути женщину, всадник спешил – обычно за 30–40 метров до приближения к ней. Затем, пропустив ее справа от себя, и удерживая коня слева, медленно разворачивался в сторону удаляющейся женщины и стоял так, пока она не отойдет на 20–30 метров. Лишь после этого, развернувшись кругом налево (правым плечом к удаляющейся женщине), можно было продолжить свой путь.

Неукоснительно соблюдались подобные правила в отношениях с представителями феодальной знати, особенно при встрече с князем или княгиней³⁹. «Если по дороге дворянин или крестьянин встретится с княгиней, – писал Г. Орбелиани о кабардинцах, – то сейчас же, если он верхом, спрыгнет с лошади, поднимет руки вверх (это у них приветствие) и будет стоять, пока княгиня не удалится от него». Прямое отношение к этому имеет и сообщение М. Джунатоко. Согласно обычаям кабардинцев, утверждает он, всадник, даже самый знатный, проезжая мимо резиденции верховного князя данного княжества, обязательно спешил и проходил мимо строений пешком⁴⁰.

Особое место занимала в системе всаднической культуры крепкая и трогательная дружба всадника и коня. Этой дружбе посвящались исторические рассказы, легенды, героические песни. В многочисленных песнях и преданиях воспет Жаманшэрык – верный конь и сподвижник Андемыркана, самого известного рыцаря Кабарды, жившего в первой половине XVI века. Рассказывают, что многочисленные враги и завистники Андемыркана сумели одолеть его, только заманив на охоту без его верного коня, которого предусмотрительно крепко заперли. Андемыркан умер стоя, опершись на меч с именем Жаманшэрыка на устах⁴¹.

Добавим к сказанному, что у черкесов, как и у алан и осетин, в состав похоронно-поминальных обрядов включался неизменно обряд посвящения коня. Во время похорон этот обряд исполнялся вплоть до 50–60-х годов прошлого столетия, воспринимаясь обычно, как театрализованная форма прощания усопшего (его души) с боевым конем и всадническим прошлым. К. Кох, известный ученый-естественник XIX в., рисует следующую картину погребения одного шапсугского воина: «Над могилой палят из ружей, и самый храбрый из присутствующих вынимает из ножен пашку покойника и несколько раз взмахивает ею над ним. Любимую лошадь покойника трижды проводят вокруг могилы и часто в качестве жертвоприношения или в память об этом дне отрезают ей ухо»⁴². Через год во время поминок устраивалось еще более пышное представление. В таких случаях, как утверждают жители Причерноморской Шапсути, лошадь покойника

наряжали в специальную рубашку – *шыджанэ*; она ниспадала ниже живота и обычно закрывала даже голову коня, лишь для глаз и ушей оставляли отверстия. В таком виде боевого коня покойника трижды обводил вокруг могилы кто-либо из ближайших родственников. После каждого круга мужчины давали из ружей залп. Затем кто-либо из юношей садился на этого, условно говоря, жертвенного коня (в седло, положенное поверх «рубашки») и скакал прочь. За ним устремлялись другие всадники, пытаясь догнать его и сорвать с коня покойного его «рубашку». Тот, кому удавалось завладеть рубашкой, торжествовал⁴³.

Традиции, связанные с разведением лошадей и всаднической культурой черкесов еще плохо исследованы⁴⁴, и особенно в сравнительном плане, в связи с различными этапами древнейшей истории народов Юго-Восточной Европы, Кавказа, Передней Азии. Между тем, нельзя исключать, что еще в период первых тесных контактов с индоевропейцами, на рубеже III–II тыс. до н.э., была выведена знаменитая адыгская порода лошадей. Получив впоследствии название кабардинской, она заслужила славу одной из лучших в мире боевых, походных коней⁴⁵. В словаре-справочнике по коневодству, изданном в 1991 году, имеется краткое описание кабардинской лошади: «Горбоносая голова, невысоко поставленная шея, длинные холка, спина и поясница, спущенный круп, часто саблистые задние конечности, очень крепкие копыта. Легкие и хорошо координированные движения, поворотливость, смелость и прекрасная память». Дополняются эти сведения представлениями самих адыгов о свойствах кабардинской лошади, о традициях, связанных с этим благородным животным.

Чистокровную кабардинскую (адыгскую) лошадь называли шагдий. Бытует мнение, что это название восходит к слову *шэгъэдий* – «опережающая (гасящая) полет стрелы». По сравнению с другими породами это была не крупная, можно сказать, миниатюрная, изящная лошадь. Особенно бросалась в глаза необыкновенно маленьких размеров голова. По форме она напоминала голову змеи и, кроме того, имела острый затылок, резко контрастирующий с плоским затылком головы других пород лошадей. Глазницы отличались большой глубиной, а глаза были очень выпуклыми. Казалось, что на человека они смотрят с укором. Впадина выше копыта (под щетками) была глубокой, и в этом месте нога была очень тонкой, но, несмотря на это, не сгибалась, стояла на земле почти перпендикулярно, не стелясь над землей, как у других лошадей. Кабардинскую лошадь можно было узнать и по гриве. Говорят, что она свисала лишь на одну – правую сторону. Встречались разные масти шагдий: серые, гнедые, вороные, с белой отметиной на носу. Но самой сильной и выносливой считалась серая в яблоках масть, именуемая *брул*. «Самый худший брул стоит девяти скакунов другой масти», – говорили в этой связи. Копыта адыгской лошади были необычайно крепкими, даже гранитные скалы были им нипочем. Другая особенность – неприхотливость и экономность в еде. Стоило лишь один раз хорошо покормить кабардинскую лошадь, чтобы в течение двух последующих суток ездить на ней без всякой подкормки⁴⁶.

Суммируя все что здесь сказано, можно с большой долей вероятности утверждать, что еще во времена первых тесных контактов черкесов с племенами Юго-Восточной Европы у адыгов наметились контуры социальной организации, в которой особая роль отводилась культу коня и всадничеству. Видимо, уже тогда сформировалось также особое сословие профессиональных воинов-наездников – *уорков*, закрепивших благодаря такому названию свое индоарийское происхождение и особое место в иерархии адыгского общества.

В наследство от той далекой эпохи остались в языке и культуре черкесов названия рек, эпических героев, патронимий: река *Аруан* (Урвань),

фамилии *Аруан*, *Уэрыш*, *Уэрыкъуэ*, *Вэрмахуэ* (*Уэрмахуэ*), *Уарий Дада* – верховный судья Кабарды. Некоторые другие слова в черкесском языке, возможно, также связаны с периодом тесных контактов с ариями, ср.: *уарэ* – междометие, выражающее удивление и восхищение, *уардэ* – «могучий», «статный», «величественный», *уэр/уэру* – «бурный/бурно», «масштабный/масштабно», «неукротимый/неукротимо».

Эти и другие подобные примеры заставляют думать, что зона индоевропейско-северокавказских контактов позволяла различным группам индоевропейцев свободно проникать на Кавказ, оказывая существенное влияние на быт и культуру местных племен, в том числе на быт и культуру проточеркесов. Точно также и кавказцы оказывали определенное воздействие на своих северных соседей. Более того, не исключено, что, продвигаясь на северо-восток, отдельные группы хатто-абхазо-адыгского населения включались в состав индоевропейских племен и народов. Кажется, об этом свидетельствует наличие хаттов и хаттуариев в номенклатуре древних германских племен⁴⁷. Особенно показательно название *хаттуари*, что означает буквально «арийские хатты» или «хатто-арийцы». А. Намитоко полагает, что это анатолийские хатты, переселившиеся в Германию в середине II тыс. до н.э.⁴⁸ Но, скорее всего, перед нами группы северокавказских хаттов или проточеркесов. По всей видимости, они связали свою судьбу с германскими племенами еще раньше, до распада индоевропейской общности и выделения из нее индоиранцев. Другими словами, это период второй половины III тыс. до н.э. – между упадком майкопской и расцветом дольменной культуры.

Во второй половине II тыс. до н.э. контакты ариев (протоиранцев и протоиндийцев) и северокавказцев вступили в новую фазу в связи с широко-масштабной миграцией в Индию и Переднюю Азию, осуществлявшуюся через Среднюю Азию и Кавказ. По всей вероятности, арийцы увлекли и повели за собой определенную часть северокавказского населения. Отражением этих событий являются, вполне возможно, предания черкесов, согласно которым они мигрировали в восточные края (в том числе в Индию – *Инды пакІэ*, Египет – *Мыщыр*, Кавказскую Албанию – *Іэлбын*) и возвратились в Центральное Предкавказье числом больше прежнего, обогащенные новыми знаниями и опытом⁴⁹.

Вполне вероятным становится в свете этих данных определенная связь с походами и миграциями в Индию (и обратно?) целого ряда имен и названий, сохраняющихся в языке и в культурной истории черкесского народа: *Индар* (Идар) – личное имя, *Индарокъуэ* – кабардинская фамилия, *Индыл* – название Волги, *Индыш* – название притока Кубани в ее верхнем течении, *Ендэрей* – название села в современном Дагестане, *Индрей* – кабардинская фамилия, *синды* – меотское племя, *СантІыкъ* – кабардинская фамилия, *Сындыкъ* – кабардинская фамилия и т.д. Привлекая и активно используя такого рода материалы, мы получаем возможность составить более полную картину древней истории адыгских и всех других племен Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа

IV

Традиционно хатты воспринимаются как многочисленный древний народ в Центральной Анатолии. В III и в начале II-го тысячелетия до н.э. они создали богатую культуру, сопоставимую с майкопской культурой. Об этом свидетельствуют царские могилы Аладжа-Хаяука, датируемые

второй половиной III тыс. до н.э. В начале II тыс. до н.э. страна хаттов была завоевана индоевропейскими народами, получившими название хеттов, что постепенно привело к ассимиляции хаттов и к вытеснению хаттского языка. Независимость сохранила лишь Страна касков, или кашков на юго-восточном берегу Черного моря между нижним течением рек Галис и Ешил-Ирмак⁵⁰.

Небольшое число хаттских клинописных текстов сохранилось благодаря хеттским переписчикам, вследствие чего язык древних хаттов плохо поддается изучению, хотя исследования ведутся с начала XX в.⁵¹ Тем не менее, с самого начала, уже в трудах Е. Форрера и Б. Грозни⁵² была высказана гипотеза культурной и языковой близости, даже генетического родства хаттов с народами Кавказа, прежде всего с абхазо-адыгскими народами. Явившись толчком для этого направления исследований, работы Б. Грозни, Е. Форрера и других зарубежных ученых получили развитие в трудах целого ряда отечественных востоковедов: И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконова, Г.А. Меликишвили, В.Вс. Иванова, В.Г. Ардзинбы, Р.Ж. Бетророва и др.

В результате принадлежность хаттов к кавказской и прежде всего к абхазо-адыгской культурно-языковой общности стала не только предметом дискуссий и специальных трудов по истории Малой Азии и Кавказа, но и «общим местом» вузовских учебников по истории Древнего мира. В одном из таких учебников прямо сказано, что древнейшим этническим субстратом, на основе которого сложился хеттский народ, были «хаты или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы и по всем данным, тесно связанные с Кавказом»⁵³.

В настоящее время хаттский язык, стоящий особняком от других древневосточных языков, относят к абхазо-адыгской подсемье кавказской большой семьи языков⁵⁴. Прежде всего, обращают внимание на близость грамматического строя хаттского и абхазо-адыгских языков, в частности, на параллелизм примеров полисинтетичности и префиксального строя глагола⁵⁵, на многочисленные фонетические соответствия⁵⁶. Показательны выявленные В.В. Ивановым совпадения каузативных глагольных префиксов *gga / ɣʁə* (*gga -zzu*, *e-ɣʁə-ɬʰo-n* – поить, давать пить), глагольных префиксов с грамматическим значением отрицания, запрещения – *ta / my* (*i-ta-al-hi-ib*, *u-my-lʰ-xʁə-n* – не ложить), модальных аффиксов *h / xʁu* (*iškate-h*, *ure-xʁu* – да будет, да будет сохранен) и др.

Указывают также на многочисленные совпадения суффиксов и префиксов «ра», «уар», «ар» в топонимах, гидронимах, в некоторых других слоях лексики абхазо-адыгов и хаттов⁵⁷, на соответствия глагольных префиксов 3-го лица ед. числа *u/a*, *ɬo/ɬə* в словах типа *aret* (адыгейск.), *uret* (кабард.), *ɬodʒəɣu/ɬədʒəɣu*⁵⁸. Также, как и в хаттском языке, в абхазо-абазинских языках и в моздокском диалекте кабардинского языка префикс *ta* имеет значение «внутри», «внутрь», ср.: *хат. tabarna kaati taniwas* – «И Лабарна-царь внутри сидит»; *абх.-абаз. атацара* «класть внутрь», атыцара «выходить изнутри»⁵⁹. Судя по этим и другим подобным примерам, как правило, при переводе хаттских высказываний на абхазо-адыгские языки сохраняется взаимное соответствие общего числа и порядка слов в предложении, количества слогов в словах, а в ряде случаев – звуковые соответствия элементов словообразования и словоизменения.

На фоне структурного сходства важными дополнительными признаками генетических связей хаттского языка с абхазо-адыгскими считают обнаруженные лексические соответствия. Их число достигает сейчас более сотни единиц. Согласно данным В.В. Иванова, сходными или сопоставимы-

ми оказались такие слова, как *пить, есть, сидеть, говорить, видеть, варить, мясо, очаг, сердце (душа), зло, добрый (хороший, благой), черный (темный), луна, земля, лиса, дерево, арфа (цитра, зурна), пальцы, обувь* и т.д.⁶⁰. В недавно опубликованной новой работе В.В. Иванова прежний список пополняется еще целым рядом слов: *подобный (такой же), восклицание-призыв маржэ, черный, давать(дарить), одеваться (одежда)*⁶¹ и др.

Вслед за Г.А. Меликишвили В.В. Иванов указывает также на общность хаттского *Washav/Washab* (Бог, Божество) и адыгского *Уашхо* в значении «небесный свод», Бог Неба, Царь Богов⁶². Р.Ж. Бетрозов аналогичным образом трактует созвучие названий хаттской богини грозы Анцили и древне-абхазского небесного божества Анцва – творца мироздания⁶³. А в названии одного из царей страны Хатти – Пиуста усматривает возможность его соответствия сванскому *пуст* – «господин», «владыка», которое в свою очередь заимствовано из адыгского *пычы* – князь⁶⁴. В дополнение к этому В.В. Иванов пишет, что из хат. *wa-tuh-kante* (царевич) следует, что *tuh* – имело значения, достаточно близкие, как к адыг. *Тхъэ* – «Бог», так и к греч. *теос*⁶⁵.

Одним из аргументов родства хаттского и абхазо-адыгских языков считают сохранившиеся в местах обитания хаттов географические названия, в частности, названия населенных пунктов и рек с элементом *псы* – адыг. «вода»: *Ахыпс, Акампсис, Арипса, Ансапеа* и др.⁶⁶

Особого внимания заслуживают также коннотации, которые приобретает в адыгских языках само слово *хъат*, в частности, такие значения как «глава», «распорядитель», «посыльный». Отсюда сложные слова типа *хъэтиякIуэ* – распорядитель игрищ, *шухъатий* – распорядитель всадников, дежурный по войску в адыгской коннице⁶⁷, *хъэтхауэ* – посыльный, курьер. Со значением «распорядитель игрищ» использовалось также словосочетание *джэгу хъэтым*. Известно, кроме того, пристрастие адыгов к фамилиям и именам с элементом *хъат*: *ХъэтIэ, ХъатIитI, ХъатIыхъу, Хъэтишкыуэ, Хъэтиджэрий, Хъатэкъущокъуэ, Хъатыкыуэ, Хъэтокыуэ, Хъатэжьыкыуэ* и др. Как правило, это имена, относящиеся к числу престижных.

Некоторые хеттские слова также обнаруживают сходство с адыгскими. Например, хеттское *zahhai* (битва, сражение), заимствованное, возможно, из хаттского языка⁶⁸, сопоставимо с адыгским *зэхэуэ* (стычка, сражение). Можно предположить, что результатом длительного сосуществования индоевропейского, хеттского и протоадыгского языка стали такие соответствия, как *ашь*⁶⁹ и *шы* (лошадь), *арта*⁷⁰ и *мазэ* (луна, месяц), *rankus*⁷¹ и *пэкIу* (народное собрание, вече). Так же точно, как у хеттов, у адыгов народные собрания включали в себя все свободное мужское население, и отсюда древнее общиндоевропейское значение слова *rankus* «обширный, густой, совокупный, объединенный»⁷². Но такое значение заключено и во внутренней форме адыгского термина *пэ-кIу* – букв. «первичный, начальный, общий сход»⁷³.

Поиски в этом направлении следует продолжить, сознавая, что хеттско-абхазо-адыгские языковые параллели пополняют данные о языковом родстве абхазо-адыгов и хаттов. Эти параллели желательно рассматривать не только в плоскости тесных хеттско-протоабхазо-адыгских контактов в Малой Азии, но и их взаимодействия в Предкавказье, когда хетты до продвижения в Переднюю Азию обитали в Юго-Восточной Европе⁷⁴. В любом случае нельзя отрицать, что хеттский язык, оставаясь индоевропейским, в области лексики испытал на себе заметное влияние хаттского, и в том числе протоабхазо-адыгского языка.

Дополнением к языковым соответствиям и параллелям являются совпадения целого ряда религиозных обрядов, мифологических персонажей

и сюжетов. Например, у хаттов могущественного Бога грозы укрощают жрецы, именуемые людьми бога грозы⁷⁵. То же самое наблюдается у адыгов. У шапсугов в качестве жрецов выступают представители рода, в котором кого-то ударила молния. Их почитают как полубогов и называют почтительно «Представителями бога грозы» – *Щыблэ и ТхьэЛэхь*. Во время обрядов вызывания дождя эти люди выступают в качестве посредников между общиной и богом грозы и грома *Шибла*.

В плоскости генетических, а не только типологических связей хаттов с адыгами можно рассматривать и почитание боярышника, как дерева, отворачивающего беду, являющегося символом удачи и властных полномочий. У адыгов из боярышника изготавливали жезлы старейшин и старшин, люльки для детей; священными и предпочтительными для проведения народных собраний считались рощи с преобладанием боярышника, дуба, грушевого дерева. Аналогично этому у хаттов боярышник обеспечивает долголетие богов. Под боярышником боги собираются на совет⁷⁶.

Поразительны верования и обряды, связанные с шкурой пожертвованных животных, У черкесов во время обрядов жертвоприношения шкуру жертвенного животного (овечью или козлиную) прибавали к дереву или кресту⁷⁷. Аналогично этому у хеттов овечья шкура вывешивалась на вечнозеленом дереве перед царем Телепинусом (Сыном Бога Грозы). Кроме того, у адыгов и сейчас овечья шкура служит символом долголетия, большого потомства, послушания и потому при вводе невесты в дом родителей жениха шкуру, жертвенного животного расстилают перед входом, чтобы новобрачная наступила на нее, прежде чем переступить порог так называемого большого дома.

В хаттских текстах, записанных на хеттском языке, причудливым образом отображаются все названные здесь и некоторые другие верования и обычаи адыгов, связанные с овечьей шкурой, ср.:

«Перед Телепинусом ставят вечнозеленое дерево эя. На дереве эя висит овечья шкура. В овечьей шкуре помещается бараний жир. В нем же, в свой черед, помещаются Богиня-Зерно, Богиня Полей и вино. В них же, в свой черед, – бык и баран. В них же – долголетье. В них же – потомство, сыновья и дочери. В них же – зрелость смертных людей, быков и овец. В них же – мужество и могущество. В них же – вечный огонь.

В нем же – весть о мягкошерстных ягнятах. В них же – полное послушание. В нем же – правый кострец. В нем же – рост, цветение и насыщение соками»⁷⁸.

Столь же поразительным и, по-видимому, не случайным являются совпадения мифологических сюжетов, в которых устанавливается связь пчелы с богиней-матерью у хаттов и Марией Богородицей у адыгов. В хаттском мифе об исчезновении и возвращении Телепинуса (бога плодородия и растительности) пчела предстает как помощница богини-матери, то есть как жрица или малое божество⁷⁹. Подобно этому и в адыгской мифологии покровительница пчел Мерисса имеет, как и в Древней Греции, статус жрицы или божества. В Средние века она воспринималась у черкесов как богоматерь, в честь которой летом устраивался праздник – День успения Марии Богородицы⁸⁰.

V

Одной из причин движения переднеазиатского населения на Кавказ была аридизация – истощение земель, густо заселенных народами с высокой скотоводческой и земледельческой культурой. Но были, конечно, и

другие причины. Среди них определенное значение имела, как видно, рассмотренная выше культурно-языковая близость древнейшего населения Кавказа и Передней Азии. При этом майкопская культура, впитавшая в себя богатую культуру Передней Азии, стала своего рода материальным выражением и подтверждением хаттско-адыгского присутствия и влияния на Кавказе.

В начале II тыс. до н.э. северокавказско-ближневосточные связи ослабевают, так как около 1900 гг. до н.э. страна хаттов пала под ударами индоевропейских племен (лувийцев, ликийцев и др.), и на ее руинах образовалась мощная хеттская держава, ориентированная больше на восточные и западные страны, чем на Кавказ. Видимо, не случайно в этот период майкопская культура прекратила свое существование. В то же время хетты переняли многие черты хаттской культуры и сохранили ее даже в названии своей страны – Хатти и в названии главного города – Хаттуса. Как язык письменных текстов функционировал некоторое время и язык хаттов, хотя из общего употребления он был вытеснен⁸¹. И в дальнейшем смена языка не повлекла за собой уничтожения хаттской культуры. По всем данным, в середине II тыс. до н.э. хаттский язык стал мертвым, но «культура народа, на нем говорившего, была перевоплощена на хеттском языке»⁸². По словам О.Р. Генри, «индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов»⁸³.

В этих условиях политическую самостоятельность, а возможно, и родной язык сохранили лишь жители страны касков на севере Хеттской империи в окрестностях современного Самсуна. В XVI в. до н.э., усилившись, они полностью преградили путь хеттам к Черному морю и угрожали самому существованию Хеттского царства, захватив и разорив столицу Хаттусу⁸⁴. В хеттских текстах XV в. до н.э. также имеются сообщения об актах неповиновения касков. Например, в одной из молитв отмечается, что «они отказываются платить дань, которая им положена, и начинают сами нападать на страну Хатти»⁸⁵. Из летописи хеттского царя Мурсилиса II (ок. 1343–1313 гг. до н.э.) мы узнаем также о стране каскайцев, где не было правления одного человека до тех пор, пока хетты не стали там править по обычаю царской власти⁸⁶.

Каски, как сказано, были и оставались с протоадыгами в самом близком культурном и языковом родстве⁸⁷, сохраняя независимость а, возможно, и родной хаттский язык. По-видимому, такое положение страны касков продолжалось длительное время и после того как в XIII – начале XII в. до н.э. сама Хеттская держава рухнула под ударами коалиции народов Восточного Средиземноморья, трансформировавшись в относительно слабые и раздробленные позднететтские царства, история которых прерывается окончательно в конце VIII в. до н.э.⁸⁸ Но реликты хаттско-адыгского родства и хеттского влияния сохраняются у черкесов по сей день, в чем уже невозможно усомниться. С хаттской эпохой истории адыгов связаны не только элементы языка, но и отложившиеся в фольклоре воспоминания об Анатолии как о благодатном крае, Золотой долине, почитаемой как божество. Я имею в виду традиционный зачин адыгских гимнов, молитв и здравиц, ср.:

О наш Бог, Великий Бог,
Анадола, Золотая долина!

Уэ ди Тхьэ, Тхьэшхуэ,
Анэдолэ, дыщэ кьуэладжэ!¹⁸⁹

Вообще Анатолия предстает в языке и фольклоре адыгов как хорошо знакомый край, в котором они живут, где сбываются мечты человека о счастье. Сопоставив эти реминисценции с утверждениями, согласно которым жителями г. Хаттуса, столицы Страны хаттов, могли быть представители абхазо-адыгских или картвельских племен, следует усомниться в том, что взаимодействие народов Передней Азии и Кавказа протекало механистично в форме односторонней миграции с юга на север. Миграция могла быть и взаимной, хотя сейчас уже трудно сказать, каким был удельный вес миграций с севера на юг и обратно.

Следует в данной связи еще раз напомнить, что в течение II тыс. до н.э. индоевропейцы из предкавказских степей переселялись большими группами в Переднюю Азию и Индию⁹⁰, увлекая за собой часть кавказского, в том числе и адыгского населения. Существует мнение, что в числе этих групп были также и протохетты⁹¹. Но контакты хатто-абхазо-адыгских народов с хеттами поддерживались, как сказано, еще в пределах Кавказа и продолжились в Анатолии в форме относительно мирного, длительного взаимодействия языков и культур. Отсюда, по всей вероятности, весьма употребительное и в настоящее время черкесское выражение *хьэт жегъылэ* – «будь таким, чтобы о тебе могли сказать «хетт». Кажется, оно донесло до нас тот пиитет, с которым относились древние жители Кавказа к хеттам.

Но в случае с абхазо-адыгами и хаттами мы имеем сверх того принципиально иную картину взаимных связей, predeterminedную родством языка и древней культуры этих народов. Причем само это родство предстает не столько как итог миграции, сколько как данность, обусловленная самим фактом территориальной и этногенетической близости. Даже само слово *хатт* – адыг. *хьэт* в черкесской культурной традиции приобретает высокую психологическую и социальную значимость – особенно в составе личных имен, фамилий и кланов, ср.: *Хьэтлыжь* – «Славный хатт», *Хьэтлыгу* – «Хаттское сердце», *Хьэтлыкьуэ* – «Сын хата», *Хьэтэжьыкьуэ* – «Сын славного хата» и др.

Эти и многие другие подобные элементы черкесской культуры еще ждут своего привлечения и осмысления. Но и тот материал, который уже известен нам, позволяет сказать, что, возможно, Западный и Северный Кавказ были центрами, а не периферией хатто-абхазо-адыгского древнего единства, своего рода метрополией некоторых древних народов Передней Азии, и прежде всего хаттов. По мнению Р.Ж. Бетрозова, уже в эпоху неолита в Восточном Причерноморье сложилась протохатто-абхазо-адыгская древнейшая общность, а в эпоху раннего металла происходит распад этого единства⁹². Еще раньше о том же писал О.М. Джапаридзе, связывая данный процесс с проникновением на Запад в первой половине III тыс. до н.э. картвельских племен⁹³. В этом случае легко объясняются не только близость, но и различия между археологическими культурами майкопа и Восточной Анатолии. То же самое следует сказать об общих чертах в языке, мифологии, антропологическом типе. Общие черты, следуя этой логике, являются следами генетического родства, а различия – итогом или результатом географических и хронологических разрывов, ибо как говорил Антуан Мейе, пространство и время уже сами по себе порождают различия⁹⁴.

Примечания
(Endnotes)

1. См. об этом: *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.
2. *Махорты С.В., Иевлев М.М.* О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 1991; *Idem: Machortych S.V., Ievlev M.M. Über die Anfangsperiode der Geschichte der Kimmerier*// *Asta Archaeologica Carpathica*. V. XXXI, 1992.
3. *Бунак В.В.* Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // *Сб. трудов Музея антропологии и этнографии АН СССР*. Т. XIV. М.;Л., 1953; *Он же.* Человеческие расы и пути их образования // *Советская этнография*. 1956. № 1. С. 102.
4. *Абдушелишвили М.Г.* Антропология древних и современных народов Кавказа // *Народы Кавказа*. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994. С. 44.
5. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974. С. 196.
6. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 67, 99.
7. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 413.
8. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии*. Ч. 1. М., 1994. С. 165–166.
9. *Марковин В.И.* Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
10. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура. С. 171.
11. *Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 64.
12. Существует цикл сюжетов черкесского нартского эпоса, в котором дольмены представлены как дома, в которых живут странные, маленького роста люди под названием *испы/исп*. Широкое распространение имеет вследствие этого местное обозначение дольменов: *испун/испыун* – «дома испов». Его используют часто археологи (В.А. Марковин, Н.Г. Ловпаче и др.), что позволяет, следуя сложившейся традиции, называть дольменную культуру Кавказа *культурой испунов*.
13. *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Самара, 2001. С. 79.
14. *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 398.
15. *Резепкин А.Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012. С. 90–92.
16. См. об этом: *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Кавказа. Тбилиси, 1949. Т. I.; *Воронов Ю.Н.* Западно-кавказская этнокультурная общность Эпохи поздней бронзы и раннего железа (Колхидо-Кобанская культура). Нальчик. 1978; *Анфимов Н.В.* Сложение меотской культуры и ее связи с степными культурами Северного Причерноморья // *Проблемы скифской археологии*. М., 1971; *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
17. *Иессен А.А.* К хронологии «Больших кубанских курганов» // *Советская археология*. М., 1950. № 12.
18. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; *Он же:* Майкопская культура.
19. *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 88.
20. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // *Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа*. Орджоникидзе, 1982. С. 17.
21. *Андреева М.В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // *Советская археология*. М., 1977. № 1; *Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004.

22. Мунчаев Р.М. Майкопская культура. С. 171; Андреева М.В. Указ.соч.; Корневский С.Н. Указ.соч. ...
23. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Рис. 122.
24. Корневский С.Н. Указ. соч. С. 92.
25. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа// Археологические вести. Спб., 1992. Вып. 1. С. 76–96.
26. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973; Бетров Р.Ж. К вопросу о расселении племен Макопской культуры в центральных районах Северного Кавказа // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1979. С. 29.
27. Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
28. Указ. соч. С. 100.
29. Там же. С. 101.
30. См. об этом: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 558–559.
31. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 112; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 114–115.
32. Алиев И. Рец.: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970 // ВДИ, 1973, № 3.
33. Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great, L., 1964.
34. Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // ВДИ. 1973. № 2; Погребова М.Н. К вопросу о миграции ирано-язычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // ВДИ. 1977. № 2.
35. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984 г.
36. См. об этом: Любье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12.
37. Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Одесса. Ч. I. С. 120.
38. Spenser Ed. Travels in Circassia, Krim Tartary. London, 1737. Vol. 2. P. 259.
39. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 298; Орбелиани Г. Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. I. С. 232.
40. Мэт Джунатокъу (Изэт-Пэша). Кавказым и тхыдэ (История Кавказа) // Рукопись пер. с араб. на каб. Эльбердова Х.Э. Арх. КБИНФЭ, папка № 186. С. 270.
41. Адыгэ Иуэрыуатэ (Кабардинский фольклор). Нальчик, 1969. С. 285–286.
42. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. С. 622.
43. Сообщения Аллало Мусса Пишмафовича, 1897 г.р. и Шоотоха Сули Ахмедовича, 1900 г.р., аул Куйбышевка, Краснодарский край.
44. О всаднической культуре черкесов см.: Бгъэжьнокъуэ Б. Шыр лым и гъуджэщ // Газ. «Адыгэ щэпгъуазэ». 1990. № 1–4; Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991; Он же: Кабардинская лошадь – взгляд с укоризной // Кабардино-Балкарская правда. 2006, 7 октября.
45. Бгажноков Б.Х. Кабардинская лошадь: взгляд с укоризной. С. 3.
46. Там же.
47. Страбон. География. VII. I. 3, 4; Тацит. Анналы.
48. Намиток А. Происхождение черкесов. Париж, 1939. Ч. 1–2. Архив КБИГИ. С. 590.
49. Адыгэ Иуэрыуатэхэр (Адыгский фольклор) Нальчик, 1969. Т. 2. С. 19–22.
50. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961. Вып. 1. С. 190–191.
51. Касьян А.С. Хаттский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010. С. 168.
52. Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. См.: сокp. Zeitschrift NF, I, 1922; Idem: Stranification des langues et des peuples dans le Proche-Orient pre-

- historique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230; Hrozní B. Ober die Volker und Sprachen des alten Chatti-Landes // Boghaskoi-Studien, 5, 1920.
53. История Древнего мира. М., 1979. Ч. 1. С. 185–186.
54. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 176; Старостин С.А. Индо-европейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
55. Дунаевская И.М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960. С. 73–77.
56. Иванов В.Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 51.
57. См.: Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 11.
58. Иванов В. Вс. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008. Т. 2. С. 627.
59. Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. История и филология Древнего Востока. М., 1979. Вып. III. С. 28–29.
60. Иванов В.Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.
61. Иванов В. Вс. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. Т. 2. С. 634, 637.
62. Иванов В. Вс. Указ. соч. С. 621–622.
63. Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. С. 91.
64. Бетрозов Р.Ж. Указ. соч. С. 84.
65. Иванов В. Вс. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. Т. 2. С. 662.
66. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. М., 1961; Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1965. С. 74–76; Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1978. С. 19–20.
67. См. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 307.
68. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 80.
69. Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М., 1960. С. 62.
70. Там же. С. 98.
71. История Древнего Востока. М., 1979. С. 200.
72. Иванов Вяч.Вс. Индоевропейские корни в хеттском языке. М., 2007. Т. 1. С. 473–474.
73. Тем самым у черкесов, так же как у хеттов, народное собрание противопоставлялось совету представителей от высших сословий общества – князей и дворян. У адыгов это *хасэ*, у хеттов – *кибтути*.
74. См.: Грозни Б. Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3. С. 45; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1989.
75. Луна, упавшая с неба / Пер. с древнемалоазиатских языков В.Вс. Иванова. М., 1977. С. 58.
76. Там же. С. 58.
77. См.: Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 77–78; Олеарий А. Описание путешествия в Московию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 85.
78. Иванов В.Вс. Указ. соч. С. 61.
79. Луна, упавшая с неба. С. 56.
80. Де Бесс Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 374; Блаурамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 78.
81. Герни О.Р. Указ. соч. М., 1987. С. 19, 117.
82. Луна, упавшая с неба. М., 1977. С. 8.
83. Герни О.Р. Хетты. С. 19.

84. История Древнего Востока. М., 1979. С. 201.
85. Луна, упавшая с неба. С. 104.
86. Луна, упавшая с неба. С. 178, 304.
87. Меликишвили Г.А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ. № 1 (79). 1962. С. 63.
88. Герни О.Р. Хетты. С. 43.
89. Кабардинские здравицы (Адыгэ хьуэхьухэр) / Сост. З.П. Кардангушев. Нальчик, 1985. С. 67.
90. См. об этом: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С. 18–35.
91. Mallory J.P. The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб. трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова). М., 2010.
92. Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 113.
93. Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. Тбилиси, 1976. С. 339.
94. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 61.

УДК – 811.352.3373.21

О.Б. Бубенок
(г. Киев)

ДАННЫЕ ТОПОНИМИИ О МИГРАЦИЯХ АДЫГОВ НА УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В РАЗВИТОЕ И ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Исследователи неоднократно указывали на возможность миграций адыгского населения на украинские земли в Поднепровье в Средние века. При этом данные топонимии привлекались в незначительной степени ввиду того, что очень трудно было сопоставить появление интересующих названий на местности с данными письменных документов. Однако на настоящий момент это представляется возможным.

В связи с этим следует отметить, что многие топонимы кавказского происхождения могли появиться в Северном Причерноморье в древности. К ним следует отнести название реки на Днепровском Левобережье – *Псел* и производные от этого названия гидронимы, являющиеся притоками этой реки. Почти столетие тому назад А.М. Бодянский нашел аналогию названия реки *Псел* с кавказскими гидронимами типа *Пса*, *Псе*, *Псекунс*, *Психуаба* и т.п.. По его мнению, в основе этих гидронимов находится корень *Псы-*, что в адыгских языках означает «вода, река»¹. Эту гипотезу поддержали современные лингвисты Дж.Н. Коков, К.М. Тищенко и др. Однако они не склонны были относить появление данного гидронима на территории Украины ко временам Средневековья². Относительно же других гидронимов, а также топонимов, у нас есть основание видеть в них следствие миграций адыгского населения на территорию Украины в XI–XVII вв., что подтверждается данными некоторых письменных источников. Это касается, в первую очередь, названий, происшедших от средневековых наименований адыгов – *касоги*, *черкасы*.

Уже в свое время А.С. Стрижак отметил на левобережье Псла гидроним *Косоговка*, который являлся левым притоком р. Лютедькой, впадающей в Псел с левого берега³. Эта информация базировалась на данных «Описания рек Черниговского наместничества» от 1785 г.⁴ На топографических картах второй половины XIX в. Косоговка уже не обозначена. Кроме того, на левобережье Псела, в среднем его течении, в недалеком прошлом имели распространение топонимы с основой *косог* (*косаг*). По данным переписи 1859 г., на территории Полтавской губернии в Зиньковском уезде существовали поселения: *Косоговицина* (*Пащенковка*) и *Косоговицина* (*Ивановка*)⁵. Кроме того, «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869–1890) свидетельствует о том, что в этом же районе на правом берегу речки Мужевая Долина во второй половине XIX в. существовал хутор *Косаговицина* (*Паськова*)⁶.

Относительно появления этих топонимов и гидронима *Косо́говка* существует мнение, что они были связаны с деятельностью Косо́гова Григория Ивановича, который был «стольник и воевода Русский»⁷ в XVII в. Обычно в качестве аналогии приводят данные о «Косо́говом вале», построенном им на южных границах современных Харьковской и Полтавской обл.⁸ Учитывая существование на Левобережной Украине гидронима *Косо́говка* и *Косо́гова вала*, А.С. Стрижак предположил, что название реки произошло от антропонима⁹. Однако такие случаи очень редко встречаются в гидронимии. К тому же на юге Харьковской обл., где проходил «Косо́гов вал» и действовал генерал Григорий Косо́гов, не зафиксировано ни одного гидронима или топонима с основой *Косо́гов-*. Поэтому появление гидронима и топонимов с основой *Косо́г-* в бассейне Псела можно объяснить и с позиций альтернативной точки зрения.

Имеет смысл обратиться к тем древнерусским летописям, где речь идет о сыне киевского князя Владимира – Мстиславе, который был сначала князем «Тмутороканских земель», а со временем стал и Черниговским князем. Для нас интерес представляет следующее сообщение Ипатьевской летописи: «В лета 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...»¹⁰. Другие летописи также повторяют эту информацию. В то время на Руси началась борьба за власть между киевским князем Ярославом и его братом Мстиславом, который из Тмутаракани переехал в Чернигов. В этом же 1023 г. войско Ярослава, основу которого составляли варяги-норманы, и войско Мстислава, которое состояло из северян и кавказских дружинников – касогов и хазар, сошлись в битве возле Лиственя. Летописец сообщает, что войско Мстислава победило, а его дружинники – касоги и хазары – не пострадали¹¹. В свое время В.В. Мавродин высказал предположение, что Мстислав должен был селить своих вассалов как на северных, так и на южных границах своего княжества, как это делал его брат Ярослав¹². В тот период продолжала сохраняться опасность со стороны кочевников – печенегов и торков. Поэтому появление касогов и хазар на южных границах Черниговского княжества было вполне закономерно. Но в то время южная граница Левобережной Руси проходила не по р. Псел, а вдоль течения р. Сулы. По наблюдениям М.М. Коринного, в XI–XII столетиях «за Сулой простирались земли Летописной «Украины» – буферного территориального образования между Русью и Половецкой землей, заселенной выходцами из Руси и степняками»¹³. Получается, что к этой «вольнице» относились и земли бассейна Псела. Вполне возможно, что после смерти Мстислава в 1036 г. часть верных ему касогов не пожелала признать власть Ярослава и переселилась на нейтральные территории в бассейн Псела. Это и нашло свое отражение в гидронимии и топонимии.

В Среднем Поднепровье имеется топоним, который может свидетельствовать о переселении адыгов в более позднее время. Речь идет о названии города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра. Этот топоним по форме напоминает этноним *черкес*, распространенный на Северном Кавказе. Именно это и породило в исторической литературе XVI–XIX вв. легенды, согласно которым: 1) этноним *Черкассы* появился в Среднем Поднепровье еще в XII в. и был связан с Черными Клобуками (Н.М. Карамзин); 2) в начале XIV в. крепость Черкассы основал литовский князь Гедимин, название ей дали переселенные им с Кавказа адыги-«черкасы» (литовская люстрация 1552 г.); 3) крепость Черкассы основали в XIII–XIV вв. мигрировавшие в Поднепровье из Курского кня-

жества беженцы-«черкасы», которые являлись выходцами из Пятигорья на Кавказе (В.Н. Татищев, И. Болтин, М.И. Антоновский, Д. Бантыш-Каменский, А. Ригельман и др.)¹⁴.

Несмотря на то, что все эти легенды имели идеологическую основу, современные исследователи считают, что третья легенда имела под собой исторические основания, хотя при этом отрицается причастность территории Курского княжества к этой миграции. Это подтверждают не только данные письменных источников, но и археологии. Прежде всего, обратим внимание на первое упоминание этнонима *черкас*. К сожалению, существует ошибочное мнение, что этноним *черкас* произошел от этнического названия *черкес*. Но в сочинении Плано Карпини «История монголов», написанном еще в 40-е гг. XIII в., среди завоеванных монголами народов Кавказа уже упомянут народ *чиркасы*¹⁵. Даже еще в XV в. итальянские авторы И. Барбаро и Г. Интериано использовали форму *черкасс*¹⁶. Что же касается российских документов, то в XIV в. «черкасами» стали называть народ на Северном Кавказе, т.е. адыгов¹⁷, а с середины XV столетия «черкассами» уже называли не только жителей Северного Кавказа, но и часть жителей Центральной Украины¹⁸. Это можно объяснить тем, что с XV в. гор. Черкассы долгое время являлся одним из административных центров Польско-Литовского государства, где происходил процесс формирования украинского казачества. По названию гор. Черкасс, вокруг которого казаки селились, их и стали именовать «черкасами». Характерно, что такая ситуация с данным экзоэтнонимом в российских документах сохранялась буквально до XVIII в., т.е. «черкасы» были и «малороссийские», и «пятигорские».

Однако уже с XVI–XVII в. западноевропейцы относительно адыгов Северного Кавказа начали использовать термин *черкес*¹⁹. В этом следует видеть влияние турок-османов, потому что особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидской графики давала вариант *чркс* без обозначения гласных, который турки-османы произносили как *черкес*²⁰. Поэтому нельзя ссылаться на переводы сочинений арабо-персидских авторов XIII–XIV в., где якобы упоминается этноним *черкес*. На самом деле, там фигурирует данный этноним без обозначения гласных либо в форме *ч.рк.с*, либо как *ал-дж.рк.с*. Стало быть, этноним *черкас* был первоначальным, и он появился в 40-е гг. XIII в.

Именно это и позволяет обратиться к фрагменту из сочинения Георгия Пахимера (1242 – около 1310) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где зихи отнесены к числу христианских народов Северного Причерноморья, впрочем как и русские, готы и аланы, которые признали власть Ногай в конце XIII в.²¹ Напомним широко известный факт, что византийцы называли адыгов зихами, а не использовали по отношению к ним другие наименования. Однако сообщение Георгия Пахимера так и не объясняет, были ли среди народов Северного Причерноморья, подвергшихся нападению Ногай, зихи, или они пришли вместе с Ногаем с Кавказа? Неясна также территория нахождения этих зихов: либо это Среднее Поднепровье, либо это Крым?

Тем не менее проведенные в 1996-м и 1999 г. С. К. Рецем и Д. П. Куштаном археологические разведки на месте бывшего сел. Василица, которое ныне находится в черте современного гор. Черкассы, позволили выявить в истории Черкасс золотоордынский период. Там были обнаружены могильник и поселение XIII–XIV вв. На могильнике были исследованы три христианских захоронения с редким инвентарем, который находит аналогии сре-

ди находок золотоордынского времени в Нижнем Поднепровье²². Стоит напомнить, что средневековые авторы неоднократно отмечали, что часть зихов, или кавказских черкасов исповедывали христианство²³. Таким образом, гипотеза о том, что правители монголов во второй XIII в. переселили с Кавказа в Среднее Поднепровье адыгов, которые основали поселение Черкассы, на сегодняшний день уже не выглядит анахронизмом.

До недавнего времени исследователи не подвергли анализу топонимы, содержащиеся в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Однако там имеются подвергшиеся славянской обработке названия, которые невозможно объяснить из индоевропейских или алтайских языков. Но связать их происхождение с кавказскими (адыгскими) языками, по нашему мнению, вполне возможно. В данном случае себя вполне может оправдать привлечение данных об аналогичных названиях на Северном Кавказе, в первую очередь, в местах расселения адыгского населения.

Так, в люстрации Каневского замка упомянуто «Селище замьково *Тепсеев* на Рси, 5 миль от замьку»²⁴. Если отбросить славянское окончание, то получаем исходные формы – **Тепсей* или **Тепсе*. Последняя форма очень хорошо соотносится с современным топонимом на Западном Кавказе – *Туапсе*, который Дж.Н. Коков объясняет из адыгских языков как «две реки, двуречье»²⁵. В нашем случае появление топонима *Тепсеев* можно объяснить тем, что поселение находилось между двумя реками – Рось и Днепр.

Там же находилось «село *Тулибле* у версти оть замьку»²⁶. В конце люстрации Каневского замка упомянуты и жители этого села как «*Тулибцы*»²⁷. Исходя из этого, можно считать исходной формой топонима термин **Тулиб*. Дж.Н. Коков отметил на Северном Кавказе существование подобного топонима – *ТхьальэIynl(э)* [Тхатлаупа], что означает «место, где совершается молитва»²⁸.

Недалеко от Канева было зафиксировано также и «селище Дердева, пусто, землянское»²⁹. Если отбросить славянское окончание, то получаем приблизительную первоначальную форму – **Дерд-*, что напоминает кабардинское слово *Дурдыл* – «необычайно хорошее, красивое». В данном случае вполне резонно видеть в первоначальном названии термин с семантикой «Красивое (место)», что вполне согласуется с природой Среднего Поднепровья. Однако на этом перечень подобных названий отнюдь не исчерпан. Кажется, люстрации Каневского и Черкасского замков от 1552 г. могут представлять большой интерес для лингвистов-кавказоведов и служить доказательством того, что задолго до середины XVI в. адыгские переселенцы уже были в Среднем Поднепровье.

В дополнение к сказанному можно отметить, что в этом же районе протекает река с явно кавказским названием – *Псоля*, которая является правым притоком Днепра. Возможно, что «Книга Большому Чертежу» начала XVII в. содержит одно из первых упоминаний о ней: «А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка Омельник Псельской»³⁰.

В упомянутой люстрации Каневского замка от 1552 г. среди большого количества имен особый интерес представляет антропоним «*Степанец Пятигорчин*»³¹. Создается впечатление, что малороссийские черкасы называли пятигорских черкасов не иначе, как «пятигорцы». Исходя из этого можно объяснить и происхождение названия села *Пятигорцы* на левом берегу Днепра на берегах р. Слепород, являющейся правым притоком р. Сулы. В

легенде об основании гор. Черкассы, содержащейся в данной люстрации, отмечено, что князь Гедимин «приведши Черкасовъ часть з княгиню ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днѣпре, где теперъ черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днѣпре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходить не престаи». ³² Несмотря на легендарность сообщения, приходится отметить возможность того, что пятигорские черкасы находились и на левом берегу Днѣпра, откуда они могли заселять правобережье Среднего Поднѣпровья. Следствием этого и стало появление на берегах р. Снепорода после 1552 г. села, носящего имя *Пятигорцы*, т.е. здесь мы видим множественное число, аналогичное названиям поселений *Черкассы*, *Яссы* и т. п.

На территории Украины известно всего лишь несколько сел с аналогичными названиями: Пятигоровка в Луганской обл., Пятигоры в Ровненской обл., Пятигоры в Киевской обл. и Пятигорское в Харьковской обл. И если происхождение названий большинства из них могло иметь отношение к ландшафту местности, то появление сел. Пятигорское в Харьковской обл. вызывает особый интерес.

Село расположено на берегах Северского Донца именно там, где в XVII в. проходила сторожевая линия Московского государства от набегов крымских татар. Там возникло немало укреплений, информацию о которых мы находим в актовых документах Московского государства. В частности, в них среди жителей этих крепостей Слободской Украины во второй половине XVII в. неоднократно упомянуты выходцы из «Пятигор» ³³. При этом редактор и издатель «Материалов...» Д.И. Багалея посчитал «Пятигоръ» селом, но при этом не уточнил точную его локализацию ³⁴. Исходя из этого, можно соотносить это селение либо с современными Пятигорцами на Полтавщине, либо с Пятигорами на Киевщине, либо с Пятигорским в Харьковской обл. Не исключено, что в данных случаях речь могла идти и о выходцах из района Пятигорья на Северном Кавказе. Этому имеются подтверждения в письменных документах того времени.

Так, в московских актовых документах сообщается, что по приказу царя Алексея Михайловича под Харьков и Чугуев неоднократно совершал свои рейды кабардинский князь Каспулат Муцаловия Черкасский в 1678-м и 1679 г. ³⁵ Вполне очевидно, что часть этих пятигорских черкасов могла остаться на землях Слободской Украины, что могло отразиться и в топонимии, т. е. можно предположить, что сел. Пятигорское в Харьковской обл. и было основано ими.

Таким образом, появление на территории Центральной и Восточной Украины топонимов, содержащих этнические названия адыгов, вполне можно связать с миграциями адыгского населения с Северного Кавказа в XI–XVII вв., что вполне соотносимо с информацией письменных источников того времени.

Примечания (Endnotes)

1. В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. Т. LXXXI. К., 1903. С. 3; Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия «Полтава» // Киевская старина. Киев, 1896. Т. IV.

2. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия: Краткий словарь. Нальчик, 1966. С. 159; Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. Киев, 2006. С. 89–90.

3. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. Киев, 1963. С. 27.
4. Описание рек Черниговского наместничества // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Чернигов, 1868. Кн. 2. Вып. 1–2. С. 26.
5. Полтавская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 53.
6. Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890) // history11.usoz.ru Листы 23, 23–12.
7. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. С. 27.
8. Гильденштедт. Путешествіе академика Гильденштедта / Переводъ съ немецкаго М. Салтыковой, съ ея предисловіем и съ примечаніями проф. Д.И. Багалея // Харьковскій сборникъ. Вып 5. Харьков, 1891. Прим. 16.
9. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. С. 27.
10. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 265.
11. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 95.
12. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. Львов, 1940. С. 137.
13. Коринный Н.Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. Киев, 1991. С. 58.
14. Горленко В.Ф. Об этнониме «черкасы» в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // СЭ. 1982. № 3. С. 96–106.
15. Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.;Л., 1957. С. 57, 72.
16. Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 108; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 24.
17. Патриаршая Десятая, или Никонова летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 184; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 34; Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. М.;Л., 1962. С. 71.
18. Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 136.
19. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 24.
20. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III. Ч. 2. Ст. 1969.
21. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. СПб., 1862. Т. I. С. 317.
22. Рець С.К. Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси 1996 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1996. 71 ар.; Куштан Д.П. Звіт про археологічні розвідки у Черкаській околиці за 1999 рік // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1999/11. 48 ар.
23. Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 93–106; Барбаро И. Путешествие в Тану. С. 157; Поркшеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 361–362.
24. Архивъ Юго-Западной Росіи. Киевъ, 1886. Ч. VII. Т. I. С. 101.
25. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 264–265.
26. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 99.
27. Там же. С. 105.
28. Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. С. 260.
29. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 98.
30. Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950. С. 112.
31. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 104.
32. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 103.
33. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков, 1886. Т. 1. С. 52, 79.
34. Там же. С. 350.
35. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. XVI–XVII вв. М., 1957. С. 362–363, 369–371.

УДК – 39(=352.2)

*А.И. Джонца,
В.А. Ньюшков
(г. Сухум)*

К ИСТОРИИ ГЮЭНОСА В ЭПОХУ ЭДЛИНИЗМА И ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

В своё время Ш.Д. Инал-ипа писал о Гюэносе как об одном из центров апсильской культуры¹. Возможно, что это и так! Но что мы знаем о Гюэносе периода поздней античности, да и вообще о том регионе, где располагалось это городище, появившееся, как свидетельствует многочисленный археологический материал, не позднее VI в. до н.э. благодаря грекам-колонистам? Этот регион можно охарактеризовать как центральную и южную часть современного Очамчирского района Республики Абхазия. Очевидно, в археологическом плане Гюэнос I тыс. до н.э. хорошо изучен. Имеется достаточно исследований, касающихся Гюэноса в раннеантичную эпоху. Наибольшего внимания заслуживают работа Ю.Н. Воронова «Гиенос», опубликованная в «Советской археологии», и монография С.М. Шамба «Гюэнос – 1».

Между тем, больший интерес история Гюэноса может представлять в последние века его существования, в период, когда тут, согласно археологическим и письменным позднеантичным источникам, проживали апсилы, а сам район поселения Гюэнос с первых веков нашей эры попал в орбиту влияния древнеабхазского этнополитического образования Апсилья, центр которой формировался в Цебельдинской долине, включая сюда и район сел. Джгярда-Атара (Очамчирский р-н), т.е. в период поздней античности. Надо заметить, что сам район, находясь в междуречье Кодора и Ингура, представлял основную часть этнической территории древнеабхазской этнической общности апсилов. Однако говорить о нём как о центре Цебельдинской культуры при уже имеющемся и бесспорно доказанном археологическом материале (Цебельдинская долина) и недостаточной изученности пока преждевременно.

В тоже время Гюэнос и в эпоху поздней античности оставался довольно крупным торгово-экономическим и культурно-религиозным центром для этой части Абхазии, или, точнее, Апсильи. Археологические материалы, идентичные по своей типологии и характеру цебельдинским, обнаруженные, в частности, на близлежащей к Гюэносу территории села Окум, свидетельствуют не только о проживании как таковых апсилов, но и развитости данного района (прибрежная часть), попавшего с IV в. в сферу византийского влияния. В итоге, если проследить по отдельным находкам специфической керамики и железных изделий (топоры, мотыги и др.), указывающих на возможность существования могильников, мы можем видеть, что Цебельдинская культура распространяется на довольно большой

территории с отмечающимися её признаками «в сёлах Абжаква, Парнаут, Джгерда, Адзюбжа, Тамыш, Кутол, к западу от Очамчыры (Гюэнос), в селе Царче и ряде других пунктов Сухумского, Гулрыпшского и Очамчырского районов»². Небезынтересно в данном случае отметить находку «черепков крупных сосудов с чашеобразным венчиком цебельдинского типа» на склонах холма у р. Галидзга, около сел. Заган³, недалеко от Очамчыры.

Так, в 1936–1937 гг. во время строительства морского порта археологи Л.Н. Соловьев, М.М. Иващенко, Б.А. Куфтин выявили античное поселение, отождествив его с античным Гюэносом. Как показал археологический материал Очамчырского порта, новый подъём городской жизни Гюэноса начался во II–V вв. н.э.⁴ По сообщению Г.К. Шамба, который раскапывал этот памятник в конце 70-х гг. XX столетия совместно с М. Барамидзе, здесь были найдены кухонная и хозяйственная посуда, принадлежности конской упряжи. Памятник они датируют V–I вв. до н.э., разделив его на три слоя. Первый горизонт – слой позднеантичного времени, второй горизонт – эллинистического времени и нижний горизонт – раннеантичного времени (V в. до н.э.)⁵.

Правда, продолженные в 1981 г. археологические раскопки и работы на месте, где некогда находилось городище Гюэнос, названное Псевдо-Скилаком Кариандским «эллинским городом», выявили раннеантичный слой второй половины VI в. (что стало сенсацией); они же и подтвердили, что Гюэнос в ранневизантийский период являлся торгово-экономическим, политическим и религиозным центром в этой части Аписилии. Это было время возрождения Гюэноса, свидетельством чему служит существовавшая внутри поселения раннехристианская церковь (базилика). «Судя по остаткам пока неисследованных стен, которые видны близ церкви, они принадлежали постройке крепостной, а не кладбищенской». На это указывает малое количество погребений за пределами церкви (всего 7)⁶, т.е. церковь не была загородной.

В течение сезона 1981, 1983-го и 1985 гг. была раскопана раннехристианская доюстиановской эпохи церковь. Фундаменты церкви впущены в мощный культурный слой античной эпохи, наиболее ранние материалы которого относятся к VI в. до н.э.; было установлено (что важно): , городище непрерывно функционировало вплоть до раннего Средневековья⁷. По мнению С.М. Шамба, «церковь в Гюэносе – это памятник, тесно связанный с позднеантичными традициями, с позднеримской и ранневизантийской культурой восточного Средиземноморья»⁸. Не останавливаясь конкретно на типологических и других характеристиках отмеченной базилики, поскольку о ней имеется подробное описание в ряде работ⁹, хотелось бы отметить, что по особенностям плана и строительной технике её можно отнести ко второй половине V в.¹⁰ Она сыграла важнейшую роль в распространении христианства в этом восточном краю, населённом апсилами и мисимианами. Как полагает Л.Г. Хрушкова, цитируя Прокопия, апсилы были христианами «с давних пор», они познакомились с новой верой благодаря таким церквам, которые строились в городах, расположенных на побережье¹¹.

Вместе с тем, здесь, на месте церкви «на глубине 40–50 см от уровня пола, было найдено четыре конских захоронения» во время раскопок в 1985 г.; «одно из захоронений располагалось между западной стеной южного придела и восточной стеной нартекса, т.е. за пределами храма. Три других комплекса были расположены в средней части наоса»¹². Основной

инвентарь всех отмеченных комплексов: бронзовые налобники, наносники и нащечники, железные удила и псалии и другие образцы так называемого «звериного стиля», наконечники стрел и т.п. Как полагает исследователь, «однотипность бронзовых украшений позволяет говорить об их одновременном захоронении»¹³. Вообще же, как указывает С.М. Шамба, число этих захоронений довольно значительное; «так, на площади ок. 300 м² выявлено восемь комплексов захоронений конских черепов»¹⁴ с набором¹⁵. «К сожалению, степень сохранности костяков не позволяет говорить о том, были ли эти черепа целые или фрагментированные»¹⁶ на данном могильнике. Предположение С.М. Шамба, что эти захоронения имели чисто ритуальное значение¹⁷, нашло поддержку со стороны Г.К. Шамба. «Учитывая, что все захоронения залегали примерно на одном и том же горизонте от современной поверхности (80–100 см), также единый способ захоронения и почти идентичность этих предметов, можно считать, что в данном случае мы имеем дело с особым ритуальным могильником, в котором были произведены захоронения конских черепов»¹⁸.

По мнению же В.Р. Эрлиха, здесь находилось святилище, где в жертву приносили коней. Так, на его взгляд, обнаруженные вещи (узда, псалии, наносники) на городище Гюэнос находят свою серию аналогий в Прикубанье: в Уляпских, Елизаветинских, Тенгинских и в др. курганах, т.е. выполнены в прикубанском зверином стиле; можно говорить, что «весь набор находок – чисто кубанский; мы можем предположить, что имеем дело с остатками святилища, подобного распространённым в это время в Прикубанье святилищам с конскими жертвоприношениями». Сам же набор целиком был вывезен из Прикубанья. Да и «обряд, заключавшейся в захоронении конских черепов с уздечкой, находит параллели в серии меотских святилищ IV в. до н.э. – Уляпских, Тенгинских, Воронежских, Говердовских»¹⁹. В свою очередь, это, возможно, и дало повод автору утверждать, «что на городище Гюэнос во второй половине IV в. до н.э. совершались конские жертвоприношения по меотскому обряду»²⁰. Внезапное же запустение городища Гюэноса исследователь увязывает «с появлением здесь конных отрядов из Прикубанья, которые, разрушив поселение, и совершили здесь жертвоприношение»²¹, т.е. в IV в. до н.э.

В итоге, развивая данный вывод, Ю.А. Прокопенко увязывает появление меотских отрядов в Южной Абхазии с экспансией прикубанского союза племён. Так, он отмечает: «Победа в гражданской войне Боспора обеспечила местным племенам защищённый тыл. Поэтому экспансия прикубанского союза племён была направлена на юг. Прекращение традиций захоронений в Елизаветинских курганах, возможно, связано с уходом военизированной части населения. Базовая основа этого объединения – совместные походы в Закавказье»²². Точку зрения В.Р. Эрлиха о вторжении на городище Гюэнос военных отрядов из Прикубанья и т.д. поддержала и Е.В. Переводчикова, говоря о находках звериного стиля Прикубанья на других территориях, в частности, на городище Гюэнос, «где серия подобных вещей, – на её взгляд – была обнаружена в контексте, находящем близкие аналогии в прикубанских святилищах»²³. Здесь же следует отметить и ещё одно интересующее нас по данной теме мнение. Давая характеристику понятию «меотское святилище», И.С. Каменецкий указывает, что они были «одноразовы»²⁴, т.е. «совершалось какое-то грандиозное действие с жертвоприношениями, после чего всё погребалось», и посвящено это одноразовое действие было конкретному событию, «например, победе в бою». В этом

отношении более всего, по мнению И.С. Каменецкого, выразителен «меотский жертвенный комплекс в Абхазии, появившийся в результате похода меотов и их победы»²⁵, ссылаясь на В.Р. Эрлиха. Сам же В.Р. Эрлих, подводя итог, заключает, что «найденная на городище Гюэнос конская упряжь из Прикубанья свидетельствует скорее всего об отнюдь немирном проникновении воинского контингента из этого региона в Закавказье во второй половине IV в. до н.э.»²⁶.

Впрочем, и сам нашедший конские черепа С.М. Шамба указывает, что бронзовый инвентарь при них имеет адыгское происхождение. Так, касаясь налобника, обнаруженного в комплексе № 1, исследователь отметил, что такой же по форме и размеру налобник происходит из адыгейского аула Уляп, в связи с чем (на основании раскопок Уляпского ритуального комплекса) данный экземпляр он датирует IV в. до н.э. Это касается и двух бронзовых псалий, обнаруженных в комплексе № 2, которые типологически напоминают адыгские экземпляры, датированные IV в. до н.э. В комплексе № 3 также среди встречаемого инвентаря можно найти его прямые аналогии всё в том же Уляпском могильнике IV в. до н.э.²⁷, ритуальные комплексы которого находились в западной части некрополя, где располагался означенный грунтовый могильник IV – начала III в. до н.э.²⁸; они же, согласно В.Р. Эрлиху, являлись одними «из характерных черт археологической культуры оседлого населения Кубани», «они известны с протомеотского времени, т.е. со времени начала формирования меотской культуры и прослеживаются до II в. до н.э.»²⁹.

Сам же факт нахождения на территории Абхазии двух ритуальных комплексов (площадок) Гюэнос и Ахул-абаа³⁰, судя по обнаруженным вещам, имеющим прикубанский (меотский) характер, заслуживает особого внимания. Однако увязывать их появление с проникновениями сюда военных отрядов, состоявших из меотов, и совершением ими конских жертвоприношений, в частности на городище Гюэнос, должно иметь конкретное объяснение. Сам же автор, В.Р. Эрлих, справедливо ставит ряд вопросов: Какова причина этих походов? Какими путями эти воинские отряды попадали из Прикубанья в юго-восточную часть Абхазии?³¹ Вместе с тем, вывод В.Р. Эрлиха по поводу запустения городища Гюэнос в связи с появлением этих отрядов из Прикубанья нуждается, на наш взгляд, в определённой корректировке. «Прежде всего – хронологическая нестыковка: жизнь на городище прекращается, судя по археологическим данным, самое позднее – в начале IV в., в то время как захоронения конских черепов сам автор датирует второй половиной IV в., так что разница между этими двумя событиями – лет 40–50»³². Таким образом, «либо меотские всадники, совершившие жертвоприношения, находились в данном поселении все эти годы (этому, однако, противоречит отсутствие следов какого-либо поселения на городище Гюэнос в данный период), либо они прибыли значительно позже, застали уже покинутое поселение и, следовательно, совершенно непричастны к его разрушению. Данное положение, кстати, подтверждает и отсутствие следов насильственного разрушения (пожара и пр.) на городище Гюэнос в указанную эпоху (начало IV в.)»³³.

По нашему же мнению, об отсутствии насильственного разрушения может говорить и такой факт, как происходившие в тот период (конец V – начало IV в. до н.э.) активные геологические процессы во всём Причерноморском регионе. Так, внезапное прекращение жизни античного полиса на восточном холме, где были зафиксированы конские головы³⁴,

было связано с опусканием берега моря и заболачиванием местности. Столь невыгодные условия для проживания спровоцировали население оставить этот холм и переселиться на соседний, западный холм. Л.Н. Соловьёв считает, что «опускание берега и заболачивание было главной причиной, побудившей соорудить первый курган (западный), давший удобную для поселения сухую площадку, защищённую широким водяным рвом»³⁵. Здесь же исследователь предположил, что «это было незначительное поселение для каботажного плавания, периодически посещаемое греческими купцами»; вслед за этим автор отмечает, что «население было преимущественно туземное, о чём ясно говорит преобладание туземной керамики над импортной»³⁶. Так, при раскопке городища эллинистического Гюэноса, располагавшегося на месте современного Очамчырского порта, «были найдены кувшины, горшочки и миски местной работы, которые возможно датировать временем существования городища, т.е. IV – II вв. до н.э.»³⁷.

Следует отметить и то, что в указанное время (это подтверждают, в частности, археологические работы Л.Н. Соловьёва, Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронова) тут проживало древнеабхазское население, более известное по ранним античным источникам как гениохское; следовательно, в раннеантичный и эллинистический периоды Гюэнос «был основан на земле гениохов»; «отсутствие следов каких-либо этнических передвижений в Северной Колхиде в эллинистический период позволяет полагать, что этническое окружение Гюэноса не менялось вплоть до I в. до н.э.»³⁸. В своё время О. Лордкипанидзе отметил, говоря о Гюэносе, что «нет оснований рассматривать это поселение как чисто греческое, а тем более полис. Важно иметь в виду, что и здесь мы не находим следов производственной деятельности греков V–IV вв. до н.э.»³⁹ и захоронений. На этом поселении нет ни одного греческого захоронения. По мнению же Л.Н. Соловьёва, «это была типичная торговая фактория, приспособленная к условиям сезонной торговли, оживавшая летом во время прихода торговых судов и пустевшая зимой»⁴⁰.

В это же время (в IV в. до н.э.) дальнейшее развитие получает торговля с Колхидой не только в прибрежной части, но в горной местности. Об этом свидетельствует, например, Джантухский могильник, расположенный в 30 км от Гюэноса. Последние произведённые на нём работы под руководством А.И. Джопуа, А.Ю. Скакова ещё только усилили повод считать, что население, оставившее Джантухский могильник, обеспечивало функционирование важнейших для того времени торговых маршрутов, связывающих Западное Закавказье и Северный Кавказ. «Наличие как «кобанских», так и «колхидских» черт, а также предметов, связываемых с культурой ранних кочевников и античного импорта, объясняется местоположением могильника на древнем торговом пути, связывающем Колхиду и Центральный Кавказ по ущельям рек Галидзга, Ларакваква, Ингури, Накра»⁴¹. Со всех округов Северного Кавказа торговцы (скифы, меоты, сарматы, кобанцы) съезжались в древнее поселение на берегу моря и через Ткуарчалское ущелье. Их следы находят в могильнике, который существовал с поздней бронзы до эллинизма. Вполне вероятно, торговцы попадали в Гюэнос на лошадях и привозили товар для обмена. Здесь же следует сказать, что за Джантухом не встречается импортная керамика, что может свидетельствовать о посреднической деятельности населения и буферной зоне Джантухского региона.

Очевидно, что и в самом поселении Гюэнос представлен был местный этнический элемент с чётко прослеживаемыми следами деятельности

местного населения, предков апсиров. Было выделено множество керамических изделий местного производства, в ряде случаев носивших ритуальный характер, в частности, пифос-корчага с гравированными оригинальными изображениями фантастических животных, характерных для эпохи колхидской культуры, или пифосы с зооморфными линейными графическими изображениями животных⁴². Также раскопки древнего Гюэноса за всё время не выявили какого-то сооружения, не были обнаружены городские кварталы, столь характерные для древнегреческих полисов. Процент импортной керамики, найденной на городище, не превышает 10–15%. Поддерживая Л.Н. Соловьёва, мы также считаем, что Гюэнос был посещаем в определённое время, т.е. сезонно.

Что же касается отмеченных выше ритуальных захоронений конских черепов меотами, а также некоторых предметов конской упряжи, то их появление на территории Гюэноса и в окрестностях Диоскурии (на поселении Ахул-Абаа) было, главным образом, связано с проводившейся активной торговой деятельностью обитателей этих поселений в Восточном Причерноморье. Это подтверждает и Страбон, говоря о Диоскуриаде, которая, по его словам, являлась «общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей»⁴³. Видимо, для большего обеспечения безопасности доставляемого ценного груза для населения Северо-Кавказского региона древними греческими торговцами было достигнуто взаимовыгодное соглашение, в частности, меотской знати с представителями местных властей Диоскурии и Гюэноса о пребывании небольшого меотского воинского всаднического контингента в тех районах современной Абхазии, где шёл интенсивный обмен, поскольку для перевозимого богатства требовалась надёжная охрана. Вследствие этого и определённый процент меотских вещей эллинистической эпохи теперь можно найти в могильниках Абхазии. К тому же сама общая этнокультурная среда не давала меотам чувствовать себя на территории Восточного Причерноморья, где проживали родственные им, в том числе по языку, древнеабхазские племена, чужими. Общеизвестно, что «родство языков в основном предполагает родство его носителей. А родственные языки и их носители обычно локализуются рядом. Если исходить из того, что носители хаттского языка проживали в центральной и северо-восточной части Малой Азии, то, надо полагать, в ареале их контактирования находились и народы, говорившие на абхазо-адыгских языках»⁴⁴.

Между тем, есть и несколько иная точка зрения, позволяющая объяснить присутствие отдельного контингента из Прикубанья в Абхазии. Так, М.Ф. Высокий считает, что пребывание представителей меотской культуры (не исключено – военных) связано с тем, что они были, являясь отрядом, наняты на службу Диоскурией и выполняли функции пограничной охраны на холме Ахул-абаа, т.е. на одном из пограничных пунктов хоры Диоскурии. «Вполне вероятно, что отряд из Прикубанья на городище Гюэноса выполнял аналогичные функции – пограничной охраны и (или) контроля над территорией». При всём этом дислокация военного отряда в Гюэносе, по предположению автора, связана была с наёмничеством Диоскурии. «Хотя греки и покинули Гюэнос, однако диоскурийцы вполне могли считать эту традиционно греческую территорию своей сферой влияния и, соответственно, разместить здесь свои гарнизоны»⁴⁵. При всей кажущейся логичности этой версии возникают два серьёзных вопроса: за-

чем надо было охранять означенную выше пограничную территорию и почему для этого надо было нанимать меотский военный отряд?

В этом смысле более подробную информацию по поставленным вопросам можно найти в сообщении А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа. «Было бы логично допустить, что расширение зоны контроля населения, оставившего Джантухский могильник, на всю территорию горной части Северо-Западного Закавказья (в частности, район Шубары ранее относился к Бзыбской колхидской культуре (по А.Ю. Скакову); теперь же культурная принадлежность этого могильника меняется, и установление его господства над перевальными коммуникациями seriously обеспокоило как Диоскурию, так и местных правителей и, возможно, стало причиной прекращения жизни на городище греческого полиса Гюэнос в начале IV в. до н.э. Именно в связи с этим происходит приглашение на территорию современной Абхазии меотского воинского контингента, при том, что меотские племена Северо-Западного Кавказа, бесспорно, сами были заинтересованы в бесперебойном функционировании перевальных коммуникаций»⁴⁶, или, как нами выше было отмечено, в их безопасном функционировании. Также А.Ю. Скаков и А.И. Джопуа считают, что «данная гипотеза ни в коей мере не исключает более длительной истории взаимоотношений между древним населением центральной (северо-западной) Колхиды и меотскими племенами», на что обращает внимание и сам В.Р. Эрлих⁴⁷, и это вполне справедливо.

Следует также обратить внимание и на само святилище, которое, на наш взгляд, больше походило на ритуальную площадку⁴⁸, где производилось погребение конских черепов, и использовалось для совершения обрядов (разовых), куда местное население приходило поклоняться и совершать ритуальные обряды, что в современной Абхазии наблюдается и поныне. Прикубанский же характер конского инвентаря может только указывать на широкое распространение его среди зажиточного аборигенного населения городища Гюэнос. Правда, по классификации А.Р. Конторовича и В.Р. Эрлиха, святилище на Гюэносе относится ко второму виду святилищ меотов. Это конские жертвоприношения (целые костяки, черепа коней или только уздечка), без деревянной конструкции и без определённой системы небольшой насыпи⁴⁹. Однако верно мнение И.С. Каменецкого, что «настоящее долговременное святилище на чужой территории возникнуть не могло»⁵⁰. Поэтому сам факт отсутствия меотских вещей на городище Гюэнос даёт основание ставить под сомнение существование святилища как такового. Как известно, святилища создаются в местах проживания местного этнического, единого состава населения или родовой группы. Там, где предполагается святилище меотов в Гюэносе, в окрестностях означенного городища, существовали свои местные святилища – аныха, действующие и по сей день. Это: Елыр-ныха, Джахашкиар-нын (с. Члоу) и т.д. Святилища имеют тысячелетнюю историю, в них и по сей день проводят регулярные моления. В одном из таких мест, в частности, в селе Илори (недалеко от Гюэноса) находится отмеченное святилище Елыр-ныха, на месте которого впоследствии, в XI в., был возведён Илорский храм. В современной Абхазии неизвестны другие святилища других этнических групп. В связи с этим достаточно логичным выглядит представление, оформившееся несколько позднее, «в период появления богов традиционного пантеона во главе с Анцва, но по сей день являющейся краеугольным камнем национального менталитета. Согласно ему, сама земля Абхазия считается уделом Анцва, который он передал абхазам в вечное пользование, заповедовав хранить эту

землю от всех, кто захочет её присвоить. А чтобы не забыли люди, чья это земля, Апааимбар (посланник Анцва) установил на ней семь святилищ – аныхы – для поклонения Богу»⁵¹, семь главных. По данным Ш.Д. Инал-ипа, «на сегодня можно ещё обнаружить следы или воспоминания о древних языческих святилищах Абхазии количеством до 30 и выше»⁵².

Таким образом, говоря о присутствии небольшого меотского отряда на территории Абхазии, мы склоняемся к тому, что их нахождение в районе Гюэноса было обусловлено, скорее всего, охраной товарного имущества, предназначавшегося для Северного Кавказа. Видимо, Гюэнос (как типично местное городище) представлял собой наиболее удобное место для совершения торговых операций, поскольку был связан более короткой дорогой с Северным Кавказом, включая Прикубанский регион, шедшей через Джантух. Имевшееся же меотское святилище следует рассматривать как возможно существовавшую ритуальную площадку, на которой жители поселения могли совершать обряд поклонения коню, и то, судя по количеству найденных черепов, очень редко. Обнаруженные при них вещи конского убора, имеющие меотский характер, вероятно, надо связывать с восприятием местными мастерами художественно-эстетических приёмов елизаветинского стиля IV в. до н.э., что и наблюдается в находках в разных районах Абхазии. Если же говорить вообще о конских погребениях в Закавказье, то они появляются уже в последних веках II тыс. до н.э., включая и захоронения отдельных конских черепов, «в ряде случаев в подкуранных каменных ящиках»⁵³.

Так, на 8 конских погребений с уздой в Гюэносе своё внимание обратил также Ю.Б. Полидович, поддержав мнение В.Р. Эрлиха, что они представляли собой жертвоприношения на своеобразном святилище, вероятно, оставленные меотами после удачного похода, приведшего к гибели поселения Гюэнос в IV в. до н.э.: автор сделал акцент на то, что предметы оформлены в прикубанском «зверином стиле», конкретно – на пластинчатом бронзовом налобнике из набора коня 1 (1984 г.) с изображением протомы волка. По мнению Ю.Б. Полидовича, «данный налобник уникален, особенно необычен ракурс изображения зверя. Наиболее близким гюэносовскому является изображение протомы хищника на бляшке из кург. 22 у с. Староживотинное (Среднее Подонье) IV в. до н.э.»; он считает, что «щиток налобника можно воспринять как единый образ, представляющий символическое воспроизведение шкуры волка». Данную деталь конского оголовья, полагает Ю.Б. Полидович, можно рассматривать в качестве маски, «посредством которой конь в ходе ритуала преображался в иное животное, обладающее синкретическими чертами». Сама же «оголовная маска служила ритуальному преобразованию именно погребального коня»⁵⁴. Здесь автор отметил, что характер гюэносовского святилища неясен, что, в свою очередь, на наш взгляд, можно ставить под сомнение и само существование святилища. Скорее всего, тут производились, как пишет и сам исследователь, погребально-поминальные ритуалы без принесения благодарственных жертвоприношений богу войны и победы⁵⁵, поскольку ни в письменных, ни в вещественных источниках в это время не упоминаются военные столкновения на данной территории.

Вместе с тем в этой связи следует отметить синхронность ритуальных захоронений-памятников в Гюэносе и на Северном Кавказе (Уляпские курганы), на что в своё время обратил внимание Г.К. Шамба. Так, он подчеркивает, что на предметах конского убора (найденных на могильнике

Гюэноса) получают своё отражение всевозможные мотивы из растительного и животного мира, выполненные в скифском зверином стиле⁵⁶ (на псалиях и на налобниках из комплексов № 1 и № 2 с изображением хищных животных с одинаково переданными изображениями пасти, клыков, ушей). Зооморфный образ замечается и в обнаруженных в Алексеевском ущелье (территория современного Сухума) псалиях и налобной пластине (детали конской сбруи). Здесь также передан образ хищника: «Голова хищника-птицы является одновременно «пяточком» кабана, где глаз животного служит ноздрей»⁵⁷. Что интересно, «подобные изображения птичьих головок не находят аналогий на вещах елизаветинского стиля»⁵⁸. Вместе с тем близким прототипом образу головы кабана из Алексеевского ущелья может являться группа изображений головы кабана V в. до н.э. с Семибратных курганов. Видимо, мастер, изготовивший пластину из Алексеевского ущелья, хорошо знал как вещи эпохи Семибратных курганов, так и владел приемами елизаветинского стиля». Есть основание говорить, что «налобная пластина и, вероятно, весь конский гарнитур из Алексеевского ущелья были изготовлены не в Прикубанье, как, например, комплекты узды из Гюэноса, а местным мастером»⁵⁹. Таким образом, налобную пластину в виде головы кабана из Алексеевского ущелья, как и псалии из этого, скорее всего, уздечного гарнитура, можно датировать временем прикубанского типа вещей из станицы Елизаветинской, т.е. IV в. до н.э.⁶⁰ В тоже время есть все основания полагать, что определённое влияние на местный звериный стиль со стороны Западного Кавказа оказывалось и ранее, ещё в V в. до н.э.⁶¹, т.е. можно утверждать, что с этого времени меото-скифский звериный стиль получает своё распространение на всей территории Абхазии, особенно в IV в. до н.э. «Для всех известных на Кавказе образцов общим является скифский канон, что, наверное, неудивительно, если принять во внимание особенности кавказского искусства времени скифской архаики»⁶², который прослеживается и в закубанских богатых комплексах, как Келермесские или Ульские курганы. «Последние раскопки в этой зоне позволили выдвинуть гипотезу, что здешние крупные богатые воинские погребения под курганами оставлены скифской знатью, а обнаруженные там же грунтовые могилы – зависимо-му от скифов меотскому населению»⁶³. Как нам кажется, меоты попали под скифское влияние.

Таким образом, мы можем как на возвышенностях Ахул-абиа, так и на городище Гюэнос наблюдать обычную картину воплощения местными мастерами елизаветинского стиля⁶⁴, в данном случае – прикубанского, например, из станицы Елизаветинская единого уздечного гарнитура. В частности, «снаряжение коня обладало общими чертами на очень широких территориях»⁶⁵, подтверждением этому являются и изображения, выполненные в скифском зверином стиле, найденные и на территории Абхазии. Несомненно, что с эпохи бронзы на территории Абхазии смены населения не наблюдалось. Джантухский могильник, а также поселения колхидской культуры Тамышское, Моквинское, Гагидское и др., располагавшиеся недалеко от Гюэноса, наглядно это демонстрируют. На это указывают археологические источники, а письменные источники позднеантичной эпохи локализируют древнеабхазские племена в этом регионе.

Итак, поднятая нами проблема о распространении (может быть, и частично) меотской культуры на территории раннеантичного Гюэноса должна решаться в комплексе археологических, этнографических, письменных источников, поскольку, кроме меотских уздечек и конских черепов, свя-

занных с возможным присутствием меотов, постоянных археологических следов их присутствия на территории современной Абхазии нет.

Примечания
(Endnotes)

1. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. 2-ое, перераб. и доп. издание. Сухум, 2011. Том III. С. 417.
2. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С. 45.
3. Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 68.
4. Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и древняя Колхида (К истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VI в. до н.э.). (На груз. яз. с русск. резюме). Тбилиси, 1966. С. 58.
5. Шамба Г.К. Очерки по археологии Абхазии. (На абх. яз). Сухум, 1981. С. 88.
6. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос // Вестник древней истории. М., 1987. № 1. С. 111.
7. Кобахия Б.С. Шамба С.М. Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1985. С. 470.
8. Шамба С.М. Гюэнос-1. Тб., 1988. С. 61.
9. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос // Вестник древней истории. М., 1987. № 1.; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 273–290.
10. Хрушкова Л.Г. Указ. соч. С. 290.
11. Она же. Указ. соч. С. 290.
12. Шамба С.М. Указ. соч. С. 55.
13. Он же. Указ. соч. С. 57.
14. Он же. Указ. соч. С. 64.
15. Один комплекс был выявлен раскопками М.Б. Барамидзе в 1977 г., а семь других – раскопками С.М. Шамба.
16. Шамба Г.К. Абхазия в I тыс. до нашей эры. Сухум, 2000. С. 102.
17. Шамба С.М. Указ. соч. С. 57.
18. Шамба Г.К. Указ. соч. С. 102.
19. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // Вестник древней истории. М., 2004. № 1. С. 170; Он же. Святилища некрополя Тенгинского городища III в. до н.э. М., 2011. С. 191.
20. Он же. Меотское святилище в Абхазии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII // Крупновские чтения 1971–2006. М.,–Ставрополь, 2008. С. 779.
21. Он же. Меотское святилище... С. 779.
22. Прокопенко Ю.А. К вопросу о реконструкции этнической истории Предкавказья в V–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. М., 2012. Вып. 11. С. 207.
23. Переводчикова Е.В. Находки звериного стиля Прикубанья на других территориях: Вопросы и интерпретации // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 245.
24. Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011. С. 244.
25. Там же. С. 245.
26. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии... С. 172.
27. Шамба С.М. Указ. соч. С. 56–57.
28. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М., 2013. С. 15.
29. Они же. Указ. соч. С. 72.
30. Выявленный археологический материал этого поселения со всей очевидностью свидетельствует о том, что «в IV–II вв. до н.э. местное поселение было полно-

стью втянуто в сферу влияния греческой культуры» (Воронов Ю.Н. Ахул-абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 32–36). С другой стороны, интерес представляет то, что тут (на холме Ахул-абаа) был вскрыт комплекс, по словам Ю.Н. Воронова, с местным погребальным обрядом: всаднический набор с двумя конскими черепами (Он же. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // Советская археология. М., 1991. № 1. С. 230). Вместе с тем, по мнению В.Р. Эрлиха, данный комплекс также сопоставляется с меотским святилищем. Кубанское происхождение уздечных наборов бесспорно, а обряд ритуального захоронения конских голов с уздой находит соответствия как в гюэносском святилище, так и меотских святилищах Прикубанья (Эрлих В.Р. Святилища некрополя... С. 91). В тоже время, судя по скоплению всаднического инвентаря и присутствию двух черепов, мы не можем так уверенно утверждать, что тут было святилище, тем более в условиях локализации на данном холме местного поселения. Здесь могло быть только святилище местного типа (Воронов Ю.Н. Ахул-абаа ... С. 33). С другой стороны, находясь недалеко от крупного древнегреческого раннеантичного полиса Диоскурия, поселение Ахул-абаа по своему характеру было с IV в. типично эллинистическим. «О контактах жителей этого поселения с греками, а впоследствии – и с эллинистической культурой, говорит незначительный объём греческих импортов, в частности керамики, датированной IV–III вв. до н.э.», «а также предметы уздечного набора», выявленные в двух погребениях, располагавшиеся на возвышениях холма (Чандрасекаран С.О. О греческих поножах из района Диоскуриады // Третья Международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 56).

31. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии... С. 172.

32. Высокий М.Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Итоги и перспективы исследования // ПИФК. М.–Магнитогорск, 2004. Вып. 14. С. 404.

33. Он же. Указ. соч. С. 404.

34. Шамба С.М. Указ. соч. С. 64.

35. Соловьёв Л.Н. Археологические раскопки близ г. Очамчиры в Абхазии // Советская археология. № 4. М., 1937. С. 323.

36. Он же. Указ. соч. С. 324.

37. Он же. Следы соляного промысла близ г. Сухуми и Очамчиры // Труды государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 36.

38. Воронов Ю.Н. Гиенос // Советская археология. М., 1976. № 4. С. 55.

39. Лордкипанидзе О.Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 220.

40. Соловьёв Л.Н. Диоскурия–Себастополис–Цхум // Труды Абхазского государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 111.

41. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 191. Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. М., 2012. С. 235.

42. Шамба С.М., Шамба Г.К. Раскопки древнего Гюэноса // Археологические открытия в Абхазии 1981–1982 гг. Тбилиси, 1985. С. 21.

43. Страбон. География в семнадцати книгах. М., 2004. С. 300.

44. Чкадуа Л.П. Избранные труды. Сухум, 2012. Т. 1. С. 348.

45. Высокий М.Ф. Указ. соч. С. 404–405.

46. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Указ. соч. С. 236.

47. Они же. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // II Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 137.

48. Для сравнения отметим: на Джантухском могильнике была обнаружена А.И. Джопуа и А.Ю. Скаковым ритуальная площадка (святилище) с удивительными находками, относимая по времени к VI–V вв. до н.э. Здесь были найдены золотая фигурка барана, бронзовая фигурка женщины. Они находились под ка-

менной вымосткой погребально-поминального комплекса. Обнаруженная ритуальная площадка была небольшой, уложенной камнями, и вокруг неё расположены погребальные ямы, в которых были проведены вторичные захоронения, характерные для абхазского населения. Данный вид обряда просуществовал до XVII в. На месте святилища были замечены следы шестов-палок, с прикреплёнными наконечниками копий и с подвешенными колокольчиками. Видимо, между камнями втыкали копья и шесты, в них вбивали железные стержни, на которые вешали колокольчики. Любое дуновение ветерка заставляло их звенеть. Это место считалось священным для местного населения, и чужаки туда попасть не могли.

49. Конторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. С. 24–25.

50. Каменецкий И.С. Указ. соч. С. 245.

51. Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. С. 35.

52. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 304.

53. Ковалевская В.Б. Конь и всадник, пути и судьбы. М., 1977. С. 66.

54. Полидович Ю.Б. Налобник с изображением волка из поселения Гюэнос // IV Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум, 2013. С. 72–73.

55. Он же. Указ. соч. С. 72–73.

56. Шамба Г.К. Указ. соч. С. 102.

57. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 164.

58. Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Об одной детали конской упряжи из Абхазского государственного музея // Труды Абхазского государственного музея. VI вып. Сухум, 2008. С. 26.

59. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Указ. соч. С. 165.

60. Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Указ. соч. С. 29.

61. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Указ. соч. С. 165; Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Указ. соч. С. 29.

62. Черных Е.М. Древности Кавказа и ананьинская культура: возможности сравнения некоторых предметов V–III вв. до н.э. // III Международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 213.

63. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 117.

64. Говоря о проникновении елизаветинского стиля из Западного Прикубанья на территорию Абхазии, надо иметь в виду, что данный стиль попадал как с северо-запада, где он чётко фиксируется на Эшерском могильнике эллинистического времени, так и со стороны перевалов Главного Кавказского хребта, а также с юго-восточной стороны Колхиды, через Джантух.

65. Ковалевская В.Б. Указ. соч. С. 114.

УДК – 94(=352.3)

Т.А. Дзуганов
(г. Нальчик)

ЧЕРКЕССКОЕ КНЯЖЕСТВО КОПА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В XV в.

Расцвет средневековой торговли и предпринимательства адыгов приходится на XIV–XV вв. и связан с итальянским присутствием в Причерноморье.

Венецианцы, затем генуэзцы и пизанцы обосновались на кавказском побережье в конце XII в., когда ослабевшая Византия утратила контроль над черноморскими проливами. Везде, где им удалось закрепиться, они основывают торговые колонии с надлежащей инфраструктурой и администрацией. Только в Причерноморье их насчитывалось 39. Крупнейшие из них – Кафа (Феодосия), Матрега (Тмутаракань), Мапа (Анапа), Тана (Азов), Бата и Копа. На вооружении итальянцев находились наиболее передовой европейский опыт кораблестроения и навигации, наиболее совершенная для своего времени система кредитно-финансовых отношений. Благодаря их предпринимательской деятельности черноморская торговля вновь была включена в систему мировых торговых коммуникаций.

Находившаяся на пересечении основных караванных магистралей между Западом и Востоком Кафа быстро превращается в крупнейший центр мировой торговли. Её обороты возрастали в арифметической прогрессии. В коммерческие операции активно включается причерноморское население Кавказа, которому представилась возможность выхода на новые мировые рынки. Здесь важно отметить, что итальянская колонизация Причерноморья не является отправной точкой процесса включения адыгов в систему международной торговли, и Константинополь до своего ослабления был ключевым, но отнюдь не единственным торговым партнером черкесов.

Тамань служила основным пунктом общения и торговли с населением Кубани и Кавказа. Список товаров, вывозимых генуэзцами из Черкесии, весьма обширен: продукты скорняцкого ремесла, кожаные ремни; марена; шерсть; миткаль и шафран, имевший известность как очень чистый; но главным местным продуктом был воск, в то время весьма востребованный в церквях и монастырях по всей Европе. Воск из Черкесии был менее чистым и менее окрашенным, чем из Фракии, но его там получали в большом количестве [2: 125]. Итальянцы вывозили из края зихов (западные адыги. – Т.Д.) также мед, меха, каракулевыя шубы [2: 236].

На рынки Черкесии, в свою очередь, доставлялись доспехи и кольчуги, мыло, рис, соль; хлопок-сырец и хлопчатобумажная пряжа; ладан, перец и имбирь, некоторые изысканные пряности, инжир; нарды, итальянские сукна и бокасины (куски полотна для пошива рубашек).

Одна из наиболее важных в экономическом отношении итальянских торговых факторий Копы (Локопы, Копарио) была расположена на правом берегу Кубани. Она находилась на территории, подвластной черкесским князьям, обозначенной на средневековых итальянских картах как «местность Копарио». На карте Висконти 1318 г. и более поздних везде фигурирует Копы, или Локопы; эти названия получены ею, вероятно, от реки Кубани – *Cisoro* и *Locisoro*. Центром густонаселенной области являлся черкесский город Копы, распространивший свое название на все близлежащие территории.

Товары этого богатейшего края были хорошо известны в Европе и относительно регулярно поступали на рынки Константинополя задолго до итальянской колонизации Причерноморья. Торговля была столь значительной, что в Константинополе уже во второй половине XII в. существовало специальное торговое подворье, ориентированное на продукцию из Копарио. Это подтверждается немногочисленными документами той эпохи, дошедшими до нас. В соответствии с трактатом от 1170 г., заключенным между византийским императором Мануилом и Генуей, генуэзцы получили в Константинополе торговое подворье со складом товаров под названием Копарио [6: 14]. По договору 1178 г. генуэзцам возмещались убытки, причиненные разрушением их «*embolo di Copario testé concessio*», т.е. торгового склада Копарио [6: 4].

Бесспорно, можно установить определенную связь между торговым подворьем *Copario* в Константинополе и *Copario* – Копой, упоминаемой в генуэзских документах XIII–XV вв., т.к. генуэзцы торговали на Кубани уже во второй половине XII в. С конца XIII в. торговля Генуи с Копой достигает значительных объемов. Икра из Копарио уже в первой половине XIV в. составляла важнейший элемент итальянского экспорта. Об этом свидетельствует довольно частое упоминание этого продукта в генуэзских документах того периода [5: 109].

Вместе с тем следует четко понимать, что применительно к этому периоду речь может идти лишь о торговом поселении генуэзцев в Копе, тогда как сам город существовал гораздо раньше и управлялся своими князьями. В начале XIV в. из этого города выселилась часть купцов, образовавших колонию – эмпорию на Западном Кавказе, получившую затем определенную экстерриториальность.

Колония Копы в пределах черкесского княжества, по мнению Гейда, была основана, прежде всего, для рыбных промыслов и торговли невольниками [5: 153] и со временем превратилась в «рыбный завод», охотно посещаемый кафинскими купцами. Коммерция приносила столь значительный доход, что в 1427 г. туда для надзора за делами и сбором налогов был назначен специальный консул [2: 126–127]. Большинство населения составляли переселившиеся в колонию местные черкесы; среди пришлого преобладали греки, затем итальянцы и армяне. Во главе управления стоял консул. Население колонии занималось главным образом соленьем рыбы и приготовлением икры.

Обязанности консула и других чиновников, находившихся при нем, определены в статуте 1449 г. [7: 829]. Прежде всего, консул, приехав в Копу, должен был собрать здесь всех купцов и затем явиться к местному владельческому князю, чтобы совместно с ним установить цену на рыбу на текущий сезон. На консула же возлагалась обязанность уплачивать князьям Зихии ежегодную дань, которая вносилась генуэзцами в форме обязательных даров.

Во избежание злоупотреблений, могущих при этом произойти, в статуте говорится: «Также постановляем, что когда названный консул должен будет отдавать дары князьям Зихии, то пусть созовет казначея и советников, которые должны осмотреть и отметить товары для этих князей, и следует им отмечать отдельно бокассины длинные и короткие, а затем должны они эти отмеченные куски передать оценщикам, которые предварительно дали присягу хорошо и правильно назначать цены, согласуясь со справедливой ценой» [7: 829].

Доходы в Копе поступали от обложения судов, лавок и прочих предприятий и промыслов жителей, а также штрафов. Из сохранившихся документов известно, что в колонии существовала довольно развитая инфраструктура: помимо консулата, было свое казначейство, бюро весов и мер. Не осталась без внимания и духовная составляющая жизни населения фактории. Для обслуживания религиозных нужд действовала приходская капелла (явление само по себе довольно уникальное). Из 39 итальянских поселений на Черноморском побережье собственную капеллу имело далеко не каждое. Эти факты подтверждают важность Копы и его значение для итальянцев.

Расчеты в коммерческих операциях осуществлялись в бокассилах, служивших региональной валютой. Это были куски ткани из тонкого льна различной длины. Наряду с ними фигурируют аспры (мелкая серебряная монета) и *sommi* – серебряные бруски определенного веса, но чаще ими обозначали известный вес или сумму серебра, которая равнялась от 160 до 200 аспрам по курсу [8: 153–154]. Купцы, заключающие контракт на закупку товара в Копе, обозначая денежные суммы в аспрах – «барикатах» (серебряная монета, носившая имя хана Берке) [1: 238], бывших ходячей монетой в Крыму, тут же переводили эту сумму на предметы меновой торговли – ткани, ковры и т.д.

Здесь следует обратить внимание на следующий важный момент. В кавказоведческой литературе XIX в. сложился устойчивый стереотип об отсутствии денежного обращения у черкесов и, соответственно, их экономической отсталости. Миф, конструируемый на протяжении столетий, включает в себя положения об отсталой экономической системе, слабо развитом сельском хозяйстве и ремеслах, господстве исключительно меновой торговли, когда предки нынешних адыгов, не зная ценности денег, использовали их преимущественно для украшения оружия. Основоположниками такого заблуждения стали средневековые путешественники и миссионеры, посещавшие пределы черкесов. Этот вывод содержался в большинстве описаний, во многом поверхностных и неточных. Именно факт преобладания менового характера торговли у черкесов и стал главным аргументом, на котором базируется эта ошибочная теория.

Идея была подхвачена европейскими исследователями Кавказа, затем перекочевала на страницы отечественной историографии, где благополучно дожила до наших дней. Остается неясным, почему никто из ученых, касавшихся этого вопроса, не обратил внимания на многочисленные свидетельства обратного. Анализ деловой документации Кафы, постановлений и распоряжений Банка Сан-Джорджо в Генуе, наконец, торговых договоров и частных писем населения итальянских причерноморских колоний дают совершенно противоположную устоявшемуся мнению картину. Черкесы великолепно ориентировались в существовавшей на тот момент сложной и запутанной денежной системе. Они неоднократно выступали

партнерами генуэзцев в коммерческих сделках. В обращении у них находились монеты разных стран и достоинств. Дело, по-видимому, в другом. Опасности длительных морских переходов, сама специфика средневековой торговли вынуждали европейских купцов навязывать причерноморским народам, в том числе и черкесам, бартер в качестве основной формы расчетов. Кроме того, чрезвычайное разнообразие монет в период Средневековья затрудняло и тормозило торговую деятельность, т.к. отношение золота к серебру было не везде одинаково. Вследствие ряда многих объективных и нередко – субъективных факторов колебания курса драгоценных металлов по отношению друг к другу стало довольно частым явлением. Во Франции, Германии и Англии это отношение в среднем составляло 1 к 12; в Италии соотношение курса иногда достигало 1 к 16. В среднем по Европе, соотношение золота к серебру на протяжении XIII–XVI вв. составляло 1 к 10,5. Платежи в основном проводились серебром, и лишь в редких случаях, как например, при покупке драгоценностей, – золотом [4: 123]. При разнообразии монет для взаимной уплаты употреблялись обыкновенно деньги той местности, где заключались сделки. Купцы привозили на рынок нечеканный металл, разменивали его тут же на местную валюту, с тем чтобы по окончании торгов вновь обменять ее на чистое серебро или золото. Такого рода размен стал весьма прибыльным промыслом и производился преимущественно в Италии. Разнообразие монет и ненадежность чекана обусловили появление специалистов, обладающих необходимыми экономическими и техническими знаниями, – менял. К XIV в. конторы менял вытесняются банками, которые были в состоянии оказывать торговцам более широкий спектр услуг. Помимо традиционных займов под проценты и денежных переводов, осуществлялись обмен поручений и долгов, отсрочки платежей, ставших прообразом вексельных писем. Опасность перевозки денег на большие расстояния и запрещение вывозить в некоторых землях золото и серебро в значительной мере способствовали развитию вексельного дела. Первопроходцами в этом деле опять-таки выступали предприимчивые итальянцы.

В эту сложную систему кредитно-вексельных отношений черкесы оказались инкорпорированы уже к середине XV в. Сохранившиеся документы банка Сан-Джорджо свидетельствуют, что черкесские князья неоднократно становились его клиентами. Фигурантами коммерческих сделок выступают представители черкесской аристократии князья: Берозох, Костомох, Кадибельди и другие, являвшиеся клиентами причерноморских филиалов банка [6: 14]. Одним из своих специальных распоряжений правление Сан-Джорджо попыталось даже запретить князю Матреги принимать и укрывать у себя злостных неплательщиков из среды черкесского нобилитета. Из этого ничего не вышло, так как Захария Гизольфи, внук Берзибоха, также являвшийся должником банка, небезосновательно опасался мести своих «неспокойных» родственников [6: 14].

Из документов видно, что в Копе была ярмарка, длившаяся, вероятно, с конца апреля до 15 мая. Купцы: греки, армяне и турки или генуэзцы – нанимали суда, которые они имели право задерживать у устьев Кубани на 15 дней до закрытия рынка. Конечно, из этого вовсе не следует, что Копы была временным рынком. Торговля могла вестись и, безусловно, велась и в другое время года; ярмарка была лишь завершением этой торговли. Об этом свидетельствует состав постоянного местного населения Копы, присутствие итальянских купцов, наличие консульства, церкви, торговых уч-

реждений, конторы мер и весов и, наконец, регулярный обмен с местными племенами [6: 14].

Есть также сведения, что предприимчивые генуэзцы вели разработку серебряных рудников в горах Кавказа [3: 225]; следовательно, Копы, учитывая её важное стратегическое положение, являлась перевалочным пунктом для транзита добытой руды. Значительные прибыли, получаемые итальянскими купцами, стимулировали укрепление и расширение экономических связей с Черкесией.

Кафа старалась сохранять курс на упрочнение торговых связей с Копой. Для достижения этой цели в ход шли любые средства. В 1471 г. консул Филиппо Чиавроиа сообщил о «соглашениях, заключенных к великой выгоде наших (купцов) с местными князьями Зихии и Копы» [6: 22]. «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии и что наши [купцы], надеясь на выгодное дело, отправились в Копу», – писали протекторы консулу в Кафе 30 июля 1473 г. [6: 22].

Предприимчивые генуэзцы зачастую шли на риск, так как заключаемые с местными князьями мирные договоры нередко были скорее формальностью, а параграф о «ненападении» соблюдался «коварными» зихами отнюдь не всегда. Ситуация последних лет присутствия генуэзцев в Причерноморье носила характер перманентной войны с черкесскими феодалами. В донесении консула Кафы банку Сан-Джорджо о делах колоний от 16 и 18 мая 1471 г. говорится: «Что же касается больших убытков и опасностей, которыми зихи ежегодно угрожают нашим купцам и гражданам в Копарио, постановлено было нами в этом году воспретить туда доступ кому бы то ни было до тех пор, пока удастся вступить с теми зихами в какое-либо соглашение. Думаем, что в этом году намерение наше легко будет исполнить, так как те зихи не имеют соли, без чего рыбу свою долго сохранять не смогут» [6: 22].

Для наказания «этих полудиких племен» власти Кафы в 1471 г. идут на беспрецедентные меры, введя экономическую блокаду княжества и фактории, запретив всем подданным любые сношения с Копой. Местные жители вскоре ощутили действие такого решения в недостатке соли для переработки рыбы и икры, так как её поступление из Крыма контролировалось генуэзцами. Кавалино Кавало, посланный из Кафы для урегулирования конфликта и заключения договора с местным правителем (*il signore di Cope*) и другими князьями*, скоро вошел в соглашение с ними и получил обещание, что впредь западные купцы и их суда не будут подвергаться нападениям. «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди и Петрезокком, князем Зихии, а также Бельзебоком, князем Копарио, и его супругой», – доносит консул в своем отчете в Геную. Однако это не помешало правителю Копы** в этом же году «причинить неприятности» некоторым генуэзцам, так что кафинская власть вынуждена была пойти на существенные уступки. Она, между прочим, снабдила правителя Копы материалом для постройки крепости, что стало, по мнению метрополии, непростительной ошибкой в отношении столь непрочного соседа. Получив в своё распоряжение крепость, чер-

* В документах, использованных Гейдом, упоминаются: «Cum domino Biberdi et Petrezoc domino Zichiae ac cum Belzeboc et domino Coparii».

** В документах переписки по этому вопросу между правлением банка Сан-Джорджо и правительством Кафы правитель Копы называется «Parabioc, Parabioch, Parsaboc, Parsabioc, Berzibec, Belzeboc».

керский князь становился менее уязвим для военного шантажа со стороны генуэзцев.

Генуя, недовольная таким обстоятельством и стремясь не допустить усиления черкесов, попыталась перехватить инициативу. В письме консулам Кафы от 4 марта 1475 г. говорится, что протекторы банка узнали о крайне неприятном обстоятельстве – постройке черкесским князем крепости в Копарио «вопреки установленным правилам, и о том, что консулы Кафы допустили вывезти оттуда и в ту местность доставить известь, камень и прочие материалы, требуемые для постройки». По мнению лиц, знакомых с положением вещей, в интересах Генуи необходимо разрушить эту крепость. В этой связи предписывалось «сосредоточить все помышления» на достижении этой цели. «Но, – подчеркивали протекторы, – действуйте, однако, осторожно и втайне, чтобы не проведали о стараниях ваших...». Кроме того, предписывалось немедленно начать следствие против виновных в доставке материалов из Кафы. Должны были быть привлечены к ответственности и те, кто предоставил суда для перевозки материалов в Копу, и даже те, кто находился там в отсутствие консула. Далее вновь предлагалось «войти в соглашение с князем Биберди и другими соседями князя Копарио или с одним из них. Это, быть может, приведет вас к цели» [6: 32].

Намерениям правления Сан-Джорджо уничтожить возведенную в Копарио крепость и тем самым ослабить черкесского князя не суждено было осуществиться. Несмотря на все усилия и предпринимаемые в этой связи действия, генуэзцы, (до взятия Кафы турками) не успели исполнить данное распоряжение» [5: 170–171]. Вследствие падения Копы в том же 1475 г. и оккупации её османами планы генуэзских властей не были приведены в исполнение.

Примечания (Endnotes)

1. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII siècle. Paris, 1929. P. 238.
2. Elie de la Primaudaie. Etudes sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies de la Crimée. Paris, 1848. P. 125.
3. Rasmussen. Journal asiatique. Paris 1835. T. V. P. 225.
4. Бэр А. История всемирной торговли. В 2 частях. М., 1876. Ч. 1. С. 123.
5. Гейд В. История торговли в Средние века / Пер. Л.П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915. № 52. С. 109.
6. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. № 5. С. 14.
7. Устав для генуэзских колоний в Черном море // ЗОИД. Т. 5. С. 829.
8. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗОИД. Т. 8. С. 153–154.

УДК – 903.25(=352.3)

А.А. Кадиева
(Москва)

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ПОЯС
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ,
ИЗ МОГИЛЬНИКА ПЕСЧАНКА В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ НАЛЬЧИК
(раскопки И.А. Владимирова)**

«Осенью 1897 г. несколько угольщиков, забравшись в глубь девственного леса, растущего в верхнем течении речки Нальчик, в местности, известной под названием «Песчанка», случайно обнаружили там стоявшие ребром в виде четырехугольника шиферные плиты, между которыми оказался человеческий скелет...». Этими строками начинается отчет И.А. Владимирова о работах, произведенных им в 1898 г. в указанном урочище. Им было исследовано 16 катакомб, чертежи которых были опубликованы в Отчете археологической комиссии, а предметы, происходящие из погребений, поступили в Императорский исторический музей (ныне Государственный исторический музей в Москве).

Благодаря выразительности вещевого материала, а также высокому качеству иллюстраций (И.А. Владимиров был профессиональным художником), могильник Песчанка прочно вошел в научный оборот и неоднократно использовался как опорный памятник для построения хронологических схем древностей Восточной Европы предсалтовского времени.

Однако существенным недостатком первой публикации была фрагментарность приведенного материала, в связи с чем доступными широкому кругу исследователей оказались только отдельные предметы, а не полный состав комплексов, что, разумеется, не вносило ясности в понимание памятника. Данная работа призвана полностью ввести в научный оборот одно из погребений могильника Песчанка, а именно катакомбу 5, являющуюся его наиболее богатым комплексом. Автор раскопок снабдил комплекс следующим описанием: «На дне ямы находились два глиняных кувшина, один из красной глины с узким горлышком и двумя ручками, другой – из черной глины с рыльцем и с заметным на шейке узором из кружков. Вход в пещеру, находившийся в северо-западной стороне ямы у самого пола ... был завален почти круглою песчаниковой плитой до 0,66 м в диаметре и в 0,06–0,09 м толщиной, припертой двумя камнями так плотно, что в гробницу вовсе не проникала земля. На белом песчаниковом полу пещеры, имевшем 1,77 м длины, 0,62 м ширины и 1,24 м вышины, лежали два костяка параллельно друг другу со скрещенными на груди руками и слегка согнутыми ногами. Костяк, лежавший ближе ко входному отверстию, отличался более крупными размерами: он имел в длину 1,86 м, а второй – 1,69 м. В головах большего скелета находились два горшка, один одноручный с рыльцем из красной, другой – о двух ручках из

черной глины, оба с выпуклым изображением креста на днище. На руках скелета оказались крупные бронзовые браслеты, на груди – бронзовая фибула и застёжки с выпуклыми стеклами и гнездами для эмали, расположенными на двух квадратных пластинках, соединённых дугой с изображением бараньей головки; бронзовое кольцо с небольшим колечком внутри и четырьмя крестообразно расположенными стержнями; бронзовое кольцо с семью утолщениями и бронзовое изображение всадника на лошади, у шеи – несколько различных бус. Кроме того, на покойнике находился кожаный пояс с нашитыми на него бронзовыми бляшками, на которых было выбито изображение какого-то фантастического животного. У правого бока лежали точильный брусок и незначительные остатки железного ножа, а в изголовье – два бронзовых колечка, может быть, серьги.

При втором скелете в ногах стоял одноручный горшок из черной глины, на дне которого виден выпуклый круг с крестообразной перекалиной. У головы найдены маленькие проволочные золотые серьги с жемчужинами; на груди много мелких и крупных бус различных форм и цветов; бронзовый кольцообразный предмет с ушком, два пластинчатых бронзовых кольца, пять стеклянных колец; золотая монета императора Юстиниана с двумя дырочками для привешивания; бронзовые бубенчики и фибулы и два плоских кольца; около головы – бронзовое витое кольцо и круглое зеркало из белого сплава; у пояса слева – плоская бляха с вытисненными на ней овалом, кружками и точечным узором в виде буквы Х; возле этой бляхи – бронзовая ухвертка и зубочистка на подвешенном к цепочке кольце и глиняное пряслице. На обеих руках – бронзовые браслеты, на левой один, на правой два рядом. При просеивании земли найдены ещё несколько бусинок и две серебряные чеканные бляшки; из них одна – с изображением человеческого лица. У самой стены, расположенной против входа, встретился железный овальный предмет (кресало. – А.К.). Погребальная камера была очень тщательно отделана; на восточной стене ее довольно ясно вырезано изображение креста и, по-видимому, копья и трости» (Владимиров, 1901. Рис. 1. С. 128–132).

Для детального анализа представляется целесообразным рассмотреть погребальный инвентарь комплекса по категориям:

Керамика. В дромосе погребения было обнаружено два кувшина. В Исторический музей эти сосуды не поступили, потому судить о них мы можем только по фотографии, опубликованной И.А. Владимировым. На фото видно, что тулово обоих сосудов яйцевидной формы и, по крайней мере, у одного из них наблюдается выделенный слив. Кроме того, один из сосудов был трехручным. Наиболее близкие по пропорциям сосуды встречены в Галиатском склепе (Крупнов, 1940. Рис. 9, 1. С. 146) и в катакомбе 120 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 73, 120).

У головы погребенной 1 было найдено два сосуда. Оба они сделаны из коричневой глины (а не из красной и черной, как описывает автор раскопок). Также не соответствует первоначальному описанию наличие клейма на дне сосудов: у одного из сосудов клеймо отсутствует.

Кувшин без слива (рис. 2, 1). Высота сосуда 15,1 см, диаметр горла – 11,42 см, диаметр дна – 9,3 см. Наибольшее расширение тулова находится в верхней части сосуда. Прямоугольная в сечении ручка прилеплена к венчику. На дне клеймо в виде креста. Подобные сосуды были обнаружены в погребениях 2, 63, 154 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 68, 2; 70, 63, 75, 154). В погребении 154 была встречена серьга салтовского типа (Плет-

нева, 1989. Рис. 57, 3), что позволяет датировать его VIII – первой половиной IX в. н.э.

Второй кувшинчик-кружка с битрапиевидным расширенным в нижней части туловом снабжен ручкой, схематично изображающей животное. Высота сосуда – 15,6 см, диаметр горла – 13,6, диаметр дна – 11,4 см; М.П. Абрамова, анализируя распространение керамики с зооморфными ручками, отметила, что для раннего Средневековья подобные сосуды сосредоточены в центральных районах Северного Кавказа (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) (Абрамова, 1969. С. 81). Ручка песчанковской кружки, очевидно, схематично передает пьющую лошадь, что роднит ее с кружками Дмитриевского могильника (Плетнева, 1973. С. 209).

Еще одна черноглиняная кружка (Рис. 3, 1) была найдена в ногах погребенной 2. Высота сосуда – 7,9 см, диаметр дна – 7,1 см, диаметр горла – 7,5 см. На дне кружки находится клеймо в виде креста, вписанного в круг. Ближайшей аналогией данному сосуду является кружка из погребения 1 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 68, 1). Аналогичный сосуд обнаружен в погребении 9 Тарского катакомбного могильника (Кантемиров, Дзаттиаты, 1993. Табл. IX, 3), датированного второй половиной VIII – IX вв.

Таким образом, керамика погребения 5 могильника Песчанка находит себе параллели среди керамики Центральных районов Северного Кавказа и Дмитриевского могильника, относящейся к VIII – IX вв. Состав керамического набора – кружки и кувшины со сливом – также типичен для аланской археологической культуры. К сожалению, из-за слабой изученности региона типология и хронология керамических сосудов с территории Осетии и Кабардино-Балкарии до сих пор не разработаны, потому при определении места сосуда в хронологической шкале приходится довольствоваться методом аналогий.

Золотая монета была определена И.А. Владимировым как солид византийского императора Юстиниана. Однако В.В. Кропоткин опроверг данные автора раскопок, отнес монету из погребения 5 к солидам императора Юстина II (565–578 гг.) (Кропоткин, 1962. № 132). Монета пробита в двух местах и основательно истерта (причем потертости наблюдаются и на отверстиях – т.е. монету какое-то время носили в качестве украшения); обнаружена она была на груди костяка 2 среди бус. Запаздывание византийских монет характерно для «варварских» погребений Кавказа и Южнорусских степей, что было отмечено еще А.К. Амброзом (Амброз, 1971. С. 130). А.В. Комар вполне обоснованно связывает это явление с сакрализацией монет в древних обществах и, как следствие, – продолжительное и хранение (Комар, 2011. С. 564).

Серьги. Проволочные золотые серьги (Рис. 3, 3,4) были обнаружены у головы костяка 2. Диаметр обеих серег составляет 2,1 см. На дужку каждой серьги намотана в полтора оборота тонкая золотая проволока. На одной из серег сохранилась жемчужная напускная бусина, которая, вероятно, когда-то украшала и вторую. Жемчужные бусы широко использовались в украшении серег на территории Византийской империи в VII–VIII вв. (Everyday life in Bisantium, 2002. Кат. 538, 545).

Из двух бронзовых колечек, обнаруженных в изголовье костяка 1, в музей поступило только одно (Рис 3, 5). На одном конце колечка сохранились остатки петли для крепления.

Двучастная застёжка, инкрустированная стеклами (Рис. 3, 6) представляет собой две подквадратные пластины, украшенные вставками из зеленого

стекла и снабженные перегородками, между которыми, очевидно, также находились вставки. Пластины соединены перемычкой, на которой изображена голова барана. Рога барана обрамляют гнездо утраченной вставки. Данный предмет не встречается аналогий среди древностей салтовомаяцкой культуры и, судя по технике изготовления, имеет византийское происхождение. Застежка, выполненная в аналогичной технике, происходит из могильника Гльяре (Словакия), датированного VII в. (*Veľká Morava*, 1976. № 67).

Пояс, надетый на погребенную 1, представлен двумя обрывками кожи (длина – 20,6 и 38,1 см, ширина – 2,9 см), с сохранившимися тисненными бляшками (12 бляшек различной степени сохранности и 2 штифта, оставшиеся от утраченной бляшки), наконечником и пряжкой из медного сплава (Рис. 4). Основа пояса представляет собой полосу кожи, согнутую по краям. Каждая бляшка крепится к поясу тремя штифтами через промежуток 2,1 см. С обратной стороны бляшки заполнены глино-смоляной мастикой темного цвета. Практически полностью сохранилась только одна из бляшек, однако, сохранность остальных позволяет говорить, что все они идентичны (Рис. 5, 3). Бляшки имеют форму полукруга с прямым основанием. Размеры их составляют 2,3 X 2,3 см. Штифты крепятся в нижних углах и на вершине, в ряде случаев насквозь пронизывая пластину бляшки.

По краю предмета идет бордюр шириной 0,3 см с тисненым точечным орнаментом. Внутри бордюра изображено фантастическое животное со звериным телом, раздвоенным хвостом и птичьей головой на длинной тонкой шее, развернутой вправо. Длинный клюв имеет как бы два уровня: один (короткий) раскрывается вверх и вниз, а другой, более длинный и тонкий, загибается вниз. Слева от завершения клюва, между головой вышеописанного животного и его телом расположена еще одна птичья головка, развернутая влево, с раскрытым клювом. Тело животного звериное с мягкими лапами; хвост короткий, раздвоенный, концы обращены вверх и вниз.

Наконечник пояса (Рис. 5,1) сохранился неполностью – он оборван с правой и левой сторон. Размеры сохранившейся части составляют 4,10 X 2,00 см. Толщина пластины – 0,05 см. Наконечник сделан из латуни (состав металла: медь – 88,11%, цинк – 11,89%). На наконечнике изображен крылатый зверь, терзающий существо с головой копытного животного и рыбьим туловищем. Голова терзающего зверя – волчья с прижатым острым ухом и раскрытой пастью – развернута мордой влево. Видны одна передняя и две задние лапы. Крыло изгибается в сторону головы. Над головой зверя имеется выступ треугольной формы, который был принят И.А. Владимировым за второе ухо. На передней лапе четко читается один длинный птичий коготь, отсутствующий на задней лапе (вторая задняя лапа не сохранилась). Концентрические линии под крылом образуют круг. В левой, оборванной части бляшки, видны остатки туловища и морды терзаемого животного. Аналогичный сюжет встречен на пояском наконечнике из Галиатского склепа (Крупнов, 1940, Кадиева, 2010).

Пряжка пояса (Рис. 5,2) цельнолитая с овальной рифленой рамкой (рифление частично уничтожено коррозией), овальным щитком и плоским язычком. На щитке изображение змеевидного фантастического животного. Пряжка крепится к ремню двумя штифтами. По форме рамки и щитка эта пряжка наиболее близка крымско-византийской группе поясных деталей, выделенной А.В. Комаром (Комар, 2001. С. 106). Кроме того, с пряжками этой группы предмет из Песчанки роднят рифление рамки

и орнаментированный щиток. Однако небрежность нанесения орнамента (до такой степени, что сюжет различим с трудом), а также тематика изображения (змеевидное животное) заставляет предположить местное происхождение предмета.

Тисненая серебряная бляшка (Рис. 5,4), найденная при просеивании земли, имеет полукруглую форму. В центре бляшки изображено человеческое лицо. Оставшееся пространство занято изогнутыми линиями, отдаленно напоминающими изображения птиц. Аналогии данному предмету не выявлены.

Фibuлы. Эта категория предметов представлена тремя экземплярами. Определить принадлежность их конкретному костяку не представляется возможным. Согласно отчету И.А. Владимирова, все фibuлы были найдены на груди костяков, одна – у первого, две – у второго.

Двучленная прогнутая фibuла со сплошным приемником и широкой плоской спинкой (Рис. 6, 1), длина 5,9 см. Примечательно, что у основания иглы сохранился кусок кожи, что свидетельствует о характере скрепляемой ткани. Напрашивается мысль, что данная фibuла скрепляла верхнюю одежду погребенной.

Шарнирная фibuла с плоской спинкой и раскованной в виде лопаточки ножкой (Рис. 6, 2), длина 4,82 см. Приемник не сохранился. Прогиб спинки смещен в сторону ножки. По своей морфологии фibuла близка серии Чми, выделенной И.О. Гавритухиным (Гавритухин, 2010 а. С. 411), однако от предметов данной серии фibuлу из Песчанки отличает отсутствие вертикальных валиков на спинке. Серию Чми И.О. Гавритухин датирует концом VII – серединой VIII в. При этом исследователь отмечает, что сдвигание прогиба спинки ближе к ножке характерно для шарнирных фibuл Северного Кавказа салтовского времени.

Шарнирная фibuла с широкой пластинчатой спинкой и пятиугольной ножкой, орнаментированная тремя полушариями (Рис. 6, 3); длина – 8,2 см. Игла железная, довольно широкая. По краю фibuлы и по центру ножки нанесен пунсонный орнамент. Традиция украшения полушариями характерна для двупластинчатых фibuл Северного Кавказа, но пунсонный точечный орнамент, вероятно, является инокультурным элементом. Из катакомбы 79 Дмитриевского могильника происходит браслет (Плетнева, 1989. Рис. 54,2), на который орнамент нанесен в той же технике, однако здесь орнамент представляет собой несколько рядов волнообразных линий.

Вытянутая пластина, орнаментированная полушариями и пунсонным орнаментом, была найдена у пояса погребенной 2. Пластина украшена орнаментом из скрещенных линий, образованных точечным рисунком, оттиснутым с внутренней стороны пластины. В центре находится выпуклый овал, окруженный таким же точечным орнаментом, им же обрамлены находящиеся между линий «жемчужины». Общеизвестно, что изделие из Песчанки является дериватом двупластинчатых фibuл, мнения исследователей расходятся только в вопросе происхождения. Так, О.М. Приходнюк рассматривает пластину из Песчанки в контексте развития днепровских двупластинчатых фibuл, справедливо отмечая близость рассматриваемого экземпляра с фibuлами из Ивахниковского клада (Приходнюк, 2000. Рис. 7). Противоположной точки зрения придерживается И.О. Гавритухин, полагая, что пластина из катакомбы 5 Песчанки и подобные ей предметы из того же могильника «имеют местные прототипы и длительную местную линию развития, восходящую к переработке образцов V в.» (Гавритухин, 2010 б. С. 526). Однако современное состояние изученности кав-

казских двухпластинчатых фибул заставляет присоединиться к точке зрения В.Е. Родинковой о невозможности подтвердить или опровергнуть любое из этих предположений (Родинкова, 2006. С. 59). С уверенностью можно сказать только то, что население, оставившее могильник Песчанка, утратило представление о роли двухпластинчатой фибулы в женском костюме и использовало подобные им пластины не как застёжки, а в качестве поясных накладок.

Гривна (Рис. 7). Очевидно, именно этот предмет был обозначен в отчете как «бронзовое витое кольцо», находящееся у черепа костяка 2. Возможно, судя по тому, что украшение не было надето на шею покойной, данный предмет является погребальным даром. Гривна сделана из витого дрота с застёжкой в виде двух крючков. Золотая гривна аналогичной конструкции была обнаружена в погребении 1 кургана 8 у станицы Нижнестеблиевской, датированного второй половиной VII в. (Атавин, 1996. С. 229).

Амулеты. Всего в погребении были обнаружены четыре амулета. Все они, кроме одного (Рис. 8,2), относились к погребенной 1. Два из них – колесовидные с внутренним кольцом, четырьмя тяжками и подпрямоугольными внешними ушками. В одном случае внутреннее кольцо имеет округлую форму (Рис. 8,1), в другом (Рис. 8,2) – форму ромба. Оба колесовидных амулета относятся к типу 5 отдела 1 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 135), датирующемуся VIII–IX вв. Аналогии им встречаются как на территории Северного Кавказа, так и в салтово-маяцких памятниках бассейна Дона.

Кольцевидный амулет с семью выступами и одним коррозированным выступом, возможно, служившим ушком для подвешивания (Рис. 8,3) отнесен В.Б. Ковалевской к варианту 4 типа 1 отдела 2 северокавказских амулетов (Ковалевская, 1995. С. 140). Однако заявление исследовательницы о том, что выступы являются соколиными головками, не соответствует истине. За соколиные головки можно принять только три из них, и то с большой долей допущения. Остальные выступы, украшенные тремя-четырьмя насечками, не обладают даже отдаленным сходством с изображением птицы.

Еще один амулет изображает всадника, развернутого влево (Рис. 8,4). Правая рука всадника лежит на конской гриве, левая – на крупе лошади. Ноги подогнуты. Подобные амулеты относятся к типу 3 отдела 4 по В.Б. Ковалевской, которая относит их к VIII–IX вв. Интересно наблюдение исследовательницы, что «прямая посадка с сильно согнутыми ногами, свидетельствует об опоре на стремяна» (Ковалевская, 1995. С. 147). Нетрудно сделать вывод, что канон изображения подобных амулетов сформировался не ранее VIII в., когда стремяна широко распространились по территории Северного Кавказа.

Некоторое время в кавказоведческой литературе была распространена гипотеза, выдвинутая Г.Е. Афанасьевым, В.Б. Ковалевской и В.А. Кузнецовым, что данный вид амулетов является знаком аланских дружинников. Однако, по наблюдениям З.Х. Албеговой (Албегова, 2001. С. 90), амулеты-всадники встречены преимущественно в женских погребениях.

Возможно, в роли амулетов выступали два пластинчатых кольца (Рис. 8, 5,6), лежавшие на груди второго костяка. Предметы представляют собой узкую бронзовую, пятиугольную в сечении пластину, согнутую в кольцо и скрепленную заклепками. Поверхность колец покрыта точечным пунсонным орнаментом. Диаметр колец составляет 9 и 6,8 см. Поскольку аналогии данным предметам обнаружить не удалось, определить их функцию пока невозможно.

Стеклянные перстни (Рис. 9, 1–5). Всего обнаружено 5 экземпляров на груди костяка 2. Учитывая, что погребенные были захоронены со скрещенными на груди руками, вероятно, перстни были надеты на пальцы. Все они изготовлены путем сгибания стеклянной трубочки с приплющиванием стыка. Стекло перстней темное (черное). Диаметр перстней (по порядку нумерации) составляет 2,4 см, 2,6 см, 2,5 см, 2,6 см, 1,7 см. Х.М. Мамаев, посвятивший специальное исследование стеклянным перстням на Северном Кавказе, отмечает их закавказское происхождение (Мамаев, 2010. С. 399) и датирует начало их бытования второй половиной VIII в.

Браслеты в погребении обнаружено пять. Два из них дротовые (Рис. 9, 6, 10, 1) с зауженными неорнаментированными концами, имевшие широкое распространение и не менее широкую датировку. Схож с ними и круглодротовый браслет с елочным орнаментом на концах (Рис. 10, 2). Концы четвертого браслета, также круглодротового, орнаментированы геометризированными звериными головками (Рис. 10, 3).

Пятый браслет (Рис. 11, 3) представляет собой поздний вариант браслетов с концами, расплюснутыми в виде лопастей (Мастыкова, 2009. С. 70). На лопасти и прямоугольное расширение спинки нанесен пунсонный орнамент имитирующий змеиную кожу. Основным временем бытования данного вида украшений является эпоха Великого переселения народов, однако, они существовали и в более позднее время. Поскольку в отчете автора раскопок описание браслетов самое общее, соотнести их с определенным костяком не представляется возможным.

К *туалетным принадлежностям* можно отнести туалетный набор (Рис. 11, 2), найденный у пояса костяка 2. Набор состоит из витого стержня, загнутого на конце, и туалетной ложечки, также с витым стержнем. Оба предмета крепятся к цепочке из S-образных звеньев. Туалетные наборы подобного рода имели самое широкое распространение на территории Европы вообще и Кавказа в частности с эпохи Великого переселения народов (Мастыкова, 2009. С. 90), но традиция их использования и помещения в погребения сохранилась и в последующее время. Однако следует отметить, что туалетные наборы и отдельные их детали, обнаруженные в погребениях VIII–XII вв. в могильниках Песчанка, Тарское (Кантемиров, Дзаттиаты, 1993. Табл. XIII, 11, XXV, 9), Дмитриевский (Плетнева, 1989. Рис. 55, 79, 115), Мошечая балка (Савченко, 1981. Рис. 497), Змейский (Кузнецов, 1993. Рис. 2, 11), отличаются меньшими размерами, чем более ранние. В эту же категорию следует включить зеркало из белого сплава (Рис. 11, 3), найденное около головы костяка 2. На поверхность зеркала нанесен орнамент в виде ломаных линий; внутренняя по форме ближе к округлой, внешняя – к зигзагообразной.

Бубенчики. В погребении находились два бубенчика, установить принадлежность которых к определенному костяку не представилось возможным. С определенной долей вероятности можно предположить, что меньший из них (Рис. 12, 2) находился на груди погребенной 1, поскольку он включен в состав низки из нескольких бус, найденных там. Вероятно, данный предмет служил застежкой ворота платья. Местонахождение второго бубенчика (Рис. 12, 1) не выяснено. Подобные предметы широко распространены в памятниках северокавказского и донского вариантов салтово-маяцкой культуры, причем они появляются в погребениях не ранее второй половины VIII в. (Амброз, 1971. С. 130).

Бусы. Представляют довольно значительную категорию инвентаря. Соотнесение их с определенным погребением затруднено, поскольку, как

правило, у автора раскопок отсутствует подробное описание бус, а при нашивке на планшеты комплексы были перепутаны.

Большая часть бус находилась на груди костяка 2 (Рис. 12, 3, 4). Известно, входили ли они в состав ожерелья или же были нашиты на одежду. В составе набора встречены бусы желтого, зеленого и черного цветов, а также золотостеклянные и серебростеклянные многочастные пронизки (Рис. 12,3). Традицию изготовления последних Ю.А. Шапова связывает с сирийскими мастерскими (Шапова, 1978. С. 100). Кроме вышеупомянутых, в набор входили мозаичные (2 экземпляра) и глазчатые (10 гладких и 8 с выпуклыми глазками). Подобные бусы широко распространены по территории Восточной Европы и являются хронологическим индикатором VIII–IX вв. (Валиулина, 1996. С. 138).

На груди костяка 1 находилось 8 бусин (из них 3 мозаичных, 3 маленьких стеклянных бусин синего цвета, 1 трапециевидная бусина черного стекла и 1 прямоугольная со скругленными углами из стекла оранжевого цвета).

Хотя синие бусы с голубыми выпуклыми глазками встречаются в комплексах предсалтовского периода (например, в Галиатском склепе), в целом бусинный набор рассматриваемого погребения тяготеет уже к салтовскому времени. При этом обращает на себя внимание полное отсутствие каменных бус, что, очевидно, отражает характер торговых связей населения, оставившего могильник Песчанка.

Инструменты. Два предмета этой категории обнаружены при костяке 1. Нож (Рис. 12, 5) и точильный камень (Рис. 12,6) находились в районе пояса погребенной. От ножа сохранился лишь небольшой фрагмент длиной 6,2 см. Длина оселка составляет 10,5 см. Оселок сделан из темно-коричневого камня плотной структуры. Округлый предмет из известняка (Рис. 12,7) находился в районе пояса погребенной 2. В отчете И.А. Владимиров он назван глиняным пряслицем. Однако для пряслица он довольно велик (диаметр – 3,7 см, диаметр отверстия – 1,1 см).

Итак, судя по составу инвентаря, катакомбу 5 могильника Песчанка можно датировать предсалтовским периодом, а именно второй-третьей четвертью VIII в. Датировка эта не нова, она была определена уже в двух трудах, посвященных разработке хронологии Восточной Европы последней трети I тыс. (Комар, 1999; Гавритухин, 2001). Оба автора, опираясь на предметы, опубликованные И.А. Владимировым, отнесли могильник Песчанка к горизонту, предшествующему образованию салтово-маяцкой археологической культуры (по А.В. Комару – Галиат-Геленовка (725–740 гг.), по И.О. Гавритухину – Галиат-Романовская (690/710–720/740). Рассмотрение полного состава комплекса лишь подтверждает предложенную дату.

Однако интересны культурные составляющие комплекса. В целом, предметы из погребения распадаются на три группы:

- Предметы, восходящие к материальной культуре эпохи Великого переселения народов и так называемого «горизонта геральдических гарнитур». К этой группе относятся монета, гривна, браслет с расплюснутыми концами, туалетный набор, двучленная фибула, дериват двупластинчатой фибулы.

- Предметы, относящиеся ко времени бытования салтово-маяцкой культуры: фибула, близкая серии Чми, колесовидный амулет и амулет в виде всадника, стеклянные перстни, бубенчик; близок салтовскому времени также набор бус.

Предметы, характерные исключительно для предсалтовского горизонта. Предметы данной группы обладают чертами как предшествующей,

так и последующих эпох, однако, не встречаются в них полных аналогий. В группу входят фибула с пунсонным орнаментом, плоские кольца, амулет с завершениями в виде лап и птичьих голов, а также поясной набор.

На последнем следует остановиться особо. В предсалтовское время на различных украшениях, найденных в погребениях центральных районов Северного Кавказа, появляются изображения фантастических животных (Кадиева, 2012 а), и три вида их представлены на поясе из Песчанки. Это обстоятельство наводит на мысль, что сам пояс был сакрализован, а его носительница могла выполнять какие-либо культовые функции. Важно отметить также, что на предметах из других погребений Песчанки изображения ни фантастических, ни каких-либо других животных не встречаются – все они сконцентрированы в катакомбе 5. Кроме того, следует отметить элитный характер данного комплекса, на что указывают византийский солид, золотые серьги и большое количество бус.

В целом же исследуемый комплекс, подобно Галиатскому склепу 1935 г., включая в себя предметы различных эпох, демонстрирует переходный характер материальной культуры предсалтовского горизонта. Однако, по сравнению с погребением из Галиата, в Песчанке встречено гораздо больше предметов, тяготеющих к позднейшей эпохе, хотя говорить о более поздней дате комплекса пока нет достаточных оснований. Таким образом, в условиях небольшого количества археологических экспедиций, изучающих исследуемую эпоху в центральных районах Северного Кавказа, представляется перспективным более подробное исследование артефактов раннее раскопанных комплексов, хранящихся в музеях.

**Рис. 1. План катакомбы 5 могильника Песчанка
и изображения материала из нее в публикации И.А. Владимирова**
1 – План и разрез погребения. 2, 3 – кувшины из дромоса (в ГИМ не поступили),
4 – 6 керамические сосуды, 7, 8 – амулеты, 9 – застёжка, 10, 11, 13, 14 – поясные накладки,
12 – стеклянный перстень, 15 – изображение креста на стене катакомбы (без масштаба)

Рис. 2. Сосуды, стоящие у головы погребенной I (Глина)

Рис. 3. 1 – Круглая (глина), 2 – солид Юстиниана II (золото), 3 – 4 серьги (золото, жемчуг), 5 – серьга (бронза), 6 – застёжка (бронза, стекло); (1,2, 3 – кость 2, 4,5 – кость 1)

Рис. 4. Пояс, принадлежавший погребенной I (кожа, латунь)

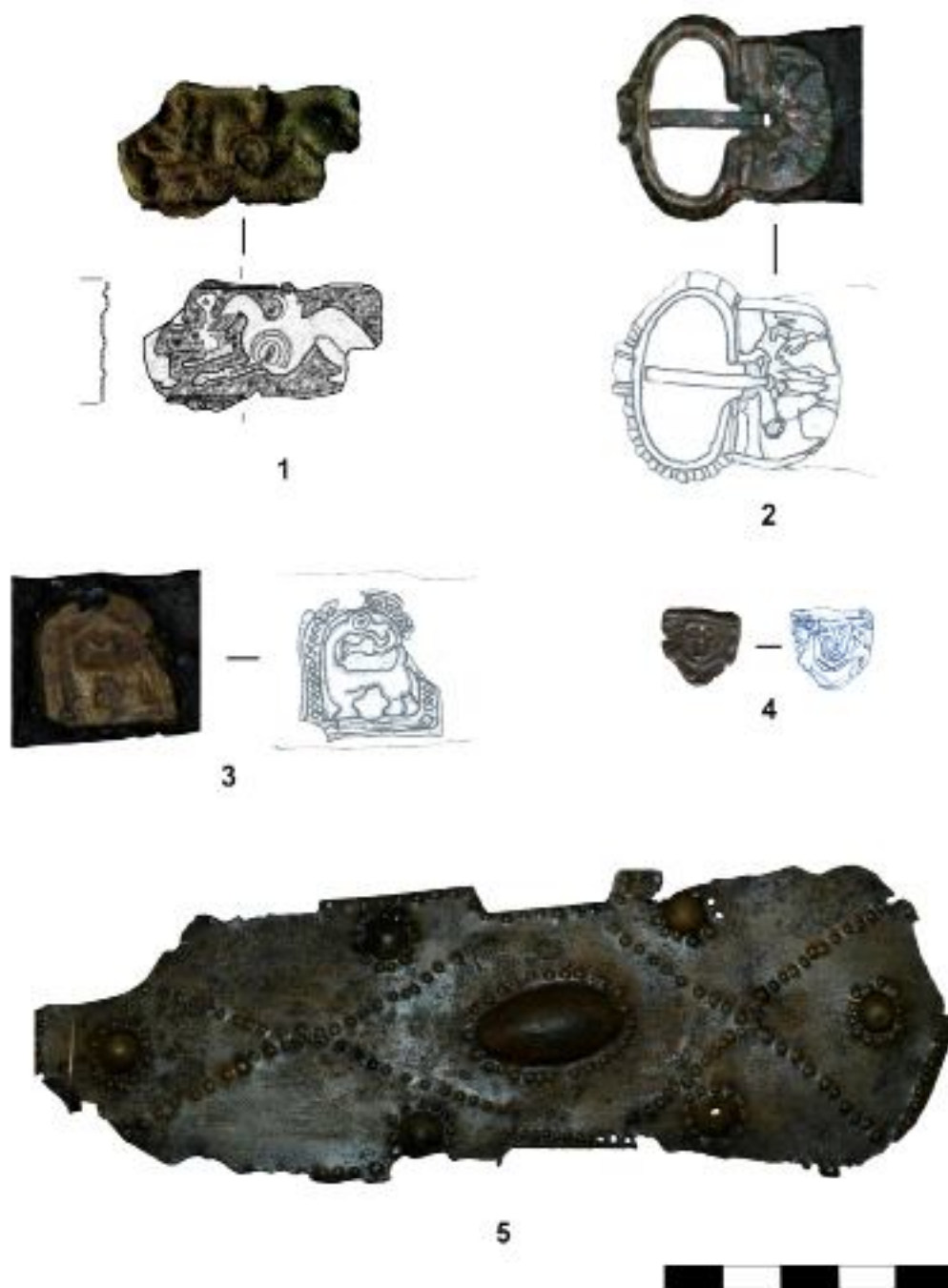

Рис. 5. Детали поясного набора погребенных 1 – 3 (кость 1), 5 (кость 2);
4 – принадлежность не определена. 1 – наконечник, 2 – пряжка, 3 – одна из блях,
4 – ременная бляшка (серебро?), 5 – поясная бляха (бронза)

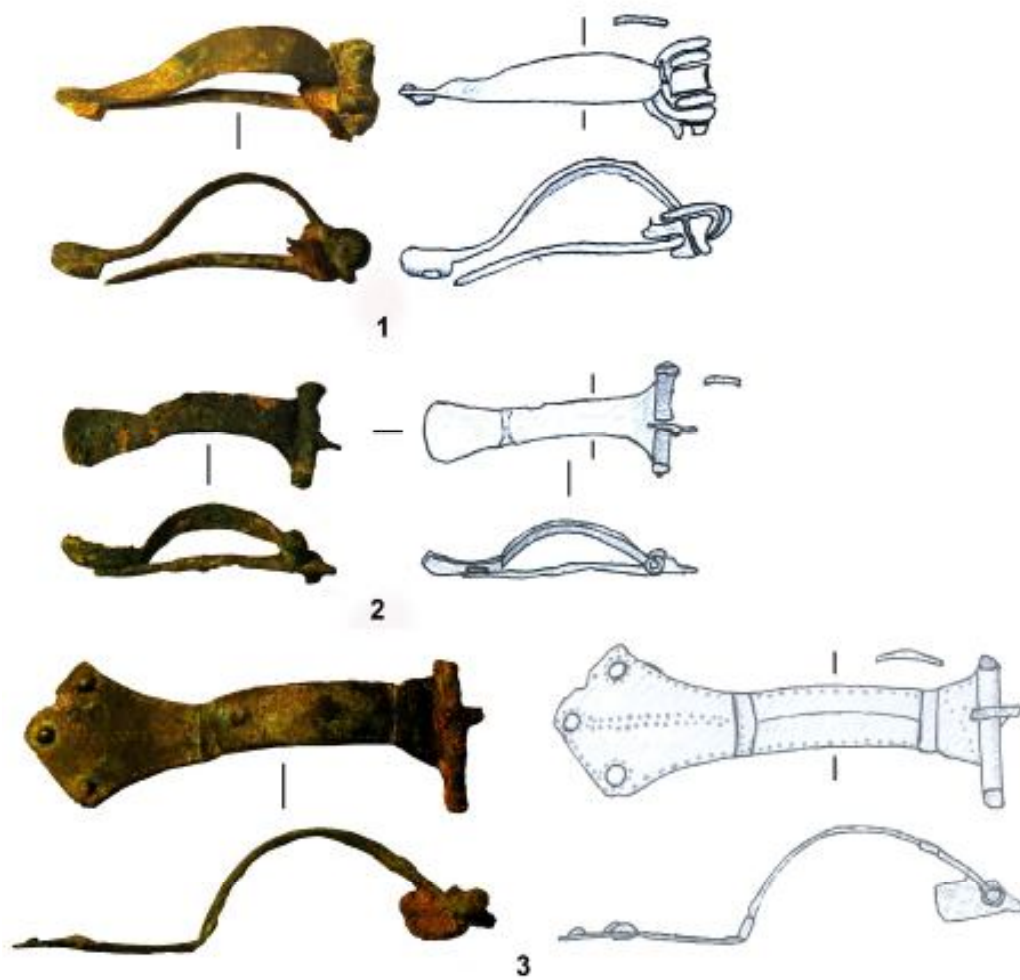

Рис. 6. Фибулы (бронза) (принадлежность не определена)

Рис. 7. Гривна (бронза) – костяк 2

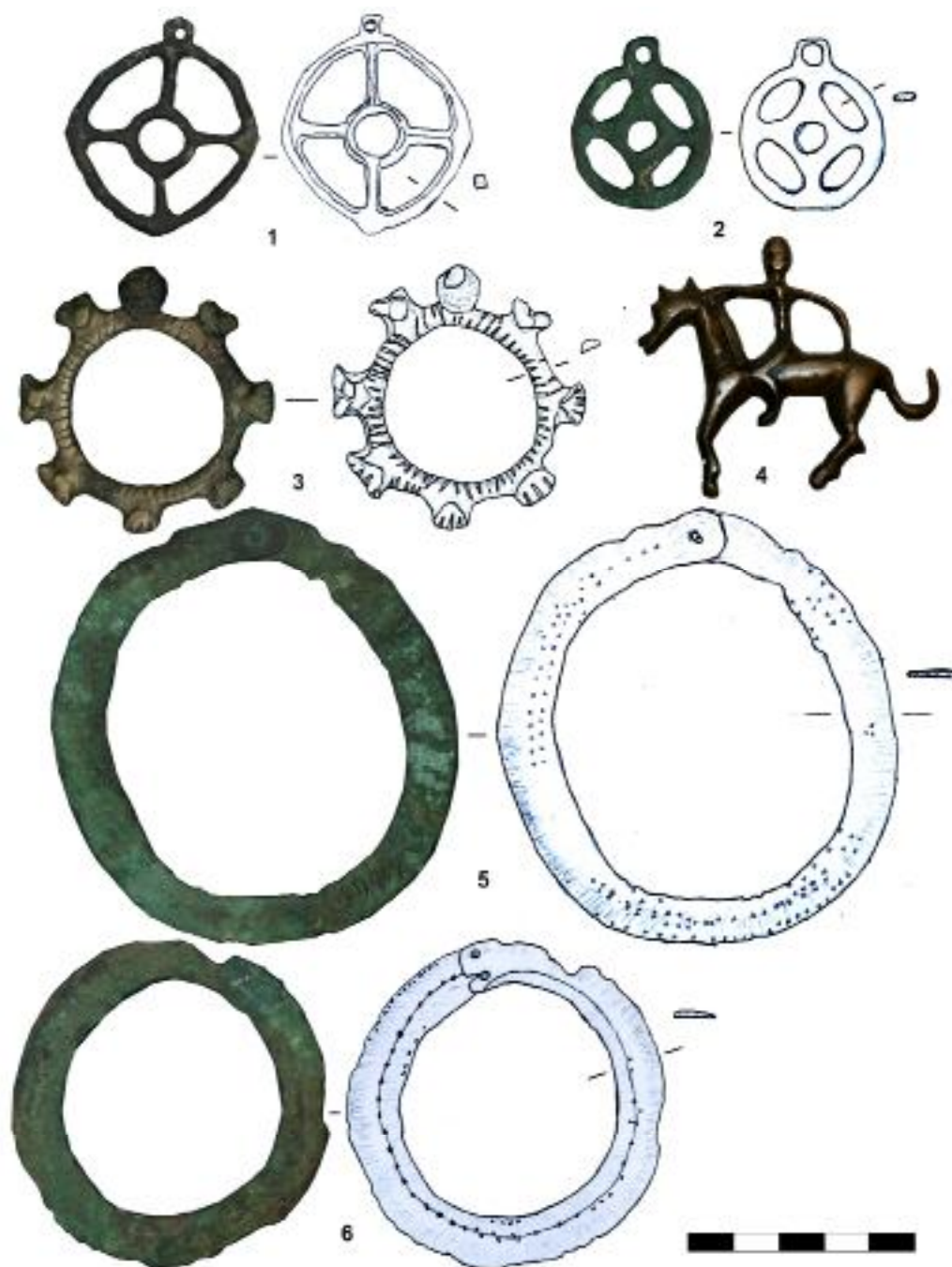

Рис. 8. Амулеты (бронза); 1,3,4 – кость 1; 2,5,6 – кость 2

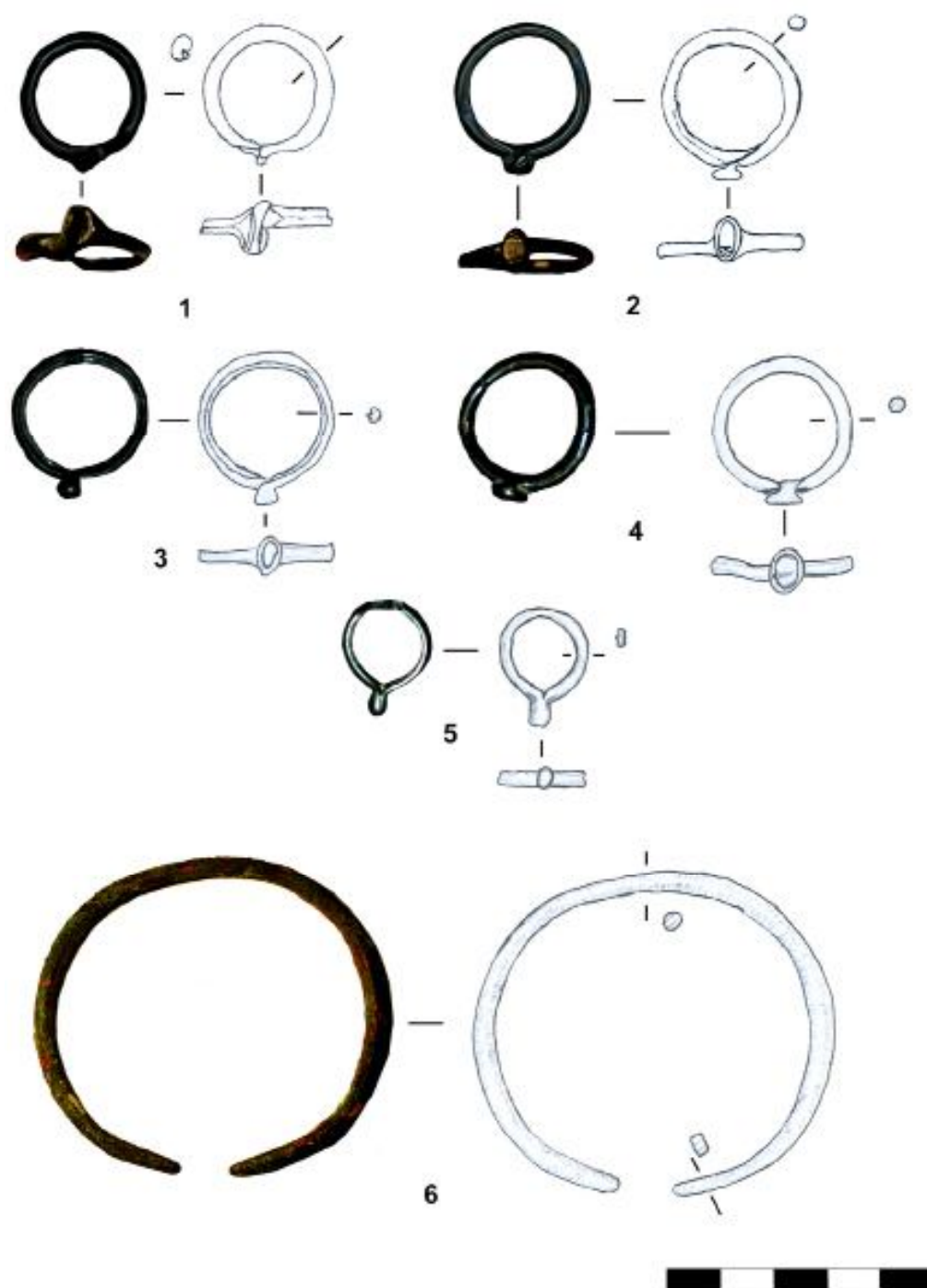

Рис. 9. 1 – 5 стеклянные перстни (косяк 2);
6 – бронзовый браслет (принадлежность не определена)

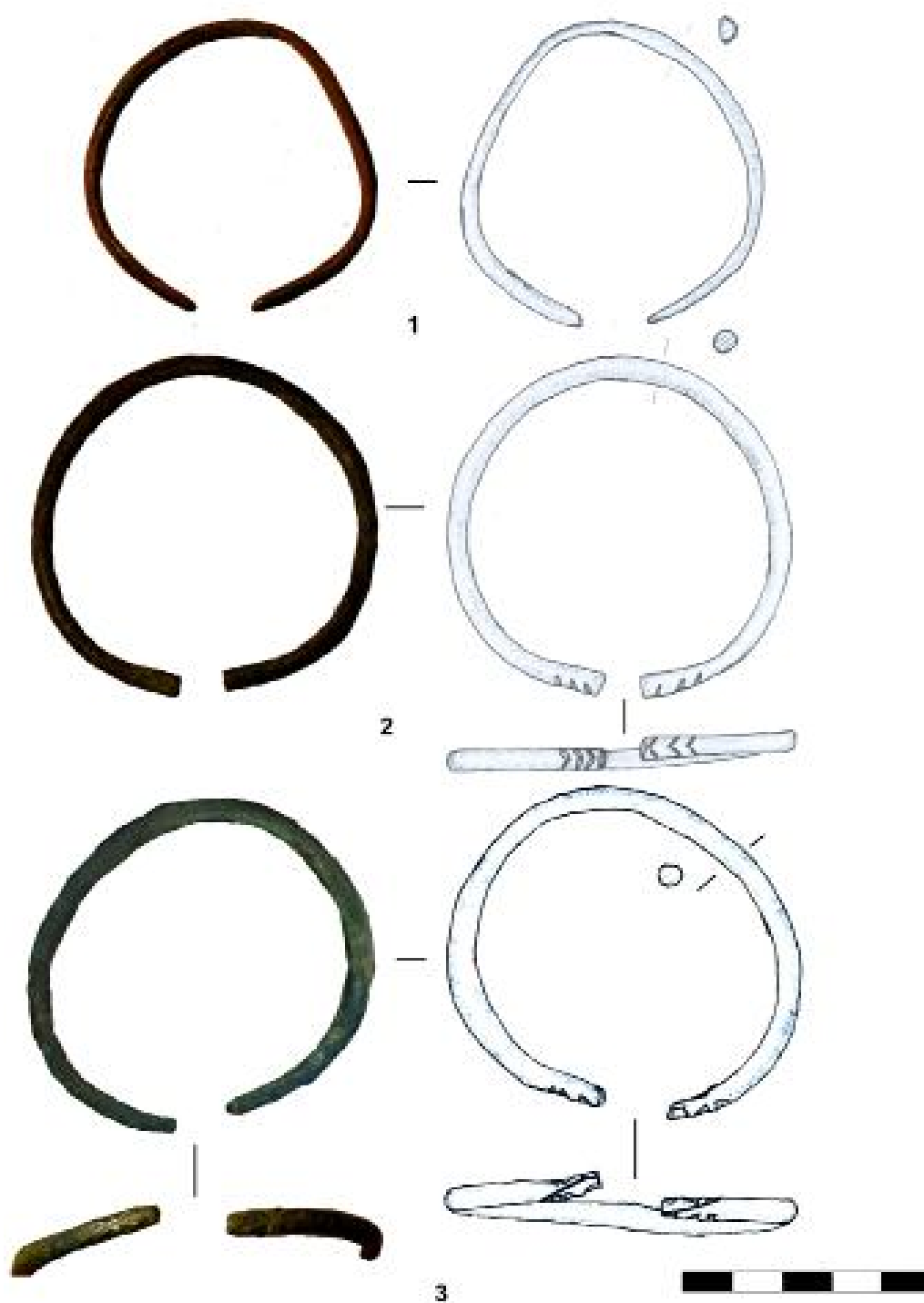

Рис. 10. Браслеты (бронза). Принадлежность не определена

Рис. 11. 1 – Браслет (бронза), 2 – туалетный набор (бронза),
3 – зеркало (бронза); (1 – принадлежность не определена; 2,3 – костяк 2)

Рис. 12. 1 – бубенчик (бронза), 2 – 4 низки бус (стекло), 5 – нож (железо), 6 – оселок (камень), 7 – пряслице (?), 1 – принадлежность не определена, 2 – (кость 1 (?), 3, 4 – кость; 2, 5, 6 – кость; 1, 7 – кость 2

Примечания (Endnotes)

1. Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2.
2. Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. № 2.
3. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (часть вторая) // СА. 1971. 3.

4. Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из восточного Приазовья // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 1996.
5. Валиулина С.И. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильника // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 1996.
6. Владимиров И.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1898 г. в Нальчикском округе Терской области // *ОАК. 1898.* СПб., 1901.
7. Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата // *Хазары.* Иерусалим–М., 2005.
8. Гавритухин И.О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // *Албегова З. Х., Верещинский-Байбалов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС // Материалы охранных археологических исследований.* М., 2010 а. Т. 11.
9. Гавритухин И.О. Необычная находка из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // *Terra Barbarica, Łódź–Warszawa,* 2010 б.
10. Кадиева А.А. Два поясных наконечника со сценами терзания из могильников Галиат и Песчанка // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.* Армавир, 2010. Вып. 11.
11. Кадиева А.А. Хроноиндикаторы Галиатского склепа // *РА. 2012.* № 1.
12. Кадиева А.А. Изображения фантастических животных с территории Северного Кавказа // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения.* Махачкала, 2012 а.
13. Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // *Аланы: история и культура.* Владикавказ, 1995.
14. Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // *Аланы: история и культура.* Владикавказ, 1995.
15. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // *Vita antiqua.* Киев, 1999. № 2.
16. Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма).* Самара, 2001. Т. 2
17. Комар А.В. Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // *Петербургский апокриф: Послание от Марка.* СПб.; Кишинев, 2011.
18. Кротошкин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // *САИ. 1962.* Вып. 4–4.
19. Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.) // *ИСОНИИ. Орджоникидзе,* 1940. Т. IX.
20. Кузнецов В.А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // *Аланы: история и культура.* Владикавказ, 1995.
21. Мاستыкова А.В. Женский костюм населения Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине IV вв. н.э. М., 2009.
22. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
23. Плетнева С.А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // *Кавказ и Восточная Европа в древности.* М., 1973.
24. Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья.* Воронеж, 2000.
25. Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропо-зооморфных фибул // *РА. 2006.* № 4.
26. Савченко Е.И. Альбом к отчету Лабинского отряда Северо-Кавказской экспедиции за 1981 г. // *Архив ИА РАН Р-1 2555 в.* М., 1981.
27. Щапова Ю.Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус. // *Алексеева Е.М. Позднеантичные бусы Северного Причерноморья (САИ. 1978.* Вып. Г–1–12).
28. *Everyday life in Bisantium.*, 2002. Каталог выставки. Athens.
29. *Veľká Morava,* 1976. Tatra, Bratislava.

УДК – 811.352.3'373.232.1

John Colarusso
(Канада, Гамильтон)

THE STOREHOUSE OF HISTORY: ANCIENT ETHNONYMS AND OTHER NAMES FROM THE CAUCASUS

The Caucasus is often viewed as a relict area, a region where ancient peoples have sought refuge and where they persist in some form down to the present. While some peoples, such as the Iranian-speaking Ossetians seem clearly to have attained a refuge there from a once much more widely spread realm, this is not clearly the case with most of the so-called 'indigenous' peoples. For example, there is little direct evidence that the Circassians or Chechens ever occupied territories much beyond the Caucasus or its near environs. An examination of ethnonyms, however, shows some tangible links to the wider stage of history for many of the peoples. In effect many of the ethnic groups have themselves acted as refugia. Except for isolated etymologies very little work of this nature has been pursued. These ethnonyms can be attributed to varying eras. I shall begin with the most recent.

Second millennium AD

The two ethnonyms here are Turkic (Altaic), with 'lir' or Qypchaq (Kipchak) characteristics¹. Curiously, despite their relatively recent origin, (all Turkic-speaking groups having come into the Caucasus within the last millennium or so), these names are among the most obscure in this study. The first is that of the Qumyq (/kumyk/) of Daghestan. Their name seems to continue Kimek of the old Kimek-Qypchaq horde. The back vowels of Qumyq have triggered the phonetic shift of the velars to the uvulars (/k/ to [q]). If this is a back vowel variant of Kimek, then one would have expected *Qymaq instead of Qumyq. It is possible that Qumyq is closer to the original form of this name and that the vowels of Kimek have followed those of Qypchaq except that they have been fronted. This fronting may be a retention, so that we might postulate an earlier form *Kemik. If this is indeed a form parallel to the proto-form for Qumyq, then we may derive this latter from an original perhaps like *Kömik or *Kümik.

The other ethnonym of obvious Turkic origin is Qarachai or Karachay. This name is transparently a compound, /kara-chay/, with /kara/ meaning 'black,' or in terms of the old Central Asian color compass, 'northern.' A group of Turkic-speaking nomads to the south in Iran is known as the Qash-Qāy, the Iron-Qāy, their language belonging to the branch of 'shaz' or Oghuzic Turkic. Qara-chay may therefore mean Black Qay, with /k/ go to /č/ before the front diphthong /ay/ under Circassian influence.

First Millennium AD

The neighbors to the east of the Qarachai bear a name that may be of earlier Hunnic identity, showing both the /l/ and /r/ characteristic of «lir» Turkic, of which Hunnic is assumed to have been an exemplar. These are the Balkar. Balkar may reflect Hunnic or Bulgar */bel-(o) yur/ from Proto-Altaic */beλ-oyuz/ Five-Hordes. Its Turkic cognate is Bashkir, with the final /-r/ of «lir» Turkic, but without the /-l-/. Indeed Balkar appears to be a mere variant of Bulgar, but the alternate appellation for the Balkar, Malka, must be considered. Malka is the name of a river in the Balkar territory. One might dismiss Balkar as a variant of the hydronym except that Malka does not look as though it comes from any of the North West Caucasian languages, Circassian, Ubykh, or Abkhaz-Abaza, who preceded the Balkar in this region. The closest autochthonous name lies to the east of the Balkars. It is that of the Vai Nakh Melki, the designation of a southern group of Chechens who live in the highlands and who may once have constituted a distinct ethnic group, whether of Vai Nakh origin or in some way linked to the Balkars cannot now be determined. Whether the river name is linked to Melki is unclear as well. Therefore, while the Qarachai and Balkars constituted a unified ethnic group split under Soviet policy, the name Balkar may continue an older Hunnic or Bulgar ethnonym that preceded the introduction of Qarachai.

A clearer case of Hunno-Bulgar identity, most likely of Khazar provenance, is that of the Circassian Kabardians. The name comes not from that of the eponymous Prince Kabard, as Kabardians will sometimes assert, but rather from that of the Khazar Kabar or Kavar, a group within the Khazar alliance, which rebelled and fled westward into Hungary². It seems that some of them remained in the Caucasus, faithful perhaps to their Khazar overlords. Kabar or Kavar ends with the Altaic collective *-r(a). This seems to have been supplemented by the Iranian collective -ta, itself found in such ethnonyms as Osetæ, Sarmatæ, and Messagetæ. This would have yielded *Qabarta, taking the original velar over to a uvular in keeping with the back vowels in Altaic patterns, as well as the Proto-Circassian shift of unrounded velars to uvulars. This word then entered Proto-Circassian to yield (in phonemic representation) */qeberte-ye/ qeberte-the.ones.of, which directly yields modern Kabardian /q'eberday/.

Inversely, the term Khazar itself may be of Circassian origin. Dunlop speculates that this name is based upon the Turkic root qaz- 'to wander,' as in Kazakh, Russian kazak 'Cossack'³. The name may also be linked to that of the Caspian Sea, however⁴, and this links Khazar with the Circassian name for the Caspian, /xə-žə/ sea-old. With an Altaic collective /-r(a)/ Khazar would then mean 'those by the Caspian'.

First millennium BC, Indo-European names

Moving westward from the republic of Kabardino-Balkaria to that of Adygheya, among the Circassians the dominant group is the Chemgwi, upon whose dialect literary Adyghean or West Circassian is based. Called earlier the Kemirgoy, the name is phonemically /č' y əm g'əy/ from earlier /k'əmər-g'a-ya/ kimer-region-ones.of, that is, 'the ones of/from the Kimer region.' This continues the name Kimmerioi that in Classical Greek denoted 'People of the Fog.' I take this reading to be a Greek folk etymology with doubling of medial /-m-/. The root would then have been *kimer-, reflecting Indo-European *(t)k(o)

ym-er- home-agentive-ones of-, that is, 'homesteaders, settlers', cognate with German Heim, English home⁵.

A name of recent attestation, but of evidently old origins is that of the Iranian Tāt of Azerbaijan and Daghestan. This reflects Old Iranian *tota from Proto-Indo-Iranian *tawta from Proto-Indo-European *tew-to- 'people,' with the *-to collective already referred to above in its Iranian form, -ta. This name appears in the Urals as Turkic Tatar (Chinese sources as Ta-ta) with Altaic collective -r(a) as a resumptive suffix for the Indo-Iranian collective *-ta in the eastern reaches where Altaic encountered Iranian. In Farsi there is a term Tātār 'rider, messenger,' with long vowels, but this must be a loan since the original Indo-Iranian is continued by Farsi tude 'people'⁶.

Up to the present there exists an Ossetian clan called the Borætæ. This name also appears in the Ossetian Nart sagas. It is a direct cognate with Indic Bhārata, which appears as an eponymous ancestor in the Mahābhārata. Curiously Abaev relates the root, Boræ-, to Būræ, with the sense 'yellow', or 'eastern(er)' in the old colour compass terminology⁷ Indo-Iranian long /a/ normally gives Ossetian /a/ (short /a/ ielding /æ/)⁸, but before an /-r-/ the /o/ can be found. Its Indo-European cognates would more likely be, Russian bolshoi 'great', Welsh balch 'proud', Latin de-bilis, 'weak', Celtic (?) Belgae, and Pelasgian pel-ast-ik-great-superlative-adjective. One might see here a phyletic cognate at the level of Pontic (Proto-Indo-European and Proto-Northwest Caucasian */bo -/ 'mighty, Ubykh /bə/, /bəq'o/ 'much, great,' Circassian /be/'much'⁹.

Ossetian offers further insights into other names that fall within this millennium. The Sarmatians, known as Sarmatæ, were famous nomads of the steppes, and were assumed to have spoken a form of Iranian. This assumption supported by the fact that this name can be found in Ossetian Særmæ læg 'free men, nobles'¹⁰. Særmæ may reflect Proto-Indo-European *kyel-men- 'heroic minded,' with cognates in forms with the root extended by *-to-, Celtic keltai, and German Held¹¹.

As is continued in Osetæ, though the initial /o/ is somewhat enigmatic and may reflect the mixed origins of Ossetian, on which see the next paragraph. The As were among the earliest steppe Iranians to be mentioned by the Classical Greeks. Most of them left the steppes and settled in western Anatolia during Classical Antiquity. Their name was later the base for Asia, 'land of the As.' In the Caucasus, however, some persisted under this name or a variant Ovs until the twelfth century AD¹². These are the direct forbearers of the Ossetians. The Ossetians call themselves Iron, much as the Persians call themselves Irani. These names are derived from an old genitive (possessive) plural of the name arya, aryānām 'of the Aryans.'

Among some steppe Iranians the /-ry-/ cluster developed into an /-l-/. In these groups aryānām yielded Alan. Note, therefore, that the Iron, that is the Ossetians, speak a language that cannot directly continue Alanic, since /-ry-/ yielded simply /-r-/ in Ossetian, although they themselves popularly think of themselves as descendants of the Alans. Alan is, however, continued in Alægatæ a clan of Ossetians, from *āryakāta 'Aryan-adjective-collective,' that is, «the Aryan-like ones»¹³.

Second millennium BCE, early Indo-European names

A few names may be found that extend back into the second millennium BCE. Both are remarkable.

The first is the theonym from the Rig Veda of Ancient India, Sanskrit Indra, the storm god. This name also occurs as the first element in the compounds *indra-vīrya* 'Indra-manliness,' *indra-śakti* 'Indra-power.' These are usually read as similes for the second term, that is as 'manliness like Indra's,' 'power like Indra's,' but these were perhaps originally resumptive compound, compounds where the second element explains and preserves the fading sense of the first. That Indra may have been originally an epithet is supported by Avestan Indara, where the name refers to a demon¹⁴. An epithet 'powerful' could apply equally well to a hero or a demon. The epithet interpretation is rendered virtually a certainty by Hittite *i-na-ra*, daughter of Tarhunnash, the storm god. The Hittite cuneiform ductus *i-na-ra* can represent Inara, Inar, or Inra. If we adopt the last, then we may see in Indra a form with an «intrusive» /d/, much like the /-d-/ in thunder, compare German Donner, Norse Thòr, all from Proto-Germanic **Þunraz*. The gender of the Hittite form strongly supports the origin of this word not as a name, but as an epithet meaning 'powerful, mighty'. If true, then this otherwise enigmatic name can be seen as a borrowing from an early form of Circassian spoken when the Proto-Indo-Iranian and Proto-Anatolian branches of Proto-Indo-European were adjacent to the North Caucasus. The original would have been Proto-Northwest Caucasian /*yen-ø-re*/ great-be-participial, 'the great one.' Circassian /*yen-ø-re*/ big-be-participial, Abkhazian /*a-yna-ø-r*/ the-big-be-participle, the name of the god of the forge¹⁵. Note, Indra, Inra, cannot be from Proto-Indo-European **Aner-s* 'hero- nominative', (Greek *anér*, *andrós* 'man', 'man-genitive', Latin *Nero*, Old Irish *nert* 'hero'), as is sometimes assumed, since this gives Sanskrit *nar-* or *nr-* with lengthening of a preceding vowel, and would appear in Hittite as **haniraš*.

Turning to Classical Greek we find the Amazons mentioned in the Iliad and elsewhere, placing them at the close of the second millennium BCE. The usual etymology is *a-maz-on* un-breast-being, with the tale that Amazon women would cut off one breast of their daughters so that in adulthood they might shoot their arrows more effectively. This ignores the fact that a drawn arrow must be held against the cheek for purposes of aiming and not down near a breast. In fact the word is of Circassian origin, /*a-mez-a-ne*/ the-forest-intimate. prefix-mother, and refers to a warrior princess who lives in the forest and leads a band of women warriors¹⁶.

Prior to the second millennium BCE

Two names may be taken back to origins in the third millennium BCE or even earlier.

The first is the Armenian self-designation, *Hay*. This is a direct continuation of the term by Armenian sound laws (*-t- yields -y- when between vowels, and then -i drops¹⁷, that lies behind Hittite, Hittite *hatti*, Hebrew *hitti*, Egyptian *kheta*. All of these apparently refer to the pre-Indo-European Hatti of ancient Anatolia. (The actual Hittites seem to have called themselves *Nesili*.) *Hay* may also occur in *Hayaša*, an ancient kingdom in Northeastern Anatolia¹⁸.

The second name is that of the Indo-Europeans, **aryo(n)-* that was discussed above in the context of Ossetian. In earlier work I have argued that Proto-Indo-European is related to Proto-North West Caucasian¹⁹. I termed the common language at this phyletic level, Pontic. The North West Caucasian forms are Circassian /*adəŋe*/ self- designation, Ubykh /*á-dəŋa* / the-Circassians (including the Ubykh), Abaza /-r ?a/, Abkhaz /-(r)aa/ both tribal suffixes. The Proto-

Northwest Caucasian would have been */a-rġa/ the-people. The Indo-European forms are, Indic ârya-, Iranian aryan-, Greek aristo-, Germanic (Runic) arjostiR, both superlatives, Irish Air(em) a god, ('Keeper of the Aryans', compare Sanskrit Aryaman), Bo Aireg 'Cow Aryans,' a class designation within Ancient Ireland, Welsh irr 'charioteer,' Eng earl, Norse jarl, both from proto- Germanic *ari-l-a-z noble-diminutive-thematic.vowel-nominative, 'little noble,' all from Proto-Indo-European *aryo-. It is currently fashionable in Indo-Europeanist circles to contend that this root was not the self-designation of the speakers of Proto-Indo-European²⁰, but I have argued solely on Indo-European grounds that this cannot be the case²¹. The Pontic original would have been *âr-ġa/ the-third-person-collective, (phonemically), that is simple 'the people,' a typical self-designation. The transparent sense of the Pontic proto-form lends support to thesis that Proto-Indo-European *aryo(n)- was a self-designation.

Finally there is a «wander-word» from «Proto-Mediterranean»(?), *alb- yielding the name of the Caucasian Alwanians (Azerbaijan) 'mountain(eer),' Albania, and alp.

Residue of Toponyms

There remain three toponyms that are worthy of mention.

Ancient Greek refers to the Sea of Azov or the marshes around it and the Kerch Strait as Maeotis. Circassians refer to the Kerch Strait as /me-we+t&a/ not-valence+be.dammed.up, referring to a narrow strait between bodies of water.

Several rivers in Ukraine and southern Russia bear Iranian names, Don, Donets, both from Iranian dān 'river,' Proto-Indo-European dānu-, as in Danube, and Scottish Don²², and the Dniepr, Dniester, these from Iranian (Sarmatian) dān(u) apara 'river far,' and dān(u) nazdya 'river near'²³. The West Circassian name for the Don is /t'ane/, with an aspirated stop. This may be a reflex of a phyletic cognate reaching back seven or eight millennia to the Pontic level.

The Classical Greek name for the Don and a trading post situated there was Tanais, possessive form Tanaïdos, may be built upon Circassian */t'ene-yə-s/ Don-at- be situated. The /-d-/ of the genitive form may be due to Greek analogy with patronymics or matronymics such as Pleione mother of the seven Pleiades, 'of Pleione.'

That Circassian speakers might have been this far into the steppes gains support from the Ukrainian name ending -enko. This lacks a Slavic etymology, but in fact probably continues the Circassian patronymic formula /-m ə-q oe/ possessive case his inalienable-son, with an Ubhykh-like shift of /-m/ to /-n/ and loss of /ə-/, (as can occur even with some Circassian names), to yield assimilated -enko. Such an extension is in accord with the claims of some Circassians that they once extended out on the steppes to the west and with the existence to this day of a Cherkasskij district in Kiev.

Endnotes

1. Lars Johanson. 'The History of Turkic', in Johanson and Eva Csato, (eds.), The Turkic Languages. London, 1998. P. 81–125 (P. 81–83, 105–105); Andras Rona-Tas. 'The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question,' in John and Csato. P. 67–80 (pp. 68–69).

2. Peter B. Golden. 'The Conversion of the Khazars to Judaism', in Golden, The World of the Khazars, Leiden, 2007. P. 123–142; James Howard-Johnston. 'Byzantine Sources for

- Khazar History'. Ibid. P. 163–193; *Golden*. Khazar Studies. Budapest, 1980. P. 133–138; *Rene Grousset*. The Empire of the Steppes, trans. Naomi Walford, New Brunswick, New Jersey, 1970. P. 178; *D.M. Dunlop*. The History of the Jewish Khazars. Princeton. New Jersey, 1954. P. 197–8, 203.
3. *Golden*. Khazar Studies. Budapest, 1980. P. 123–133; *Dunlop*. Op. cit. P. 3.
4. *Dunlop*. P. 209. N. 215.
5. *Zbigniew Goab*. 'Slavic celoveku «homo» against the Background of Proto-Slavic Terminology,' Journal of Indo-European Studies. Vol. 23, 1995. P. 179–193, (pp. 181–2).
6. *John Colarusso*. 'The Functions revisited, a Nart God of War and Three Nart Heroes.' Journal of Indo-European Studies, 2006. 34. P. 27–54. (P. 40 – 'much'), (p. 37).
7. *Vasili I. Abaev*, Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. Moscow, 1996. Vol. 1. Pp. 268, 272.
8. *Emile Benveniste*. Etudes sur la langue ossete. Paris, 1959. P. 7–72 as sound laws in other etymologies.
9. *John Colarusso*. Op. cit. P. 40; *Colarusso*. 'More Pontic, Further Etymologies between Indo-European and Northwest Caucasian,' Dee Ann Holisky and Kevin Tuite (eds.), Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics, Papers in Honor of Howard Aronson. Amsterdam, 2003. P. 41–60; *Colarusso*. 'Phyletic Links between Proto-Indo-European and Proto-Northwest Caucasian'. The Journal of Indo-European Studies, 1997. 25. P. 119–151, [reprint of an article in Howard I. Aronson (ed.), The Non-Slavic Languages of the USSR, Linguistic Studies: New Series, University of Chicago: Chicago Linguistic Society, 1992. P. 19–54].
10. *Vsevolod Fedorovich Miller*. Osetinsko-russko-nemeckij slovar'. Vol. 2. The Hague, 1972, [reproduction of the 1929 Leningrad edition], (p. 1068).
11. I must thank Professor John Shaw of Edinburgh for help with the Celtic and Germanic cognates.
12. *Peter B. Golden*. 'Cumanica I: The Qipcaqs in Georgia', in Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe, Variorum Collected Studies Series, Aldershot, Hampshire, Great Britain, 2003, pp. 45–87, (p. 58).
13. *Colarusso* 2006, p. 40; but see Roland Bielmeier, Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, 1977. P. 185, for further discussion.
14. *Jaan Puhvel*. Comparative Mthology. Baltimore, 1987. P. 98, 102.
15. *Colarusso*. 2006. P. 37.
16. *John Colarusso*. Nart Sagas from the Caucasus: Tales of the Circassians, Abazas, Abkhaz, and Ubykhs. Princeton, 2002.
17. *Antoine Meillet*. Grammaire comparee del'armenian classique. Vienna, 1936. P. 33 for t y, p. 9 for Hay).
18. *Armen Petrosyan*. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic, Myth and History, Journal of Indo-European Studies, monograph no. 42, 2002. P. 130–1; Meillet. P. 9.
19. *Colarusso*. 2003, 1997.
20. See, for example, Benjamin W. Fortson, IV, Indo-Eurxopean Language and Culture, Malden, MA, Oxford, Carlton, Victoria, Australia, 2004. P. 187.
21. *John Colarusso*. 'The Hunters', Journal of Indo-European Studies, 2008. Vol. 36, P. 442–463.
22. *Calvert Watkins*. The American Heritagew Dictionary of Indo-European Roots. Boston, New York, 2000. P. 14.
23. *J.P. Mallory and Victor H. Mair*. The Tarim Mummies, London, 2000. P. 106.

УДК – 903'1(470.6)

С.Н. Корневский
(г. Москва)

ДРЕВНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ*

Майкопская культура, как древнейшая культура земледельцев и скотоводов Предкавказья с самого начала своего выделения Е. И. Крупновым воспринималась как явление многокомпонентное. Понятие о её раннем и позднем этапах было введено А.А. Иессеном (Иессен, 1950) в 1950 году на основании металлических предметов из источников по погребальному обряду. Оно было всесторонне проанализировано Р.М. Мунчаевым в монографии 1975-го и в работе 1994 г.¹ (Мунчаев, 1975, 1994). В 1989 г. связи с заметной вариабельностью в типологии погребальных памятников металла и керамического комплекса было введено понятие майкопско-новосвободненской общности (МНО), ставшее, по сути, синонимом более раннего названия А.А. Иессена памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц (Корневский, 1989).

Другой, более ранний подход к подразделению памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц предполагал отнесение в их число поселения с накольчатой жемчужной керамикой типа Мешоко, Ясеновой Поляны, Свободного, Замка. На основании анализа керамики поселения Мешоко А.Д. Столяром (Столяр, 1964) был поставлен вопрос о подразделении майкопской культуры на две культуры: майкопскую и новосвободненскую. Он оказался несостоятельным, так как поселения Мешоко, Ясенева Поляна, Замок, Свободное просто не относятся к памятникам майкопско-новосвободненской общности. Но идея такого подразделения сохранилась.

В связи с новым витком в накоплении источников по майкопской культуре и, прежде всего, поселенческих материалов с середины 80-х гг. прошлого века возникла необходимость создания внутренней типологии памятников МНО на базе сопоставления данных её поселений и погребений (Корневский, 2004).

В основу внутренней типологии МНО были положены наблюдения за формами керамики, встреченной на поселениях в её аналогиях, в погребениях, с дальнейшим привлечением сведений о металле и формах погребального обряда. В результате этой работы были выделены типологические варианты МНО, имеющие также и локальное своеобразие, такие как галюгаевско-серегинский (собственно майкопский), псекупский, долинский и новосвободненский варианты (группа в рамках «горизонта гробниц» могильника «Клады»).

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00792 А.

Общая хронология МНО на основании дат С14 и ее аналогий на Ближнем Востоке определялась в рамках IV тыс. до н.э. Статистика радиоуглеродных дат указывала на три устойчивых блока их диапазонов: ранний 40/39–38/37 вв. до н.э., средний – 37–34 вв. до н.э. поздний – 34–30/29 вв. до н.э. Памятники раннего этапа (*раннего и среднего диапазона*) связаны главным образом с галюгаевско-серегинским вариантом, комплексами псекупского варианта с вещами раннего майкопского этапа, погребениями раннего периода могильника Клады (до горизонта гробниц). Памятники позднего этапа (*среднего и позднего диапазона*) охватывают материалы псекупского варианта с металлом позднего этапа МНО и соответствующими датами С14, долинского варианта новосвободненской группы (горизонта гробниц).

Каждый из выделенных вариантов МНО, судя по особенностям быта (очажных подставок), керамического комплекса, имел свои пути формирования, а также черты, присущие этой общности. Ниже рассмотрим этот методический сложный вопрос с учетом новых, постоянно накапливающихся материалов и выходом публикаций (Корневский, 2004. С. 49–63).

Галюгаевско-серегинский вариант МНО, или собственно майкопский, локализуется в Центральном Предкавказье, Верхнем и Среднем Закубанье (до гор. Армавира). Формы его круглодонной охристой керамики со знаками на плечиках находят близкие соответствия в культуре Лейлатепе на Южном Кавказе; культуре Северной Месопотамии и Восточной Анатолии достоверно с времени Арслантепе VII (3900–3400 BC). Для него (варианта) мособо показательны приставки к очагам с отверстием в корпусе и круглой головкой, а также иные типы. Истоки круглодонных форм посуды майкопского варианта и зарождение знаковой системы на керамике фиксируется у культур к югу от Аракса времени конца Убейдской эпохи, Арслантепе VIII, убейдского слоя Овчулартепеси (4300–4200 BC) (Restelly, 2012). Конкретный процесс формирования раннемайкопского варианта еще во многом неясен. Ранние аналогии очажным приставкам связаны со слоем Тепе Гавры XII (Tobler, 1950). В основном этот вариант датируется первой половиной – серединой IV тыс. до н.э. В зоне галюгаевских поселков на Тереке носители майкопского варианта могли задержаться по времени до эпохи Джемдет Насра включительно, то есть 3400–3000 BC. Внутри варианта наблюдается своя локализация. Так, определенно близостью обладают поселения Усть-Джегутинское и Большетегинское. Локальные отличия от галюгаевских поселений имеет также Серёгинское поселение с его общими для Закубанья формами керамики (Корневский, 2004. С. 50).

Галюгаевско-серегинский вариант демонстрирует явные связи с Передним Востоком в отношении не только форм керамики, но и сюжетов мифологии. Его комплексы отражают очень высокий уровень металлообработки бронзы, золота и серебра вплоть до создания шедевров мирового искусства, подчиненных одной идее, – культу Древа Жизни и связанной с ним идее священного плода и бессмертия в ирано-месопотамской трактовке этого сюжета*.

Псекупский вариант близок по формам керамики первого класса майкопскому варианту МНО. Отличия связаны с пролощенным орнаментом-сеткой, приземистыми формами круглодонной керамики, рифлением сосудов. Лепная керамика известна хуже. Ей могут быть свойственны плоскодонные и круглодонные формы, двуцветный обжиг (с черной поверх-

* Но явно в ранней и местной манере передачи.

ностью). Для раннего времени показательны приставки к очагам того же майкопского типа. Этот период отражен погребальными комплексами с вещами раннего этапа по А.А. Иессену первой половины IV тыс. до н.э. в Центральном Предкавказье (Кудяхурт к. Курсавский курган, Шарахалсун). Сосуды с орнаментом пролощенной сеткой фиксируются уже в его ранних комплексах.

В предгорной Адыгее к ранним комплексам псекупского варианта тяготеют погребения 1,2 горизонтов могильника «Клады». Однако они малоинформативны и небогаты металлом. Частые находки в них кубков с расширенным горлом в раструб (т.н. кубков-тюльпанчиков) отражают некую местную закубанскую традицию. Кубков с орнаментом, характерным для культуры центрально-европейских племен культуры воронковидных кубков, среди них нет (Kossian, 2005).

Поздние комплексы псекупского варианта определяются типами металла, свойственного для «горизонта гробниц» могильника Клады*, приставками к очагам с грибовидной головкой и полым туловом. Дата позднего этапа в основном соответствует времени финала Урука и Джемдет Насра. Ареал поздних псекупских памятников связан со степным Нижним и Средним Закубаньем (от Армавира до Причерноморья и Тамани).

Для ранних комплексов этого варианта показательны связи с Передним Востоком по обмену лазуритом (Кудяхурт). Раскопки А.А. Нехаева и В.А. Бочкового обнаружили цилиндрические печати; А.Д. Резепкин отметил для его находки моделек колес (Бочковой и др., 2013). Предлагаемое А.Д. Резепкиным название для псекупского варианта – закубанская группа майкопской культуры, как антитеза «среднекубанской» группе, думаю, неудачно (Бочковой и др. 2013. С. 12). В статье не разъяснено само понятие «Закубанье», (какое – среднее, нижнее?). Кроме того, это явление уже получило в литературе свое имя – псекупский вариант, для поселений которого типичны конусы с грибовидной шляпкой (Кореневский, 2004. С. 53–54).

У нас еще мало данных судить об истоках сложения псекупского варианта МНО. С одной стороны, он по керамике отличен от посуды лейлатепинской культуры, хотя и демонстрирует похожую посуду ближневосточного облика. С другой стороны, его комплексы показывают адаптацию носителей переднеазиатских традиций в Предкавказье, активное заселение ими Среднего (от Армавира до Краснодара), Нижнего (от Краснодара до дельты) Закубанья, а также миграцию на север, на Нижний Дон (Константиновское поселение).

Долинский вариант был распространен в Центральном Предкавказье. Для него показательны плоскодонные формы круговой керамики, наличие форм с тремя ручками, орнаменты в стиле вертикальных линий, паркетных, крестообразных композиций, наклепных шишечек, отпечатки оси поворотного стояка на плоском дне, знаки на плоских доньях или в придонной части. Вопрос о происхождении долинского варианта МНО еще недостаточно обоснован материалами, кроме одного. Он отражает местное (Центрально-предкавказское) явление с влиянием традиций в керамике куро-араксской культуры.

Долинский вариант отличен ведущими типами керамики и плосковогнутых приставок к очагам от новосвободненской группы. С ним связан особый центральный предкавказский район металлообработки. Дата варианта – середина – вторая половина IV тыс. до н.э. (Кореневский, 2011).

* То есть позднего новосвободненского этапа (по А.А. Иессену).

Новосвободненская группа памятников обрела своеобразие прежде всего на основании комплексов богатейших гробниц в окрестностях ст-цы Новосвободной (Резепкин, 2012). Г. Чайлд считал её производной от миграций племен Центральной Европы (культуры шаровидных амфор) (Чайлд, 1952. С. 214). В настоящее время её появление связывается А.Д. Резепкиным с миграцией носителей культуры воронковидных кубков (Резепкин, 1989, 1991, 1995, 1996, 2004, 2008, 2012), хотя такое мнение не разделяют многие ученые по очень веским основаниям (например, см.: Мунчаев, 1994. С. 163).

Наиболее приемлема синхронизация начала майкопско-новосвободненской общности с датами Триполья VII (Видейко, 2003) или ранним урукским периодам, времен Тепе Гавры XII?, XI*. Датировка погребений горизонта гробниц в основном связана с серединой-второй половиной IV тыс. до н.э. Наиболее ранний диапазон дат – 37–35 вв. до н.э.; наиболее поздний рубеж – IV – начало III тыс. до н.э. (Корневский, 2011).

Готовность источников для решения вопросов о её происхождении плохая. Известно только одно её поселение, которое соотносится с «горизонтом гробниц». Раскопки его еще полностью не опубликованы; о жилищах на этом поселении мало что известно; нет перечня комплексов для каждого из выделенных горизонтов могильника «Клады». В целом пока можно говорить о диагностических формах керамики новосвободненской группы, отраженных именно в комплексах горизонта гробниц. Для них весьма показательны сосуды с орнаментом в стиле ёлочки, набор оригинальных лепных форм посуды или форм, близких к керамике долинского варианта МНО, но украшенных на местный манер елочным орнаментом. С новосвободненской группой горизонта гробниц связан особый местный участок металлопроизводства, близкий, но не идентичный долинскому варианту МНО.

Превращение новосвободненской группы памятников и долинского варианта МНО в одну культуру с единой основой происхождения из ранее выделенного А.А. Иессеном позднего этапа майкопской культуры не оправдано, так как обе они имеют свои пути формирования и резко различаются керамическими комплексами, а также формами гробниц.

Оба этих варианта действительно составляют поздний этап в металлообработке МНО, соответствующий времени среднего Урука и эпохи Джемдет Насра. На обоих вариантах можно проследить влияния, схожие сюжеты в декоре керамики, имеющие аналогии в Восточной Анатолии (слой Арслантепе VIA).

В целом на уровне накопления источников сегодняшнего дня можно полагать, что вопрос о формировании МНО можно подразделять на разные его составляющие как то: появление основных носителей культуры – аграриев, умельцев и мастеров – носителей керамических традиций высококачественной знаковой керамики, металлообработки; носителей специфических культов, мифологии; носителей традиций погребальных

* М.Б. Рысин в тезисах доклада 2012 г. (Рысин, 2012. С. 107–112) высказал немало скептических суждений по поводу дат раннего диапазона МНО и некорректных суждений о её местном саморазвитии. Он предложил связать становление майкопской культуры с временем поселения Великент II, где найдена, по его мнению, её керамика. Однако в его рассуждениях не прослеживаются знания специалиста по майкопской тематике и по её историографии. О местном развитии носителей раннекубанской группы на позднем этапе писал А.А. Иессен ещё в 1950 г. С этим положением никто и никогда не спорил. В слое Великента II нет керамики, сопоставимой с круглодонной майкопской посудой без минеральных примесей её раннего варианта.

обрядов и сложения особой «субкультуры» элитной среды. Например, к последней относится обряд погребения в гробницах.

На ранней стадии на формирование керамических традиций МО могли оказать влияние миграции с юга времени транзитного перехода от убейдской эпохи к раннеурукскому периоду из области распространения северомесопотамской (и восточно-анатолийской) культуры, охватившие также Южный Кавказ.

Не исключено, как было отмечено ранее, что в Предкавказье пришли уже адаптированные на Южном Кавказе племена Ближнего Востока и производственные кланы (Кореневский, 2004. С. 92). В их среде имело место восприятие курганных обрядов, которые уже знало аборигенное население Кубанских и Терских равнин протоямной культуры, и приспособление последних к собственным культам.

В области становления металлопроизводства МНО еще много неясного, но его активизация явно совпадает с общим подъемом металлургии лейлатепинской культуры на Южном Кавказе и отдельными импульсами в этой области из ареала культур Дунайского бассейна (Кореневский, 2011). Оседание на месте пришлого населения и пришлых кланов металлургов, о которых можно предполагать на основании этнологических параллелей в процессе дисперсии знаний о металлообработке (Кореневский, 2011. С. 119), сопровождалось контактами с Передним Востоком. Ярким примером тому служит достигший в это время Предкавказья лазуритовый путь, имевший истоки на Бадахшанском месторождении в Афганистане (Кореневский, 2011, С. 105).

Поздние варианты МНО: новосвободненский, долинский – отражают местные кавказские процессы формирования культур их носителей, которые шли синхронно с формированием поздней стадии псекупского варианта МНО. По археологическим материалам просматривается похожесть элементов их культуры с культурой позднеурукского времени Ближнего Востока, но это еще не означает прямого влияния урукской культуры Южной Месопотамии на Предкавказье. По мнению Н. Мусеибли, на культуру лейлатепе влияния собственно урукской культуры Южной Месопотамии вообще нет, а Южноурукской культуры на Кавказе не существует (Мусеибли, 2011, С. 17).

В эпоху среднего и позднего урукского периода носители майкопско – новосвободненской общности представляли собой мощный, высокоразвитый по меркам своего времени центр военизации, металлопроизводства, ювелирного дела и престижного керамического родового ремесла. Они были проводниками клинковой революции в военном деле, создали высокую культуру кинжала. Общество племен МНО было стратифицировано и обладало четко обозначенной элитой с военной, культовой и военно-производственной символикой в погребальных обрядах. Носители культуры МНО достигли стадии ранней фазы протоцивилизации и оказали большое влияние на своих северных соседей и контрапартнёров по дарообмену в Восточной Европе, а также на развитие у них военного дела.

Антропологических определений носителей рассмотренных выше вариантов МНО в пределах её основного ареала в Предкавказье не много, несколько более 15. Специалистами отмечен прежде всего долихокранный средиземноморский или южно-европеоидный тип (Алексеева, 2004). Но детальное рассмотрение особенностей антропологии и генетики каждого из выделенных вариантов МНО – это еще дело будущего.

Примечания
(Endnotes)

1. Алексеева Т.И. К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности в Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 168–179.
2. Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. 2012. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2013. С. 7–20.
3. Відейко М.Ю. Нова хронологія кукутені – трипілля // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ, 2003. С. 106–117.
4. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. С. 157–292.
5. Корневский С.Н. Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989. С. 60–62 (тезисы).
6. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 1–272.
7. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М., 2011. С. 1–385.
8. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 1–414.
9. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология СССР. Ранний и средний бронзовый века Кавказа. М., 1994. С. 158–225.
10. Мусеибли Н.А. Лейлатепинская археологическая культура: переднеазиатские корни и место в кавказском энеолите // Археология и этнология Азербайджана. Баку, 2011. С. 15–29.
11. Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. канд. дисс. Л., 1989.
12. Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.
13. Резепкин А.Д. Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху энеолита – ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 59–62.
14. Резепкин А.Д. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита – ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 50–54.
15. Резепкин А.Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 97–125.
16. Резепкин А.Д. Новосвободненское поселение // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 156–176.
17. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб., 2012. С. 1–341.
18. Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая хронология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие в древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 107–112.
19. Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур Кубанского энеолита. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. Л., 1964 а. С. 31, 32.
20. Чайлд Г. У истоков Европейской цивилизации. М., 1952. С. 1–467.
21. Kossian R. Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden. Haale (Saale), 2005. S. 1–793.
22. Restelly F.B. At the roots of the Late Chalcolithic Society in the Anatolian Euphrates valley // Originy, vol. XXXIV. Roma, 2012. P. 41–58.
23. Tobler A. Excavations at Tepe-Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. II. P. 1–320.

УДК – 903.5(=352.3)

Н.Г. Ловначё
(г. Майкоп)

ПРЕЕМСТВЕННАЯ СВЯЗЬ АДЫГО-АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ИСПЫУНАМИ (ДОЛЬМЕНАМИ) ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

1. ФОЛЬКЛОР

Легенда об испах и испыунах, сохранившаяся в фольклоре адыгов, – это не чистая выдумка. Как писал археолог П.У. Аутлев, испы – карлики на самом деле вполне историческое древнее племя, жившее в горах Северо-Западного Кавказа рядом с племенем иныжей – великанов [3 – с. 514–515]. Карлики и великаны – мифологическая гипербола, но она подразумевает истинные различия между представителями разных природных зон: испы – относительно низкорослые южане, предположим, малоазиатские хатты; иныжи-рослые индоевропейцы-северяне, нартты – кавказцы среднего роста.

В легенде об испах-карликах говорится о том (в некоторых вариантах), что впоследствии хитрые маленькие испы вытеснили великанов-иныжей из наших гор и стали жить в построенных иныжами каменных домах, въезжая и выезжая через отверстия в передней фасадной стене на зайцах или петухах. Нартский эпос адыгов испыуны (дольмены) не упоминает, а вот испов и иныжей изображает довольно отчетливо. Испы живут скрытно в горах, и они у нарттов считаются мудрым, хитрым племенем. Их нартты еще называют «цЫфыпэцЫй» – коллективистами. Здесь же, в горах, отдельной семьей проживают великаны-иныжи, большие, сильные, но простодушные и злые.

Зайцы попали к испам не из-за того, что на них удобно ездить, держась за уши как за узду. Этот зверек был у древних хатто-хеттов традиционно священным животным [9 – с. 197], люди верили в его пророческие способности. Изображение зайца либо его головы или даже одних ушей служило у хеттов символом власти (иероглиф). Если хаттский язык в Хеттском государстве использовался для религиозных действий (молитв, песнопений, заклинаний) [9 – с. 149], то представители хаттского племени составляли жреческую касту. Это же самое можно предположить и для испов Северо-Западного Кавказа. В таком случае естественно соседство и сотрудничество испов с зайцами нартского эпоса. Возможно, это случайное совпадение, но и в наше время зайцев очень часто можно встретить возле испыунов Западной Черкесии и увидеть даже выскакивающими из них.

Адыгскую легенду об испах и иныжах сохранили русские поселенцы горного Закубанья. Среди жителей станицы Баговской Мостовского района бытует своеобразная аннотация колоссальных антропоморфных скульптур Кизинчанской скалы, что возвышается у входа в ущелье притока р. Ходз Кизинки. Сорокалетний станичник, пасший лошадей у подножья скалы,

рассказывал: «Думаешь, это природные истуканы? Нет, это древние люди, построившие те каменные хатки, что сотнями разбросаны по горам в глубине долины Кизинки в урочище Сабанок. По какой-то причине они должны были покинуть эти места, а они так любили свою родину, что решили окаменеть, но остаться в родных горах. Вот теперь они охраняют вход в долину р. Кизинки и свои древние постройки»^{*}.

Среди жителей горных станиц Майкопского и Мостовского районов существует определенное представление об этнической связи «богатырских хаток» (дольменов) с адыгами. Обобщая знания по дольменам, они считают, что адыгский похоронный обряд предполагает покойника в сидящей позе, как в дольменах. К тому же они и жители других горных районов Закубанья и Причерноморья знают, что до них эти места населяли черкесы.

Действительно, территория с памятниками мегалитической – архитектуры испыунами – совпадает с территорией горных племен шапсугов, убыхов, абадзехов и абазин. То же самое наблюдается и в Абхазии. На территориях соседних с абхазами грузинских народностей – мегрелов, сванов, гурийцев – нет дольменов.

2. КОНСТРУКТИВНО-ОБРАЗНОЕ РЕШЕНИЕ

Всем ученым-кавказоведам известно, что название западнокавказских мегалитов «дольмен» взято из Европы в силу сутобо своей мегалитичности. Но теперь, уже при современном состоянии изученности памятников Кавказа, стало ясно, что оно не соответствует конструктивно-образной сути. В Западной Европе это горизонтальные каменные плиты или блоки, положенные на необработанные опоры (две, три и больше), не требующие четырех стен, и образно напоминающие стол с горизонтальной плоскостью. Наши мегалиты обязательно имеют четыре стены с отверстием в передней (фасадной), и наклонную крышу. Поэтому при виде целых испыунов неминуемо возникает ассоциация с домом, а лишенных крыши – с ящиком, но никогда – со столом. Образ дома подтверждается названиями кавказских мегалитов на языке соседних с адыгами трех народов; четвертым является адыгское. Так, на русско-казацком они называются «богатырскими хатками», т.е. домиками; на языке мегрелов – мшкуде – дома великанов; на абхазском сохранилось древнеадыгское «псэун» – дом души; на адыгском – испыун (дом карлика), или «къэунэжъ» – древний могильный дом.

3. ЯЗЫКОВАЯ СВЯЗЬ

Важно, что слово «псэун» непосредственно восходит к дольменной эпохе и отражает название жреца, обслуживавшего «псэунэ», который руководил исполнением погребального обряда в каменных гробницах и оформлял культ обожествленных предков, погребенных в них. Здесь мы имеем дело с явлением «контаминации», т.е. переходом названия предмета на человека, обслуживающего его. Это можно сравнить с «гьошэс» – старым названием помощника тамады за кабардинским столом (виночерпия – разливалы), в переводе на русский – кувшинник. Гьошэс – это название сосуда, из которого он наливал напиток. Подобно этому и «лэгупэжъ» – котловник от «лагуп» – большой котел. Позднее название должности жре-

^{*} Рассказ жителя станицы Баговской, не назвавшего своего имени, передан (записан) Ловпаче Н.Г.

ца превратилось в мужское имя Псэун, увековеченное в фамилии Псеунок и топониме Псеунохабль в Большом Шапсуте.

Следовательно, существующее до сих пор среди адыгов древнее мужское имя Псэун наглядно показывает преемственную связь адыгской ономастики с дольменной культурой.

4. КУЛЬТОВАЯ ФУНКЦИЯ

Использование испыунов в культовой функции и в качестве усыпальниц продолжается в киммерийско-скифское время эпохи раннего железа. Косвенным доказательством продолжения традиций дольменщиков в древнемеотской культуре Закубанья VIII–VII вв. до н.э. является культ «Жъуогъозэшибл», т.е. созвездия Большой Медведицы, он выражался в дольменную эпоху в плане трапециевидного испыуна с одной порталльной стеной (Усть-Сахрай). В культуре предков адыгов VIII–VII вв. до н.э. символ Жъуагъозэшибл (семибратного созвездия), олицетворявшего плодородие, выразился в профиле погребальных керамических ковшей [10 – с. 8–20], находимых во всех могильниках древнемеотского периода Адыгеи.

Фрагменты керамики этого типа попадают в порталльной части испыунов Азербиевки в окрестностях гор. Геленджика [11 – рис. 130–19, 20; рис. 133–7]. Но эти находки относятся к более позднему, раннемеотскому периоду VI–V вв. до н.э. То же можно сказать об изделиях из железа и бронзы [11 – рис. 86–5; рис. 130–16]. Бронзовые наконечники стрел скифского типа найдены в дольменах Азербиевки, железный нож раннемеотского типа – в Кизинковском дольмене, а песчаниковый оселок и железный нож – в Пшадском дольмене № 3 третьей группы.

В порталльных частях испыунов в Прикубанье найдена керамика эллинистической эпохи, синхронной среднемеотскому периоду IV–I вв. до н.э. [11 – с. 326]. Следовательно, культовая функция использования мегалитических построек продолжалась предками адыгов раннего железного века вплоть до рубежа новой эры. По утверждению И.И. Аханова, захоронения в геленджикских дольменах, т.е. в окрестностях гор. Великого Торика античной эпохи, продолжались в скифскую эпоху [4 – с. 139–149]. В.И. Марковин по этому поводу пишет: «В 1961 г. И.И. Аханов опубликовал материалы раскопок в районе гор. Геленджика. Собранные им материалы позднего времени позволяют считать верным утверждение ряда авторов о длительном использовании, раннее построенных дольменов».

Важно еще то, что, по мнению И.И. Аханова, этноним протоадыгского племени торетов-тореатов, столицей которого был гор. Торик на месте Геленджика, происходит от названия «торе» мегалитических построек Средиземноморья (Корсика; Сардиния, Болеры [5 – с. 249]. От них, этих торе, произошли дольмены составного типа Западного Кавказа [16 – с. 156–163]. И.И. Аханов полагал, что постройки конструкции типа «торе» занесены в Восточное Причерноморье средиземноморским племенем. Эти пришельцы продолжали на новом месте строительство своих традиционных усыпальниц. По этому признаку местные их соседи – зихи и керкеты – и, возможно, эллины, назвали их «торретами». Естественно, со времени дольменной эпохи тореаты ассимилировались в местной среде и превратились в кавказское-протоадыгское племя.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Кроме предметов материальной культуры, свидетельствующих о преемственности адыгской культуры от дольменной, подтверждением генетической связи служит сам похоронный обряд. Для дольменной культуры Западного Кавказа характерны коллективные семейные захоронения. В древнейших испыунах Усть-Сахрая насчитывалось до 8 скелетов, захороненных в разное время, но в пределах одной эпохи, в одной усыпальнице. В некоторых эшерских дольменах Абхазии насчитывалось до 30 костяков. Трудно вычислить и подсчитать количество погребенных (подзахоронений в мегалитах) в период поздней бронзы, но если в то время продолжалось использование потомственных семейных усыпальниц, то такой подсчет необязателен. В дольмене Агуй Шапсуга на р. Колихо зафиксировано 70 костных останков погребенных.

В раннем железном веке традиция дольменщиков продолжается в испыунах окрестностей Геленджика представителями тореатов. Другим вариантом выглядят погребения IV–II вв. до н.э. в могильника «Триш» в Причерноморье (между Новороссийском и Анапой), где в каменных ящиках имеются коллективные погребения (до 7 костяков). В позднемеотский период коллективные семейные захоронения замечаются в обществе адыгского племени в грунтовых могилах Закубанья. Об этом свидетельствуют материалы грунтового могильника меото-сарматского времени первых веков н.э. у села Свободный Красногвардейского района Адыгеи, а также могильник у хут. Городского Теучежского района [13; 14, – с. 7, 8]. Кроме того, мегалитическое строительство погребальных сооружений в горной части Причерноморья продолжается в виде каменных ящиков. Этот тип мегалитов представляет могильник VIII–VII вв. до н.э. Псыбэ [17 – с. 210–212] и Триш. В дальнейшем, в раннем Средневековье, традиция коллективных семейных захоронений сохраняется в каменных ящиках Борисовского могильника V–XII вв. на Тонком мысу у гор. Геленджика [15]. На северных склонах признаки коллективных захоронений VIII–XIII вв. обнаружены в склепах Гупсского некрополя, построенных на мегалитических цоколях. Сами склепы этого кахатлежа были сложены из аккуратно отесанных известняковых квадров и, видимо, завершены четырехскатной крышей с использованием сланцевого покрытия.

Коллективные семейные захоронения продолжают в позднем Средневековье в курганах Шитхальской (Белореченской) археологической культуры XIV–XVI вв. Это установлено на материале курганного кахатлежа Мыгухабль близ сел. Большой Кичмай Лазаревского района Краснодарского края. В одном кургане этого памятника была открыта семейная могила с четырьмя костяками – тремя мужскими и одним женским. Причем, скелеты были положены по принципу валета: мужские – головой на запад, а женские – в противоположную сторону [8 – рис. 24]. Это соответствует обычаю, зафиксированному генуэзцем Дж. Интериано у черкесов Закубанья в конце XV в. Муж и жена в черкесских семьях спали вальетом. Еще позже, примерно, в XVII–XVIII вв., этот порядок сохранялся также в мусульманских погребениях псекупского могильника № 1 [10А – табл. XXXII]. Четыре костяка «вальетом» обнаружены в погребении № 15 позднемеотского времени в могильнике у села Свободный, названного выше.

Хотя с дольменной эпохи традиция коллективных семейных захоронений у древних и средневековых адыгов все время эволюционизировалась в

сторону утасания, но она достаточно наглядно иллюстрирует этническую связь и культурную преемственность с дольменной культурой.

6. ПЕТРОГЛИФЫ

Продолжая экскурс использования испыунов в последодольменную эпоху предками адыгов, удобнее всего рассмотреть в этом аспекте комплекс памятников в урочище Хамышей (сел. Хамышки Майкопского района). Этот куст мегалитических объектов показывает тесную преемственную связь средневековой культуры адыгов с дольменной. Здесь на одной линии широтного направления расположены следующие с востока на запад памятники: мегалитическая крепость эпохи бронзы с группой составных дольменов на хребте Дудугуш [7]; испыун-полумонолит на северной окраине сел. Хамышки; две скалы с тамгами и иероглифами; группа плиточных дольменов Цербелевой Поляны. Две упомянутые скалы с петроглифами и иероглифическая надпись корытообразного дольмена (полумонолита) относятся к эпохе Средневековья. Среди петроглифов этой глыбы имеется иероглифическая надпись, дешифрованная с помощью хеттской иероглифики эпохи бронзы и раннего железа. На большой скале с петроглифами, расположенной на склоне горы Монах, высечены 60 тамг разных периодов Средневековья. Две скалы с петроглифами эпохи бронзы говорят о том, что адыги продолжали пограничную функцию этой линии между двумя племенами (или родами), приняв ее от своих древних предков-дольменщиков. Самые ранние тамги на большой скале продолжают форму знаков на малой глыбе, где всего пять плохо сохранившихся. Из этих пяти самый неясный в точности совпадает с тамгой абазинского рода Лие. Вполне возможно, что знаки на меньшей глыбе и самые первые на большой в верхнем левом углу выбиты еще в древности. По предположению Е.П. Алексеевой, абазины как представители цебельдинской археологической культуры в Абхазии стали переходить с южного на северный склон в VII–VIII вв. н.э. [2 – с. 196]. В связи с этим можно предположить, что древний род Лие(вых) ушел из урочища Хамышей во втором тыс. до н.э. (в среднюю или, скорее, позднюю бронзу), оставив свой герб на нижней скале, а через несколько столетий, примерно, в VII в. н.э. возвратился, отыскал древний символ и продолжил жизнь, отмечая ее тамгами на верхней скале. Таких знаков на ней большинство. Это абазинские роды: Лие, Зунпа, Хуна, Канж. На втором месте по количеству тамг убыхских родов Бэрзэдж и Берсир (Бэрсэй), мало отличающиеся друг от друга. Тамга Бэрзэдж обнаружена на плите разваленного дольмена Цербелевой Поляны, западной оконечности широтной линии мегалитов Хамышей [7а – с. 177].

Абазины «возвращались» на северный склон, по Алексеевой Е.П., внедрялись в черкесскую среду, до XIV в. В конце концов, они превратились в западночеркесское племя абадзехов, которые и довели тамговую хронику Хамышейского общества на верхней скале до середины XIX в. Возможно и точнее вообразить время появления древних знаков рода Лие на скалах Хамышей. Геральдическая функция хаттско-хеттских иероглифов в Анатолии замечается во второй половине III тыс. в виде ремесленного знака ювелира из рода Дурдыма на посуде из драгоценного металла царских гробниц Аладжа-Гуюка. Чеканное клеймо Дурдыма исполнено на дне золотого кубка [1 – 16 с.].

Но на древнемеотской керамике Закубанья, в частности, на ручках ковшей тамгообразные знаки появляются в киммерийскую эпоху в связи с развитием коневодства и верховой езды. В это время, т.е. в VIII–VII вв. до н.э. должны были появиться «тауры»* и на малой скале Хамышей.

Таким образом, комплекс мегалитических памятников урочища Хамышей позволяет наблюдать использование испыунов в последодольменное время с VIII в. до н.э. бесспорными предками адыго-абхазов**, ибо непрерывный этногенез адыгов в настоящее время в науке прослежен в глубину XI в. до н.э. [18 – с. 59].

7. ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

В дополнение к ономастикону «Псэун» (псаун) необходимо привести адыгские тауры – родовые и фамильные знаки, равнозначные гербам. Но вначале рассмотрим петроглиф на крыше составного испыуна хребта Дудугуш, что окаймляет с востока урочище Хамышей.

Знак представляет собой крест, вписанный в окружность, поддерживаемую горизонтальной линией и опирающуюся на две высокие вертикальные «ножки». Между «ножками» – лунка. Над этим изображением выбиты семь лунок в два горизонтальных ряда.

В совокупности это можно прочесть как схематически-символическое изображение солнца на дольмене. В данном случае важно символическое начертание испыуна-дольмена в виде фасада. Горизонталь – крыша; «ножки» – анты боковых стен; лунка в середине – лаз (отверстие) для выхода и возвращения души; верхний круг с крестом, видимо, символизирует солнечного жреца. Но если все изображение рассматривать как фигуру человека (голова с расставленными руками и ногами, срединная лунка – детородящий орган), то видится жрица.

Таур (тамга) кабардинцев Псеуновых (Псэун) – окружность без всяких добавлений. Можно представить, что Псеуны взяли из древнего жреческого герба круг как изображение солнца – символ главного культа дольмена и одновременно входа в «дом души» – лаза.

Но у абазин Турции Пшеун (диалектная разновидность Псеуна) другая тамга, а у кабардинцев Пшеунетль, название которых трансформировалось из Пшеунетль, (т.е. мужчина или человек дома души) герб максимально приближен к древнему дольменному знаку. Тамга Пшеунетлей изображает фасадную часть «псэуна». Единственным отличием от дудугушевского петроглифа является замена горизонтали крыши дугой, изгибающейся в прямые «ножки». Вместо кружка-лаза в центре стоит точка. Указанные отличия объясняются технологическими соображениями при изготовлении «гучэтаура» – железного тавра. Железное тавро, которым клеймили скот и деревянные могильные столбики, делали из сплошной полосы, загибая ее по углам в двух местах. К этой полосе приковывали два прута (держалки) и третий – для центральной точки. Три крепежных стержня приковывали к цилиндрической втулке; последняя насаживалась на деревянный черешок (держак).

Тамги абазин Пшеуновых (Пшеун) тоже сохраняют дугу арки фасада испыуна, но без точки в центре и с лапками у ножек. Второй вариант –

* Так адыги называют тамги.

** Абазины осуществляли связь между абхазами и адыгами, переходя с южного склона на северный и обратно.

прямоугольная арка с лапками у ножек, т.е. лаз. Для него сверху, от горизонтальной перекладки, спущена вертикальная поддержка. Это чисто технологическая деталь, как крепежная тяга.

Тамга кабардинцев Пазовых (Пазэ) еще натуральнее продолжает форму древнего жреческого символа Псэуна на дольмене Дудугуша [19]. Здесь над прямоугольной аркой – круг, но малый в сравнении с древним. Верхний кружок вертикальной линией соединяется с квадратной аркой лаза в нижней части. «Ножки» боковых стен фасада «псэуна» опираются на петли, образованные из замкнутых «лапок». Другой вариант изображает арку фасада со скругленными плечами и дуговидной аркой лаза. Вместо верхнего круга, венчающего срединную вертикаль-поддержку, – ассиметричное полукружие в виде крючка [19].

Сходство тауров Пазовых и Пшеуновых (Паз и Пшеун) не случайно. Если Пшеун и Псэун однозначно связываются с дольменами, то Паз, как озвонченное «пас» – ранний, в смысле древний, старинный, оставляет в названии (имени) жреца только хронологический компонент. «Апаза» по-абазински и абхазски – руководитель.

Таким образом, в адыгских таурах Пазовых и Пшеуновых фасад псэуна превращается в антропоморфную схему. Это и оправдано, потому что полученный герб символизирует мегалитическое сооружение и обслуживающего его жреца одновременно.

8. АРХИТЕКТУРНАЯ СВЯЗЬ

Мегалитические постройки дольменной эпохи типологически, конструктивно и образно довольно разнообразны. Среди них, кроме испунов, – двухкамерные гробницы, каменные ящики, кромлехообразные цисты (панцири), менгиры, дромосы, толосы, галереи. Испуны позже II тыс. до н.э. на Кавказе не строили.

В нашем плане связи культуры средневековых адыгов с мегалитами бронзового века более перспективны толосы, которые понятнее и проще назвать незавершенным куполом.

Древнейший толос (из исследованных на Западном Кавказе) рассмотрен в кургане Псынако 1. Радиоуглеродная дата мегалитического храма Псынако – 2320 лет (± 70) до н.э. Толос был выполнен из плитняка на своеобразном растворе; внутри его полости был установлен порталый испун. Возможно, сверху он перекрывался каменными плитами или бревнами, но перекрытие до исследователей (открыватель – Тешев М.К., исследователи – он и Марковин В.И.) не дошло. Известняковый плитняк довольно мягкий и поэтому толщина стен толоса в среднем 2 м. Есть основания предполагать многогранную форму толоса со скругленными углами, но разрушенность его стен затрудняет определение количества граней [11 – с. 248].

Более поздние постройки, опубликованные Ю.Н. Вороновым в книге «Древности Сочи и его окрестностей», исследованы на Красной Поляне близ Адлера. В трех подземных гробницах определенно видится восьмигранная форма. В двух гробницах стены сложены из крупных плит в четыре ряда, а накрыты большой плитой: в одной – о шести углах, в другой – о восьми. Третья гробница овальной в плане формы со стенами из плитняка в 11 рядов и покрывной плитой восьмиугольной формы [6 – с. 59, рис. 25].

Толосовидные гробницы Красной Поляны датируются 1-й половиной II тыс. до н.э.

Примерно к этому же периоду бронзового века можно отнести гузерицкий испыун № 2. Портальный фасад этого мегалита был выполнен из больших цельных плит. Во внутреннем периметре основной камеры, имеющей форму овала, также можно насчитать восемь граней. Стены камеры возведены были по принципу составного дольмена циклопической кладкой в 4,5 рядов. Из-за плохой сохранности не удалось выяснить форму перекрывавшей плиты. Кладка стен камеры из блоков с нависанием верхних над нижними формировала «ложный свод», но незавершенный. Поэтому это мегалитическое сооружение тоже условно можно отнести к толосу [11 – с. 148].

Мегалитических гробниц раннего железного века не обнаружено, но в раннем Средневековье они появляются, хотя их мегалитическая часть могла вторично использоваться в VIII–X вв.

Очень интересны 100 склепов Гупского пытапэ (крепости). Они возведены на квадратных цоколях 3 м х 3 м из кубовых квадратов известняка. Возможно, мегалитические цоколи этих погребальных сооружений были сложены в эпоху бронзы, а гробницы, построенные на глиняном растворе из аккуратно отесанного плитняка, выполнены в касожский период адыгского Средневековья. В плане квадратные склепы имеют прямоугольно-спиральную внутренность. Судя по сквозным отверстиям четырех верхних угловых плит, крыша (вероятно, четырехскатная) держалась на четырех деревянных столбах. Покрытие крыши выполнялось из папоротника, дранки или сланцевого шифера.

Толосовидные мегалитические гробницы активно возрождаются в позднем Средневековье. Самыми показательными памятниками такого типа служат 100 толосов сортоучастка, что против прибрежного (причерноморского) сел. Чемитоквадже. Из этого мегалитического некрополя частично исследованы две гробницы. Одна, как большинство этого кладбища шапсутов XIV–XVI вв., представляет собой восьмигранник, стены которого сложены из мегалитических блоков песчаника в четыре ряда с уменьшением габаритов блоков от нижних к верхним при сужении диаметра толоса за счет нависания. В этой гробнице расчищено погребение одного человека с инвентарем белореченской археологической культуры [8 – с. 59. Рис. 25]. Перекрытие этого толоса не сохранилось.

Вторая гробница конструктивно сохранилась хуже – всего два ряда блоков кладки стен. План гробницы, хотя не так четко, как первой, позволяет насчитать восемь граней. В этом толосе обнаружены признаки коллективного захоронения позднего Средневековья [8 – рис. 26]. Некрополь позднесредневековых шапсутов сортоучастка основан на дольменом поле, в котором, возможно, были толосы, но не сохранились.

Восьмигранные толосы из четырех и более рядов плитняка, в которых исследованы погребения позднесредневековых абадзехов с чертами белореченской культуры, обнаружены и на северном склоне западного фланга Кавказского хребта. Выше села Усть-Сахрай по реке Дахо на т.н. поляне Беляева зафиксировано свыше трехсот курганов небольшого размера. Многие из них представляют собой восьмигранники из плитняка, в той или иной степени скрывшиеся под грунтом. Толосовидные гробницы позднего Средневековья зафиксированы еще в одном абадзехском некрополе Бутковой Поляны в 6 км на юго-восток от ст-цы Новосвободной.

Подобная конструкция погребального сооружения расчищена в селе Хамышки, на его северной окраине. Из пятнадцати курганов исследован один, в котором расчищено погребение воина XVI в., окруженное толосо-

видным кромlexом. Стена кромlexа полутораметровой мощности сложена из квадров известняка средних размеров.

Приведенные примеры схематично иллюстрируют явление возрождения адыгами эпохи Средневековья традиций мегалитической погребальной архитектуры своих далеких предков эпохи развитой бронзы в виде толосовидной гробницы.

Менее наглядно подобный процесс иллюстрируется формой многогранной шатровой гробницы. Два экземпляра такого мегалитического сооружения исследованы на территории адыгского Закубанья. Самая крупная, одиннадцатигранная гробница с шатровой (восьмигранной) крышей, открыта в урочище Клады (Хашпек) близ ст-цы Новосвободной. В ней были обнаружены материалы Майкопской археологической культуры ранней бронзы. Очевидно, в гробнице было совершено погребение знатного (или даже верховного) жреца [12 – с. 78–80].

Другая мегалитическая гробница с шатровой крышей, которая также сопровождалась погребальным инвентарем майкопской культуры, обнаружена была в кургане ст-цы Костромской.

Неожиданно черты мегалитической архитектуры ранней и средней бронзы проявляются в кирпичном сооружении начала XX в., а именно, в мавзолее эфенди Шевацукова в ауле Джерокай. Несмотря на 4,5 тыс. лет, разделяющих эти памятники (мавзолей Шевацукова и шатровая гробница Хашпека), впечатление таково, что джерокайский мавзолей скопирован с гробницы Хашпека (кладов). Отличие только в материале и количестве граней стен. Совпадают высота стен, форма граненого цилиндра, его диаметр, форма шатра крыши и число ее треугольных граней. Вполне допустимо, что когда в 1869 г. полковник Н.И. Каменев вскрыл шатровую гробницу близ ст-цы Нижнефарсской (позднее – Царская, а в советское время – Новосвободная), адыги, в частности, молодой Шевацуков, попавшие в Джерокай на р. Фарсе с горного участка этой реки, посещали места своих былых поселений и увидели этот археологический объект. Памятуя свою причастность и родственность древней культуре предков, эфенди Шевацуков, может быть, соорудил мавзолей для красавицы-сестры по образу и подобию мегалитической гробницы урочища Хашпек (клады) у ст-цы Царской. Орнаментацию в виде карниза из «сухариков» и стрельчатой аркатуры эфенди мог подсмотреть в Кабарде, откуда он привез жену. К мысли об обращении к древнему мегалитическому наследию располагает тамга Шевацукова, показывающая дольменную символику, т.е. схематизированный фасад испыуна.

Здесь кратко описаны восемь признаков, иллюстрирующих преемственную связь культуры адыгов Средневековья и Нового времени с дольменной культурой Западного Кавказа эпохи энеолита и бронзы. Расширить эту связь можно материалами доисламских верований, строительной технологии мегалитов, декоративно-прикладного искусства и скульптуры.

Не менее важен в этом вопросе тот факт, что адыги и абхазы до сих пор трепетно относятся к памятникам мегалитической архитектуры.

Наиболее эффективными, на наш взгляд, оказываются погребальный обряд, архитектура, язык и геральдика. Эти разделы традиционной культуры адыгов и абхазов, кажется, достаточно убедительно решают поставленную в этой статье задачу.

I. Погребальный обряд

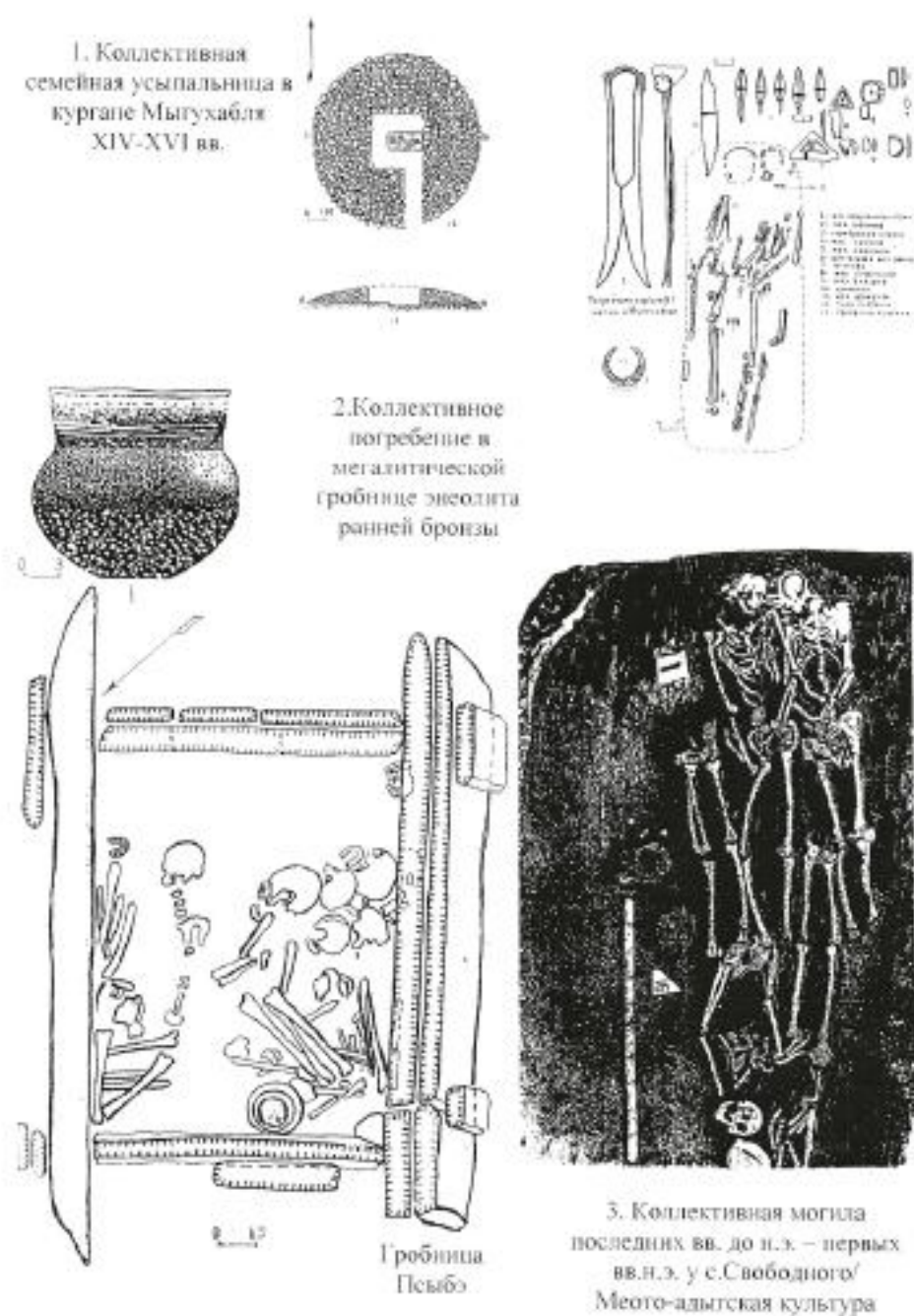

Табл. I. Погребальный обряд:

1. Коллективная семейная усыпальница в кургане Мыгукхабля XIV-XVI вв. 12 – план; 13 – профиль кургана; d – перечень артефактов: 1) железные наконечники стрел, 2) железная обойма, 3) серебряная серьга, 4) железная пряжка, 5) железные ножницы, 6) треугольная железная рамка, 7) огниво (штэ – адыгск.), 8) железная пластинка, 9) железная бляшка, 10) кремний (штауч – адыгск.), 11) железный ножичек;
2. Коллективное погребение в мегалитической гробнице Псыбэ энеолита, ранней бронзы. Майкопская культура;
3. Коллективная могила последних вв. до н.э. – первых вв. н.э. у с. Свободного – меото-адыгская культура.

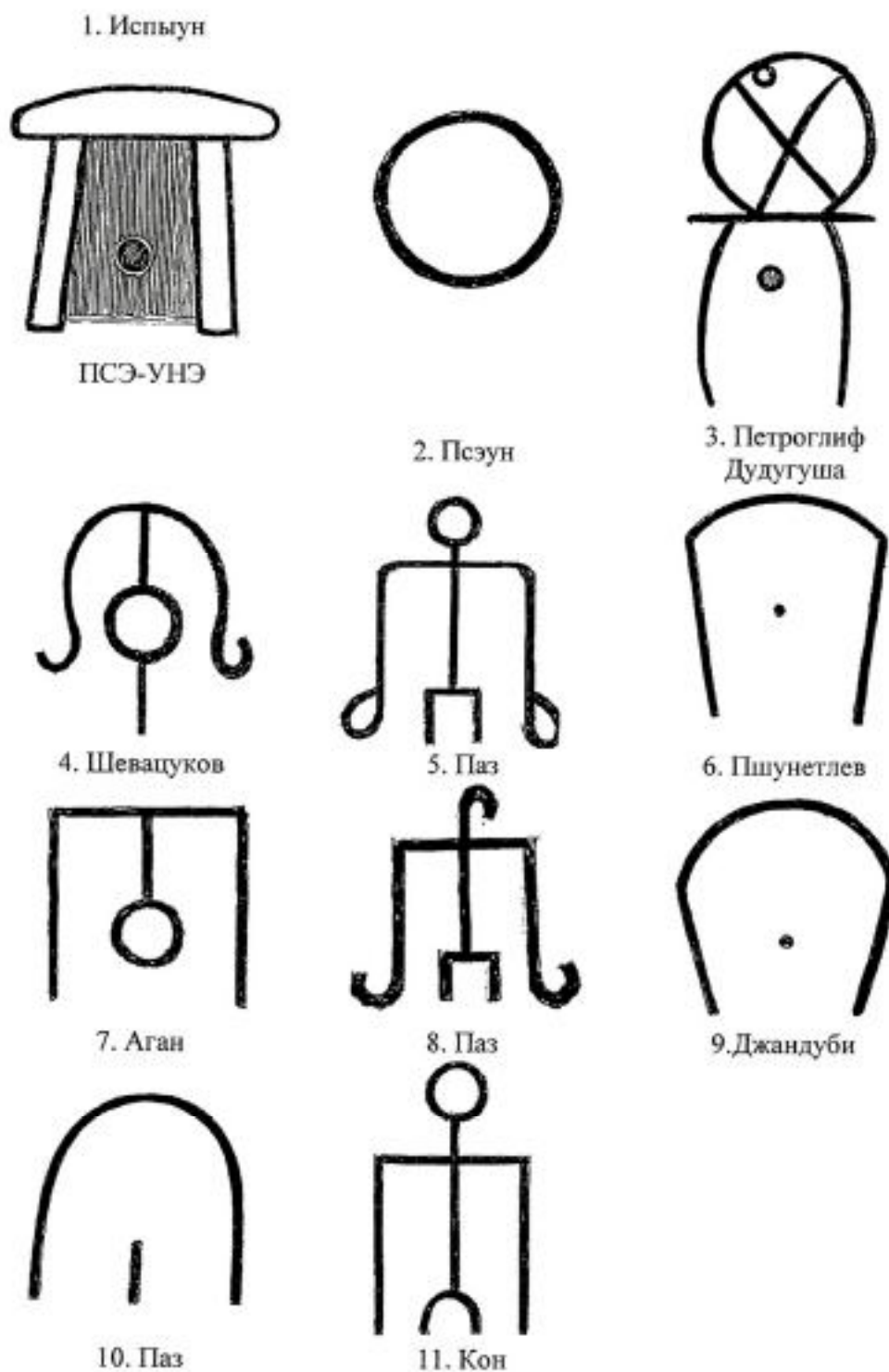

Табл. II. Геральдика:

- 1 – Фасад испыуна-дольмена. Типовое решение; 2 – Тамга рода Псэун;
3 – Петроглиф II тыс. до н.э. на крыше дольмена на хребте Дудугуш;
4 – Тамга рода Шевацуко; 5 – Тамга рода Паз; 6 – Тамга кабардинцев Пшунетль;
7 – Тамга рода Аган; 8 – Тамга рода Паз (ветвь); 9 – Тамга рода Джандуби;
10 – Тамга рода Паз (ветвь); 11 – Тамга абазин Кон

III. Архитектура

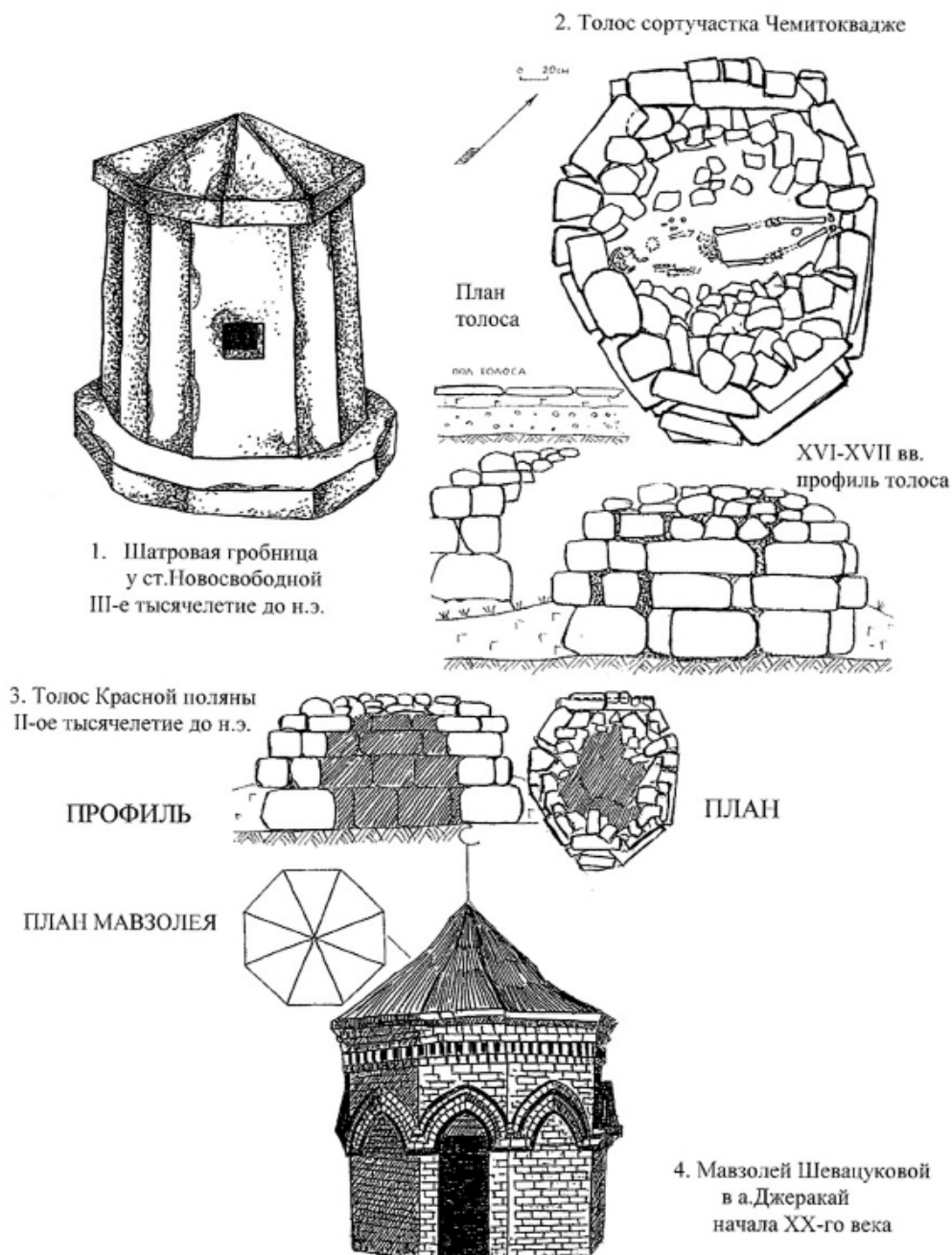

Табл. III. Архитектура:

- 1 – Шатровая гробница у ст.Новосвободной III тыс. до н.э. Майкопская культура;
 2 – толос сорту участка Чемитоквадже. План, профиль, пол толоса, профиль северо-западной стены; позднее Средневековье;
 3 – толос Красной Поляны (профиль, план) II тыс. до н.э.;
 4 – мавзолей Шевацуковой в а. Джеракай, начало XX в.

Примечания
(Endnotes)

1. Akurgal E. Hattve Hitit Uygarliklari. Ankara, 1985. 16 с.
2. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 196.
3. Аутлев П.У. Испы нартского эпоса – не скифское племя «исеп» // Ученые записки. Майкоп, 1974. Т. XVII. С. 514, 515.
4. Аханов И.И. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. 1961. № 1. С. 139–149.
5. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 249.
6. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. Рис. 25. С. 59.
7. Гаврилов М.В. Новый мегалистический памятник в Майкопском районе Республики Адыгея // Магалит-кафе «Бизнес-пресс». М., 2003.
- 7а. Гаврилов М.В. Новый рисунок на дольмене N3 дольменной группы «Цербелева поляна» // Магалит-кафе. М., 2003. С. 177.
8. Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Новые дольменные памятники Западной Черкесии. Майкоп, 1999. Рис. 24.
9. Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968. С. 197.
9. Замаровский В. Ук. соч. С. 149.
10. Ловпаче Н.Г. Дольмены Западной Черкесии и киммерийцы // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1999. С. 8–20.
- 10а. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // ВАА. Майкоп, 1985. Табл. XXXII.
11. Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. Рис. 130–19, 20; 133–7.
11. Марковин В.И. Ук. соч. Рис. 10–9; 141–140; 147–3, 4.
11. Марковин В.И. Ук. соч. Рис. 86–5 (Дегуакско-Даховское). Рис. 130–16.
12. Мегалистические памятники Республики Адыгея. Майкоп, 2001. С. 58.
13. Нехаев А.А. Отчет о работе адыгейской археологической экспедиции в Крансогвардейском районе ААО в 1984 г. // Архив НМРА. Майкоп, 1985.
14. Сазонов А.А. Могильник первых веков н.э. близ хутора Городского // ВАА. Майкоп, 1992. Рис. 7, 8.
15. Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИИАК. Петроград, 1914. Вып. 56.
16. Резепкин А.Д. Типология мегалистических гробниц Западного Кавказа // ВАА. Майкоп, 1988. С. 156–163.
17. Тешев М.К. Новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. 1983. № 4. С. 210–212.
18. Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы, начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 59.
19. Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.
11. Марковин В.И. Ук. соч. С. 326.
11. Марковин В.И. Ук. соч. С. 248.
8. Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Ук. соч. Рис. 25. С. 59.
8. Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Ук. соч. Рис. 26.
12. Мегалистические памятники Республики Адыгея. С. 78, 80.

Мирзоев А.С.
(г. Нальчик)

ТРАДИЦИИ ПИРАТСТВА У ЧЕРКЕСОВ С АНТИЧНЫХ ВРЕМЕН ПО НОВОЕ ВРЕМЯ

Пиратство зародилось одновременно с мореплаванием и морской торговлей. С древности эта традиция была освоена всеми народами, жившими у моря и владевшими навыками мореплавания.

В этом плане предки абхазо-адыгов не были исключением. Имеющиеся в адыгском языке многочисленные термины, связанные с морем и мореплаванием, свидетельствует о давности этой традиции [1]. Автохтоны Северо-Западного Кавказа и древнейшие обитатели Черноморского и Азовского побережий, они уже с античной эпохи становятся известными как прекрасные мореходы и отчаянные пираты.

Самый обстоятельный источник по истории и этнографии Северного Кавказа начала нашей эры – «География» Страбона – содержит развернутое описание пиратства горцев Северо-Западного Кавказа. «Эти народности, – сообщает Страбон, – живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 25 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они *господствуют* (курсив наш. – А.М.) на море. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю.

Когда же наступает время плавания, они снова несут лодки к берегу. Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство» [2: 70].

Как явствует из сообщения Страбона, пираты – горцы Северо-Западного Кавказа – господствовали на море, и флот черноморских греческих городов и государств, в том числе и самого крупного из них – Боспора, не мог с ними справиться. Горцы не только грабили проходящие купеческие суда, но и организовывали масштабные пиратские экспедиции против целых городов и государств Черноморского бассейна [3: 144].

Подобное состояние дел наблюдалось и в римскую эпоху. Корнелий Тацит сообщает о восстании бывшего раба западно-кавказского происхождения Аникета, сделавшего карьеру в римской армии. В своей «Истории» он пишет: «В Понте [4] неожиданно взялся за оружие раб, варвар, некогда командовавший царским флотом, – отпущенник Полемона Аникет. Прежде он пользовался большой властью в этой стране; когда же она сделалась римской провинцией, принялся с нетерпением ожидать

переворота ... он привлек на свою сторону пограничные с Понтом племена, пообещал ... дать возможность пограбить и во главе значительных сил неожиданно ворвался в Трапезунд... Аникет сжег римские суда, забросав их горящими факелами, и стал полновластным хозяином на море... Варвары с удивительной быстротой понастроили себе кораблей и безнаказанно бороздили море. Корабли эти называются у них камары, борта их расположены близко друг к другу, а ниже бортов корпус расширяется; варвары не пользуются при постройке кораблей ни медными, ни железными скрепами; когда море бурно и волны высоки, поверх бортов накладываются доски, образующие что-то вроде крыши, и защищенные таким образом барки легко маневрируют. Грести на них можно в любую сторону... так что могут с полной безопасностью причаливать к берегу и одним, и другим концом» [2: 122].

С. Хотко, составивший исторический экскурс черкесского пиратства с античных времен до периода Кавказской войны, отмечает, что и в Средние века «абхазо-адыги продолжали контролировать северо-восточный сектор Черного моря, а традиция пиратства усердно культивировалась всеми приморскими общинами» [3: 144]. На период позднего Средневековья и начало Нового времени приходится наибольшее количество сообщений о пиратстве абазов и черкесов. В этот период (XII–XVII вв.) флотам генуэзцев, венецианцев и османов приходилось часто иметь дело с пиратскими нападениями горцев. Торговля самой большой генуэзской колонии в бассейне Черного моря – Каффы – терпела большие убытки из-за местных пиратов. «Наибольшую активность зихские пираты, – отмечает С. Хотко, – проявляли в районе Керченского пролива, столь стратегически важного для Каффы, перехватывая галеры каффян на их пути в Копу или Батияр. Причем разовая добыча могла составить сумму в 50 000 аспров. Неспособность Каффы наказать пиратов ... временами приводила к почти полному параличу торговли» [3: 145–146].

В своих морских набегах зихи доходили до анатолийских берегов, которые не раз, согласно источникам, подвергались их нападениям. Так, в 1458 г. зихи под предводительством некоего Артабила напали на Трапезунд и разграбили его. А в 1572 г., как сообщается в донесении венецианского посла в Персии Винченцо ди Аллесандро за 25 июля того же года из города Конья, «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья ... перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город» [3, 147]. Из Трапезунда были снаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности с приказом от султана Селима II не выходить из порта, но сторожить только город, так как боялись, что черкесы ещё больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «А мне было велено держать путь на Грузию и Черкесию, но из боязни тех корсаров я повернул обратно» [3: 147].

В 1829 г. по Андрианопольскому трактату черкесское побережье от устья Кубани до укрепления Святого Духа отошло де-юре к Российской империи. Одной из мер царского командования по завоеванию Северо-Западного Кавказа была блокада Черноморского побережья российским военным флотом. В борьбе с агрессией царизма причерноморские адыги в числе прочих средств использовали и свою военную флотилию. Данной теме из истории Кавказской войны посвящена статья А.Ю. Чирга, на кото-

рую мы будем ссылаться. В частности, им описываются отдельные эпизоды и особенности этой морской войны. Он отмечает, «что у адыгов не было постоянного флота, но они создавали отряды галер для противодействия операциям царских войск и флота. Важной формой борьбы были нападения адыгских галер на царские военные суда. Нередко прибрежные воды Черкесии становились ареной ожесточенных морских сражений. В 1832 г. был атакован горцами двенадцатипушечный тендер. Царские власти даже опасались оставлять в Суджукской бухте судно на брандвахте, ибо горцы легко могли овладеть им на галерах в тёмную ночь.

В октябре 1836 г. царский бриг «Нарцисс» недалеко от устья р. Сочи был атакован семью галерами. Как сообщал позже командир брига капитан-лейтенант Варницкий, «черкесы вели бой организованно, их командир большим шестом указывал каждой галере место в атаке. Бриг отбилсЯ от противника после упорного боя» [5: 157]. Менее счастливой была судьба экипажа транспортного брига «Рафаэль», захваченного черкесами в 1818 г., когда корабль шел из Редут-Кале в Керчь [6: 130–131].

«Нападения адыгских судов вызвали серьёзное беспокойство у командования царского флота. Штаб Черноморского флота специально рассматривал меры борьбы против черкесского судоходства» [5: 157]. В Центральном государственном архиве Военно-морского флота сохранилось интересное дело «О посылке к абхазским берегам канонирских лодок для действия противу галер, черкесами управляемых» [7]. «Ещё в начальный период завоевания Черкесии важной мерой покорения горцев ... Министерство иностранных дел считало разрушение и уничтожение «притонов морских разбойников» на Кавказском побережье.

Для уничтожения адыгских галер ... царское командование решило учредить прибрежное крейсирование посредством небольших гребных судов. К морской службе на этих лодках привлекали казаков Азовского казачьего войска. Азовские баркасы были вооружены небольшими пушками, ходили на веслах и имели парус.

Однако принятые меры не привели к уничтожению черкесской флотилии. Адыги вступали в бой с азовскими казаками на море. Более того, продолжались столкновения с судами Черноморского флота. Так, в феврале 1838 г. произошло ожесточенное морское сражение четырех черкесских галер с русским люгером «Глубокий» под командованием Шпаковского близ укрепления Гагры.

Другой формой использования адыгами морской флотилии в борьбе с царизмом были высадки десантов с галер в стратегически важных местах побережья и нанесение внезапных ударов по пунктам, захваченным царскими войсками. Так, царское командование было ошеломлено дерзкой по замыслу и успешно осуществленной высадкой черкесского десанта под укреплением Бомборы в мае 1834 г.

Адыги занимались в Восточном Причерноморье корсарством – преследованием и захватом коммерческих неприятельских судов. По словам очевидца, русского морского офицера Н.Н. Сущева, при нападении на вражеское торговое судно черкесы «сбивали сперва винтовками людей с верхней палубы, потом бросались с кинжалами на abordаж и в короткое время решали дело...» [5: 157–159]. Практика морской войны и связанные с ней abordаж и рукопашные схватки на кораблях привели к созданию такого вида черкесского кинжала, как шапсутский, короткого и широкого, приспособленного для этих целей.

После завоевания Черкесии царизмом морское судоходство адыгов, как и пиратство, прекращает своё существование.

Эффективность морского флота аборигенов Северо-Западного Кавказа, позволявшая конкурировать с мощными флотилиями народов и государств, имевших развитые мореходные традиции (греков, римлян, генуэзцев, османов), должна найти своё объяснение. Видимо, такая ситуация была следствием нескольких факторов. Прежде чем их обозначить, необходимо коснуться технических и мореходных качеств черкесских галер, которые, судя по источникам, не претерпели серьёзных изменений с античной эпохи. Описание их оставили многие авторы.

Фредерик Дюбуа де Монпере, совершивший в 1833 г. путешествие на русском военном корабле вдоль всего Черноморского побережья Кавказа, говоря о морском разбое местных народов, отмечал, что «этот последний способ остался всё тем же, каким был во времена Страбона, хотя с тех пор скоро уже минет девятнадцать веков. Я заметил только одно изменение: их галеры большего размера и вмещают обычно больше людей; в них можно насчитать до 60–70 человек. (Эти галеры называются по-черкески «каф», или «куафа», а также «камара», по-абхазски «акба»...). Они идут только на веслах, скользя вдоль берега» [8: 159–160].

«Это узкие ладьи с килем, длиною в 50 футов (около 15,5 метров. – А.М.). Во времена Страбона они поднимали 25–30 человек, теперь же в них помещается 40–60 человек, из которых две трети гребут. Не имея мачт, эти низкие галеры ускользают от взоров вдоль берега; если пиратов преследуют слишком близко, их галеры так легки, что команда может вытащить их на берег и даже спрятать их в лесу» [8: 183].

«Судна черкесов были плоскодонными, легко построенными и узкими, каждое управлялось от 18 до 24 гребцами, и они ... двигали суда с большой скоростью. Недалеко от штурвала была разновидность палубы, на которой сидело 3 или 4 человека; нос лодки был украшен грубо вырезанной фигурой, представляющей, возможно, голову оленя, козла или барана: самое вероятное, последнее» [9: 17–18].

Вышеприведенные тексты позволяют предположить что, несмотря на различия в размерах, конструкция этих судов была одинаковой, только в зависимости от вместимости увеличивалась их длина. Например, Монпере сообщает, что «у мамайских шапсугов есть две большие галеры, на которые они могут посадить до 120 человек» [8: 188–189]. Можно определить приблизительную длину этого судна. Две трети экипажа сидит на веслах, одна треть – те, кто должен был первыми идти на abordаж при нападении на вражеские суда. Для данного судна две трети это – 80 гребцов, что дает 40 пар весел. Если считать расстояние между уключинами для весел и между скамьями для гребцов в 1 метр, то эта галера должна была быть размером не менее 40 метров в длину. Все авторы описывают черкесские галеры как узкие и длинные. Если взять за ширину их 2–2,5 метра, то соотношение длины и ширины в данном случае будет 1/16. То, что галеры были узкие и длинные, а также то, что они были плоскодонные, способствовало их быстроходности. В то же время известно, что плоскодонные суда являются менее устойчивыми и считаются более пригодными для речного и каботажного (вдоль морского берега) плавания. Действительно, эти суда были хорошо приспособлены для каботажного плавания и внезапных нападений на проходящие суда. Легкие, быстрые, низкие, малозаметные на большом расстоянии, особенно в ночное время, они могли бесшумно под-

ходить с разных сторон к стоящим или проходящим мимо Кавказских берегов судам, с тем чтобы стремительно их атаковать. Как отмечают многие авторы, если пираты смогли уже подойти близко к кораблю и взять его на abordаж, то исход боя был, как правило, на их стороне. Если же галеры замечали раньше, то с помощью корабельной артиллерии их могли легко потопить или отогнать. Черкесские галеры не обладали крупнокалиберной корабельной артиллерией и в этом отношении были беззащитны, т.к. не могли подавить артиллерию вражеских кораблей или потопить их. Правда, на них могли устанавливаться легкие пушки – фальконеты, но они были больше предназначены для обстрела экипажа, так как их небольшой калибр не позволял нанести серьёзные повреждения большим кораблям. Черкесские пираты были вооружены винтовками и кинжалами. С помощью первых они сбивали выстрелами экипаж с верхней палубы, с тем чтобы другие могли под их прикрытием взобраться на борт захватываемого корабля и с кинжалами в руках вступить в рукопашную схватку. В случае неудачной атаки и преследования они быстро ретировались и могли в любом месте причалить к берегу или завести свои легкие, с малой осадкой суда в устья впадающих в Черное море рек. Галеры были приспособлены причаливать к берегу любым концом (носом или кормою), а экипаж после высадки вытаскивал их на берег и уносил в безопасное место – в прибрежные леса. Учитывая специфику Черноморского побережья, где мало удобных гаваней и бухт, преследовавшие их корабли, рискуя сесть на мель, не могли подходить близко к берегу.

Несмотря на то, что конструкция черкесских галер была более приспособлена для каботажного плавания, они тем не менее совершали на них и дальние плавания, пересекая Черное море, доходя до Малоазийских берегов. Во время таких дальних походов на галерах устанавливались мачты и легкий квадратный или угловой парус [9: 18]. В других условиях, а именно при плавании в бассейне Кавказского побережья, ими не пользовались и именно с этим, видимо, связано мнение некоторых авторов, что черкесские суда безмачтовые.

Местным народам были известны основные течения Черного моря, что также облегчало им дальнейшее плавание. В специальном исследовании, посвященном мореходству в Северном Причерноморье, Б.Г. Петерс, пишет: «Основные течения Черного моря имеют вид замкнутой циркулирующей, где движение водных масс происходит против часовой стрелки. Наиболее крупное течение проходит с Юга на Север в 3–9 км от береговой линии и достигает ширины до 60 км. Это течение при спокойной погоде имеет скорость 8–10 морских миль в сутки, что могло увеличить скорость корабля, идущего по течению, на 700–900 метров в час. Другое, менее сильное, обратное течение, находится в глубине моря, образуя подобие двух колец, расположенных в его восточной и западной частях.

Безусловно, античные мореходы знали и использовали эти морские течения, совершая передвижения по морю на повышенных скоростях» [10: 128–129].

Кроме того, аборигенам были хорошо известны природно-климатические особенности Черноморского бассейна, известного своими частыми штормами. Для своих дальних походов они выбирали время до наступления сезона штормов. По особым приметам они могли предсказывать и изменения погоды, и старались при первых признаках её ухудшения пристать к берегу.

В первой половине XIX в., по мнению некоторых авторов, прибрежные убыхи, садзы, шапсуги и нутхайцы могли снарядить флотилию, включающую в себя не менее 40 галер [8: 185]. Было несколько пунктов базирования флотилий морских пиратов, откуда они совершали свои операции. Наиболее известные: один у устья р. Бзыбь [11: 116], другой – у гавани Мамай, рядом с одноименным шапсугским аулом, у устья р. Туапсе [8: 188].

Борьба с пиратством, заключающаяся в преследовании и уничтожении галер, не приносила успеха, потому что приморские общины быстро восстанавливали свой флот, строя новые корабли вместо уничтоженных. Во-первых, это были относительно небольшие корабли, и каждая община совместными усилиями могла быстро построить такое судно. Во-вторых, прибрежные леса Кавказа давали в изобилии все материалы, необходимые для строительства такого типа судов: сосна, пихта, кедр, можжевельник, шелковица, ясень, вяз, платан, бук [10: 177]. Как считал Тебу де Мариньи, было только одно средство покончить с набегами черкесских корсаров: это не уничтожение их судов, а «покорение тех, кто на них плавает» [6: 146].

Таким образом, можно заключить, что складывание ряда факторов (социально-политического, природно-географического и некоторых других) привели к тому, что у аборигенов Северо-Западного Кавказа (черкесов, убыхов, абхазов и абазин) сложились свои традиции в кораблестроении, мореходстве и связанных с ними морских набегов. Б.Г. Петерс справедливо считает, «что в морском судостроении в технических средствах отражается характер общественно-экономической формации» [10: 84]. В качестве примера он приводит кораблестроение в античном греческом рабовладельческом государстве, где в условиях широкого применения рабского труда строились самые крупные из существовавших когда-либо кораблей с весельным движением» [10: 84]. Самое крупное из известных кораблей той эпохи (220–204 гг. до н.э.) – тессароконтера – корабль с 40 рядами весел, длиной корпуса до 125 м и высотой до 22 м. На нем было 4 тыс. гребцов (как правило, рабов), 400 матросов и 3 тыс. воинов. «Типичные корабли рабовладельческого общества, – отмечает Б.Г. Петерс, – несут в своей конструкции и эксплуатационных особенностях основные черты этой эпохи» [10: 84].

Со сменой формаций (в феодальную и буржуазную эпохи) создание и содержание военных флотов, как правило, – прерогатива государства со всеми его атрибутами. Содержание флота требует крупных расходов на профессиональную армию, строительства портов и крепостей, военно-морских баз, на содержание и эксплуатацию кораблей.

Другой фактор, влияющий на складывание определенных традиций мореходства и конструкторско-технических характеристик судов, – природно-географические и климатические условия. Эти факторы также отметил в своем исследовании Б.Г. Петерс, который пишет: «Находясь на границе Европы и Азии, Черноморский бассейн отличался по своим природным и климатическим условиям от морей Средиземноморья. Берега Понта мало изрезаны, здесь недостаточно глубоко входящих в сушу бухт и выступающих в море полуостровов.

В районе Кавказа горные хребты ... близко подходят к берегу. Обилие речных стоков, частая смена ветров, различные глубины морского дна создают сильные штормовые волнения, которые особо свирепствуют в холодное время года.

Эти особенности Черноморского бассейна не позволяли судам, застигнутым штормом в море, быстро укрыться в гавани или заливе, спрятаться

за выступающий мыс или остров, а большие глубины не давали возможности отстояться на якоре в безопасном отдалении от берега.

Такие специфические условия способствовали появлению у аборигенов специальных крепких легких судов ... с высоко загнутым носом и кормой, которые в случае необходимости могли быть быстро вытащены на берег любой оконечностью и укрыты в безопасном месте» [10: 124–125].

Специфические условия (природно-географические, климатические), клановый характер и политическая децентрализация приморских социумов горцев Северо-Западного Кавказа привели к сложившейся у них с античной эпохи традиции строительства некрупных модификаций кораблей с экипажами от 20 до 150 человек. Эти суда были хорошо приспособлены к местным природно-географическим, климатическим условиям, а также к особенностям военного образа жизни аборигенов, практиковавших пиратство и морской разбой. Кроме военных походов, эти суда использовались в промысловых, торговых целях и как средство передвижения и транспортировки.

Пиратство и морские походы можно рассматривать в качестве одного из разновидностей наездничества как общественного института, отличающегося от пеших и конных походов только по средству передвижения. Как и наездничество, пиратство способствовало поддержанию воинственности и военной мобильности, препятствовавших иноземной колонизации и политическому завоеванию этих территорий со стороны других народов и государств.

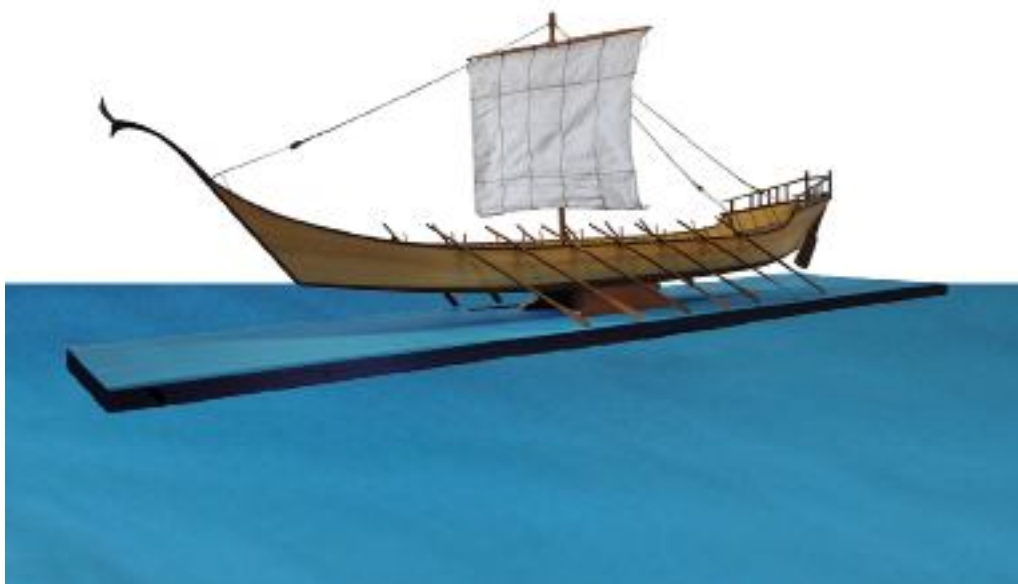
Одновременно это был и выгодный промысел для определенной категории населения. В то же время, надо заметить, что во все времена на Черноморском побережье Кавказа процветала торговля, в которой были кровно заинтересованы местные народы, получавшие благодаря ей не производившиеся в их стране товары. То есть необходимо отметить, что нападениям подвергались не все суда без разбора независимо от государственной принадлежности, а только те, которые принадлежали враждебным государствам или у которых не было гарантий безопасности со стороны покровителей из числа лидеров местных общин. Надо сказать, что в разное время крупные морские державы, такие как Франция, Англия и Испания, официально покровительствовали пиратам, если только они грабили не свои, а чужие корабли. Эти люди (флибустьеры, корсары, каперы) получали патент от властей своей или иной страны на право грабежа неприятельских судов на определенных условиях. Те, кто не имел такой грамоты, считались обыкновенными пиратами. В ней (грамоте), как правило, указывалось, на какие корабли и колонии имеет право нападать её обладатель, в каком порту сбывать трофеи, какую часть добычи отдавать в пользу государства, выдавшего патент.

Т.е. пиратство – универсальное и широко распространенное в недавнем прошлом явление, которое было характерно не только воинственным горцам Северо-Западного Кавказа, но и всех стран и народов, имевших отношение к мореплаванию и морской торговле.

Макеты «черкесских галер»

1

2

Автор макетов «черкесских галер» – абхазский художник Б.Р. Джапуа

Примечания
(Endnotes)

1. *Сиюхова Л.М.* Адыгский народный транспорт: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1982.
2. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.
3. *Хотко С.* История Черкесии в Средние века и Новое время. СПб., 2001.
4. Понт – греческое название Черного моря.
5. *Чирг А.Ю.* Черкесский флот в Кавказской войне // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции (24–26 октября 1990 г. Нальчик). Нальчик, 1994.
6. *Тебу де Мариньи.* Поездки в Черкесию. Нальчик, 2006.
7. ЦГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2920.
8. *Фредерик Дюбуа де Монпере.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. Т. 1.
9. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994.
10. *Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
11. *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.

УДК – 39(=352.3)

А.М. Новичихин
(г. Анапа)

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ СИНДОВ

Этногенез – сложный процесс образования этноса, зачастую из других этнических общностей или их частей. Основным признаком завершения процесса этногенеза (сложения этноса) является окончательное формирование этнического самосознания народа, фиксируемое в появлении и применении его основного этноопределяющего признака – самоназвания, этнонима. Исследование вопросов этногенеза требует комплексного подхода, основанного на привлечении и всестороннем изучении широкого круга источников применительно к народам древности, прежде всего, – лингвистических и археологических¹.

Попытки проследить этногенез синдов на материалах дошедшей до нас синдской ономастики (этно-, антропо-, топонимики) уже на протяжении полутора столетий предпринимаются как историками, так и филологами. Ключевым в этом вопросе стало племенное название, этноним синдов. В настоящее время предложены две этнолингвистические гипотезы происхождения синдов: согласно одной из них, синды – это потомки индоарийцев; согласно другой – синды и меоты – предки адыгов.

Этноним «синды» дошел до нас в греческом и латинском вариантах написания: Σίνδοι, Sindos. Несмотря на это, не приходится сомневаться, что зафиксированный иноязычными античными авторами термин, – это самоназвание, эндоэтноним². В большинстве из дошедших до нас текстов «Истории» Геродота вместо синдов (Σίνδοι) указаны инды (Ἰνδοί)³. Особенностью этнонима «синды» является его созвучие с названием одного из народов, населявших историческую область Синд на севере Индостана.

На основании указанного созвучия с середины XIX в. в отечественной историографии начало утверждаться мнение об иранском или индоарийском происхождении синдов. В 1848 г. А. Ашик в первом масштабном исследовании по истории Боспорского царства писал: «Судя по языку синдов, можно предположить, что они вышли из Мидии или из Персии, потому что страна Синд лежала около Бактрианы»⁴. Полстолетия спустя эту фразу почти дословно повторил другой исследователь истории Боспора – С.Ф. Мельников-Разведенков⁵. Несколько ранее происхождение синдов, «обитавших у входа в Азовское море», от синдов «на Индусе» предложил князь П.П. Вяземский, считавший первых «выходцами с Эритрейского моря»⁶. В начале XX в. донской историк и археолог Е.П. Савельев, основываясь на разночтении в дошедших до нас текстах «Истории», с уверенностью отмечал: «Синды, или инды – поречане, пришедшие из страны Семи Индов, или Семиречья, с подножий Индукуша...»⁷. Кубанский историк П.П. Короленко также считал синдов выходцами из Индии⁸.

В разгар Второй мировой войны по ту сторону советско-германского фронта вышла статья П. Кретчмера «Индийцы на Кубани». По понятным причинам, работа осталась малодоступной для отечественных исследователей и была более известна по подробному пересказу в статье О.Н. Трубачева⁹. П. Кретчмер обратил внимание на указания Гесихия – «синды – народ индийский», и увидел в этнониме синды (Σίνδοι) «подлинную, национально-индийскую форму самоназвания». Лингвист сопоставил его с индийским *sindhavas sindhu* – «река вообще», «река Инд и прилегающая страна». В качестве дополнительного аргумента индийского происхождения синдов П. Кретчмер отыскал индийскую этимологию современному названию р. Кубань. Новым в работе германского исследователя стало то, что исходной территорией индоариев он считал Европу, а индийские топонимы и этнонимы – принесенными индоарийцами с Кубани на новую родину в результате миграции¹⁰.

Большой вклад в развитие гипотезы об индоарийском происхождении синдов и других, обитавших в Северном Причерноморье народов внесли работы О.Н. Трубачева, выходявшие изначально в виде статей¹¹, впоследствии объединенных в книгу¹². Одна из статей непосредственно посвящена синдам и представляет собой попытку выделения в синдской и меотской ономастике элементов, имеющих индоарийские этимологии¹³. Следует указать, что в распоряжении исследователя появился еще один источник, происходящий непосредственно из предполагаемой им зоны расселения синдов, – найденное на Таманском полуострове близ мыса Тузла, на месте возможного некрополя Корокондамы, надгробие КБН 1103 с вырезанным на нем именем погребенной – Индия (Ινδία)¹⁴. Подобно своим предшественникам, О.Н. Трубачев связывал происхождение этнонима синды с местожительством этого народа близ «главной» реки – Σίνδος. В итоге этот этноним получил индоарийскую этимологию – *sindhavas* («речные жители»). Правда, этой рекой для синдов и меотов, которых он также относил к носителям индоарийского языка, лингвист считал Кубань. Исследователь выделил несколько десятков северопричерноморских топонимов, имеющих аналогии в Индии или находящих этимологии в индоарийском языке. По мнению О.Н. Трубачева, после перемещения индоарийских племен из Восточной Европы в направлении Индостана, на Кубани остался анклав носителей индоарийского языка, представители которого стали известны древним грекам как синды и меоты. Синдская, связанная с рекой, топонимика, по его убеждению, сформировалась в Причерноморском регионе и в результате указанной миграции индоариев была перенесена на север Индостана¹⁵.

В более концентрированном и популярном виде концепция О.Н. Трубачева была изложена Э.О. Берзиным¹⁶. Мнение об индоарийской принадлежности синдов (только их) получило положительную оценку лингвиста-кавказоведа Г.А. Климова, который привлек его для объяснения наличия в абхазском языке древнеиндийских слов¹⁷. На гипотезу О.Н. Трубачева обратили внимание некоторые археологи, усмотревшие в погребальной обрядности синдов, в частности – в конструкции погребального сооружения в виде прямоугольника, заключенного в круг (каменный ящик внутри кромлеха) соответствие индоарийским космогоническим представлениям¹⁸. Впрочем, как отметил один из них, А.А. Масленников – эта гипотеза не нашла надежного подтверждения в археологическом материале¹⁹.

В то же время концепция индоарийского происхождения большого числа северопричерноморских топонимов, представленная О.Н. Трубачевым, подверглась решительной критике исследователей-иранистов, прежде всего Э.А. Грантовского, отметившего, что многие ее положения продиктованы «общими концептуальными, а не собственно лингвистическими соображениями», и что в его работах «в целом ... пока не указано ни одного, явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике», в которой решительно преобладает иранский лингвистический материал²⁰. Впрочем, следует отметить, что по поводу этнонима «синды» каких-либо конкретных замечаний Э.А. Грантовским высказано не было.

В настоящее время проблематикой индоарийской ономастики Северного Причерноморья активно занимается ученик О.Н. Трубачева, соавтор по помещенному в приложении к его книге этимологическому словарю А.К. Шапошников. В его обобщающей работе вводятся такие новые понятия, как реликтовый «синдо-меотский язык» или «синдо-меотские диалекты» в качестве общего названия «ныне мертвых диалектов древних этносов, бытовавших с первой трети II тыс. до н.э. по III в. н.э. в Колхиде, Гениохии, Синдике (Прикубанье), Меотиде (Приазовье, Подонье, на Таврическом п-ве) и в степях Украины, в Буджаке и Добрудже». А.К. Шапошников выступил против мнения О.Н. Трубачева о восточно-европейской прародине индоариев и синдов с меотами как реликте индоарийского населения, оставшегося на Западном Кавказе после миграции индоариев в Индию. По его мнению, синды и меоты – выходцы с востока: «отделение синдо-меотского языка от арийского праязыка-основы произошло в первой четверти-трети (задолго до середины!) II тыс. до н.э. в Закавказье»; «из Западного Закавказья племена синдо-меотской общности постепенно заселили весь Западный Кавказ, вышли к берегам Меотиды и привольно расселились в Циркуммеотийском регионе». Исследователь попытался отыскать «мифологические соответствия синдо-меотскому глоттогенезу» в индийских сказаниях о Пандавах и увязать арийские мифы с конкретными местностями в Закавказье и с известными археологическими памятниками («знаменитый могильник Триалети»). В приложенном к статье А.К. Шапошникова словаре приведены индоарийские этимологии этнониму синды – «речной народ», топонимам Синдика – «речная страна» и Синда – «речной поселок»²¹.

Основу для представлений о том, что меотские племена являлись носителями языков адыго-абхазской группы кавказской языковой семьи, возможно, сам того не подозревая, заложил в 1896 г. известный лингвист-кавказовед Л.Г. Лопатинский. В заметке к статье С.Ф. Мельникова-Разведенкова «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов» он рассматривал этноним меоты (греч. *μαῖῶται, μαῖται*) в качестве производного от древнего названия Азовского моря – Меотида (греч. *Μαῖωτις*). Последнее же объяснял исходя из адыгейского языка: *mei* – вонь, *jate* – болото, тина, лужа, т.е. «вонючая лужа», объясняя, что такое название Азовского моря обусловили его природные факторы – поросшие камышами берега, стоячая вода²². Основываясь на адыгской этимологии названия Азовского моря, в конце 1960-х гг. адыгейский исследователь П.У. Аутлев предложил рассматривать его древнее название – Меотида – как основу, от которой образовался этноним меоты, из чего следовало, что меоты являются предками адыгов²³. За несколько лет до него, в рамках развернувшейся на страницах ряда научных журналов дискуссии, посвященной загадочной

надписи на т.н. «майкопской плите»²⁴, Г.Ф. Турчанинов предложил свой взгляд на языковую принадлежность синдов и на этимологию их этнонима. По его мнению, топоним Синда («деревня Синда» Клавдия Птолемея) происходит от древнеабхазского «шын» – море, в греческой передаче «син», и должен переводиться как «селение Морское». Соответственно, этноним синды означает «морские (приморские) жители», по этнической принадлежности – абхазы»²⁵. В результате появилась еще одна концепция – адыго-абхазской языковой принадлежности меотов и синдов, согласно которой указанные древние племена являются предками современных адыгов и абхазов.

Данная гипотеза также нашла поддержку у историков и археологов. Убежденным сторонником представления о том, что меоты – это предки адыгов, был кубанский археолог Н.В. Анфимов. Помимо рассмотренного выше положения П.У. Аутлева, археолог предложил новые доказательства адыгской языковой принадлежности меотов: адыгские гидронимы (Псат, Псатий) и производные от них этнонимы (псессы, псеханы), засвидетельствованные на меотской территории античными письменными источниками; имена, имеющие адыгские этимологии, в боспорских надписях. Против гипотезы О.Н. Трубачева он выступил еще в 1978 г., утверждая, что «меотские племена Прикубанья и Закубанья (в том числе синдов) правильнее относить к адыго-черкесо-кабардинскому этническому массиву»²⁶. Однако развернутой аргументации как в защиту своего мнения, так и против концепции своего оппонента ни в этой, ни в более поздних своих работах, в которых рассматривался вопрос об адыгской (или шире – кавказской) языковой принадлежности меотов, Н.В. Анфимов не привел²⁷. Сторонницей мнения Г.Ф. Турчанинова о том, что этноним синды происходит из древнеабхазской лексики и означает «житель морской страны», «поморянин», была Ю.С. Крушкол²⁸.

Ряд археологов и историков, основываясь на мнении о том, что древнее название Азовского моря – Меотида – стало основой образования понятия меоты, пришли к выводу о том, что меоты – это не столько этноним, сколько этногеографическое понятие, охватывающее все племена, живущие вокруг или вблизи Меотиды, вне зависимости от их языковой или культурной принадлежности²⁹. Вполне возможно, как предполагал П.У. Аутлев, что термин «меот» являлся не самоназванием, а иноназванием – экзоэтнонимом, данным местному населению Приазовья древними греками³⁰.

Попытка рассмотрения этногенеза синдов на археологических материалах была впервые предпринята Ю.С. Крушкол в 1967 г., результаты этого исследования были повторно опубликованы в ее монографии 1971 г. Для решения вопроса этногенеза синдов исследовательница привлекла материалы раскопок курганов и грунтового могильника у хут. Рассвет. Ю.С. Крушкол выделила три типа погребальных конструкций: захоронения под каменными закладами («выкладками»); захоронения под курганами с двойными каменными кромлехами; погребения в каменных ящиках. Первый тип сооружений отнесен ею к эпохе бронзы (без уточнения датировки и культурной принадлежности) и к железному веку, второй – к эпохе бронзы, третий – к раннему железному веку, вплоть до V–IV вв. до н.э. Кроме того, исследовательницей было выделено четыре типа положения костяков: два на боку с разной степенью скорченности, расчлененное и вытянутое на спине. Во всех случаях указанным вариантам элементов погребальной обрядности были найдены аналогии в памятниках бронзового и

железного века Кавказа, что убедило исследовательницу в том, что «синды были одним из исконно кавказских племен»³¹.

Мнение Ю.С. Крушкол об автохтонности синдов, прозвучавшее и в других ее работах³², нет нужды оспаривать. Тем не менее следует указать на некоторые методические неточности исследовательницы. Прежде всего, в ее ранних работах не всегда точна культурно-хронологическая атрибуция погребальных комплексов. В частности, к началу железного века она отнесла основное погребение кургана 1, в то время как оно, а также и все основные погребения курганов у хут. Рассвет, относятся, как установил Р.М. Мунчаев, к майкопской археологической культуре эпохи ранней бронзы³³. Т. н. «расчлененные» захоронения, скорее всего, являются не способом обращения с останками умерших, а результатом разграбления основных и впускных погребений курганов. Не была определена культурно-хронологическая принадлежность впускных погребений курганов 2–4, раскопки которых вообще плохо документированы. Судя по наличию между внешними кромлехами курганов 3 и 4 ритуального комплекса эпохи поздней бронзы³⁴, среди впускных захоронений явно могли быть относящиеся к этому периоду. Даже в итоговой работе погребения курганов у хут. Рассвет и находки из них суммарно отнесены к эпохе бронзы и датированы III–II или III–I тыс. до н.э.³⁵

Тем не менее нельзя не отметить одного весьма значимого вывода Ю.С. Крушкол о конструктивном сходстве погребальных сооружений эпохи ранней бронзы и раннего железа (каменных кромлехов и каменных закладов), что, по ее мнению, свидетельствовало о наличии традиции в развитии погребальной архитектуры³⁶.

На эту же особенность погребальных конструкций разных эпох обратила внимание Е.М. Алексеева, поставившая вопрос «о генетической связи обладателей каменных некрополей с местными традициями более древних культур». Исследовательница пришла к заключению, что курганы с каменными конструкциями, типа открытых у хут. Рассвет, «очевидно, и являются на данной территории прототипами каменных погребальных конструкций античной эпохи»³⁷. Одновременно с этим Е.М. Алексеева указала, что «разнообразие каменных конструкций (каменные насыпи, кольца, выкладки на могилах) характерно для погребальных сооружений Центрального Кавказа со времени майкопской культуры», и отметила, что «подобные погребальные конструкции прослеживаются в археологических памятниках Северного Кавказа и в позднекобанское время, на стыке кобанской – в ее западном варианте – и античной культур». В итоге исследовательница пришла к выводу, что «какая-то ветвь населения (района Анапы. – А.Н.) ... была генетически связана с потомками кобанской культуры в наиболее близком территориально ее западном варианте»³⁸. В более поздних работах Е.М. Алексеева также указывала, что корни местного населения «уходят в эпоху бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа, к потомкам кобанской культуры»³⁹, связаны «с ветвью местного населения, мигрировавшего в эпоху поздней бронзы с Центрального и Северо-Западного Кавказа в сторону Причерноморья»⁴⁰. Лишь в статье, посвященной племенной среде, окружавшей раннюю Горгиппию, исследовательница более осторожно отмечает, что население, оставившее «каменные некрополи», «генетически связано с населением Центрального Кавказа, либо поддерживало с ним определенные контакты»⁴¹.

Следует указать, что Е.М. Алексеева, в отличие от большинства исследователей⁴², не связывает «каменные некрополи» района Анапы с

синдами. По ее мнению, «где-то между Анапой и старым руслом Кубани проходила граница между землями» синдов и населением, оставившим «каменные некрополи», в котором она видит их восточных соседей – керкетов или торетов. С эллинизированной синдской или «синдо-меотской» знатью исследовательница связывает расположенные к северу от этой границы, близ «Синдского острова» (Таманского полуострова), подкурганные захоронения в сырцовых гробницах – Семибратние и Уташский курганы⁴³.

Позиция Е.М. Алексеевой имеет несколько слабых мест, на что автору уже приходилось обращать внимание⁴⁴. Прежде всего, нет никаких оснований помещать синдов на Таманском полуострове⁴⁵: вся синдская топонимика связана именно с районом Анапы⁴⁶.

Во-вторых, захоронения в каменных ящиках известны и на территории, которую исследовательница исключает из зоны «каменных некрополей»: каменные ящики III–II вв. до н.э. открыты на некрополе Семибратнего городища, т.е. в непосредственной близости от Семибратних курганов с сырцовыми гробницами V–IV вв. до н.э.⁴⁷. В одной из работ Е.М. Алексеева обращает на это внимание, указывая на открытие разрушенных погребений в каменных ящиках близ пос. Виноградного⁴⁸. В этом же районе были расположены погребения в каменных ящиках античного, судя по остаткам инвентаря (бусы, золотая подвеска в виде птички, бронзовые золоченые спиралевидные привески), времени, исследованные Н.И. Веселовским в 1903 г. «в юрте ст-цы Гастагаевской»⁴⁹.

Что же касается сырцовых гробниц некрополей Тамани и Семибратних курганов, то отнесение их к синдской погребальной традиции основывается на работах А.К. Коровиной и Н.П. Сорокиной 1950–1960-х гг.⁵⁰, когда считалось обязательным находить в археологических памятниках античной культуры Юга СССР местные, варварские черты. Однако обе исследовательницы отметили, что применение сырцового кирпича для сооружения гробниц в начале I тыс. до н. э. было известно в Средиземноморье, в т.ч. на территории Греции⁵¹, а Н.П. Сорокина, отметившая, что «сырцовая архитектура получила на Таманском полуострове большое распространение уже с раннего времени», указывала, что степень изученности древностей Таманского полуострова «не позволяет нам решить, были ли сырцовые могилы созданы аборигенами, или появились с приходом греков»⁵². На распространение в Древней Греции традиции погребения в сырцовых гробницах указывала также И.Т. Крутликowa⁵³. Разнотипные сырцовые гробницы известны и в других районах Северного Причерноморья, охваченных греческой колонизацией, например, на некрополе Ольвии⁵⁴ или на некрополе Панское в Северо-Западном Крыму⁵⁵, оставленном, судя по деталям погребального обряда, бесспорно, греками⁵⁶. Единственный сырцовый склеп, открытый в курганном некрополе Нимфея, В.С. Ольховский рассматривает как пример влияния греческой погребальной традиции на варварскую погребальную архитектуру⁵⁷.

Таким образом, есть основания предполагать, что традиция сооружения гробниц из сырцового кирпича была принесена на Таманский полуостров греками-колонистами в V или даже в VI в. до н.э., получила здесь широкое распространение и вскоре была заимствована варварской синдской аристократией, чем и объясняется появление подкурганных сырцовых гробниц в Синдикe⁵⁸.

Что же касается мнения Е.М. Алексеевой о происхождении каменных ящиков некрополей района Анапы от каменных могильных сооружений западного варианта кобанской культуры⁵⁹, то следует отметить, что кон-

структивно они заметно отличаются. Каменные ящики западного варианта кобанской культуры имеют в большинстве своем отличные от анапских пропорции, близкие к квадрату очертания, и, как правило, содержат скорченные костяки⁶⁰.

Возвращаясь к вопросу об этногенезе синдов по археологическим данным, необходимо отметить следующее. Несмотря на сходство каменных погребальных конструкций в курганах майкопской культуры эпохи ранней бронзы и «каменных некрополей» раннего железного века – античной эпохи, нельзя забывать, что эти памятники разделяет период почти в два тысячелетия. Поэтому говорить о преемственности погребальной традиции в данном случае не приходится. Сходство это основано, вероятнее всего, на экологических характеристиках этих эпох, обусловивших близкие формы существования людей на одной и той же территории и сходные приемы использования ими в погребальной практике местных природных ресурсов.

Е.М. Алексеева отмечала слабую изученность памятников эпохи бронзы в районе Анапы⁶¹. На сегодняшний день ситуация несколько изменилась, и мы обладаем, пусть и немногочисленными, данными не только о раннем (майкопская культура), но и о среднем и о позднем периодах бронзового века⁶². Наряду с грунтовыми погребальными конструкциями (ямы, катакомбы), для периода среднего и позднего бронзового века на территории будущей Синдики известны конструкции из камня: для среднего бронзового века это дольмены, для позднего – захоронение в каменном ящике. К сожалению, материалы последнего комплекса, случайно открытого у хут. Красный Курган, недостаточно документированы, и основные элементы погребального обряда остались неизвестными⁶³. Поэтому было бы неоправданно проводить какие-либо параллели между этой конструкцией и захоронениями в каменных ящиках раннего железного века.

Приходится также выразить сожаление, что единственный известный некрополь периода перехода от бронзового века к железнному – могильник VIII–VII вв. до н. э. Атмачева щель в долине Сукко – был полностью разрушен при плантажной вспашке, и, несмотря на сохранившийся разнообразный погребальный инвентарь⁶⁴, данных об использовавшихся погребальных конструкциях и погребальном обряде в целом не сохранилось. Отметим, что данный могильник стал эпонимным для специфической группы бронзовых булавок «типа Сукко»⁶⁵, характерных для памятников приморского подварианта абинско-черноморского варианта выделенной В.Р. Эрлихом протомеотской группы памятников⁶⁶.

Остается констатировать только тот достоверно установленный согласно данным археологии факт, что в первой половине VI в. до н. э. на некрополях Синдики захоронения совершались на площадках под округлыми каменными закладами, иногда окруженными (укрепленными) по периметру крупными камнями, образующими своего рода обкладки-кромлехи⁶⁷. Такие погребальные конструкции открыты на могильниках Красная Скала, Воскресенском⁶⁸, ОПХ «Анапа»⁶⁹, у хут. Рассвет (как на грунтовой его части, так и в насыпи кургана 1⁷⁰). Ареал их был несколько шире Синдики; подобные конструкции отмечены на Владимировском могильнике близ Новороссийска⁷¹.

Дальнейшим развитием погребальных конструкций этой разновидности на могильниках района Анапы стали погребения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные каменными кромлехами⁷².

Около середины VI в. до н.э. на могильниках района Анапы появляются погребения в каменных ящиках. В предшествующий период (VIII–VII вв. до н.э.) подобные могильные конструкции были распространены к востоку от Синдики, в районе современного Новороссийска⁷³ и далее по Черноморскому побережью вплоть до Туапсе⁷⁴. В районе Новороссийска традиция совершения погребений в каменных ящиках прослеживается с периода среднего бронзового века⁷⁵. Автором было высказано предположение, что появление на могильниках района Анапы захоронений в каменных ящиках можно объяснить миграцией какой-то группы населения с востока, из горных районов Причерноморья⁷⁶.

В дальнейшем, при сохранении обычая отдельных захоронений в ямах с кромлехами и каменных ящиках, в районе Анапы произошло слияние двух погребальных традиций, приведшее к практике сооружения каменного ящика, заключенного в округлую каменную обкладку-кромлех⁷⁷. В V в. до н.э. этот тип погребальных конструкций, как следует из материалов наиболее полно исследованного синдского могильника у хут Рассвет⁷⁸, стал преобладающим в Синдике.

Слияние двух погребальных традиций может свидетельствовать о формировании в районе современной Анапы новой этнокультурной общности. Именно в это время (конец VI–V в. до н.э.) появляются первые сообщения античных авторов о Синдике и синдах (Hecat., fr. 166; Hell. fr. 92). Таким образом, прослеживаемое по археологическим данным этнокультурное новообразование может являться свидетельством формирования именно синдского этноса.

Данная модель этногенеза синдов дает возможность сгладить некоторые противоречия этнолингвистического характера, прежде всего, спорный вопрос о языке синдов. Судя по приведенным археологическим данным, синды VI–V вв. до н.э. представляли собой синкретическое этническое образование, которое на протяжении достаточно длительного времени могло органично сочетать не только культурные, но и языковые традиции пришлого кавказского и местного населения⁷⁹. В погребальной обрядности автохтонного (для середины VI в. до н.э.) населения равнин района Анапы, в частности в обычае окружать могилы каменным кольцом-кромлехом, некоторые исследователи видят, как уже отмечалось, традицию, восходящую к индоарийским космогоническим представлениям⁸⁰. Поэтому нельзя исключать того, что местное население действительно могло говорить на каком-либо реликтовом индоарийском диалекте. В носителях же обряда захоронения в каменных ящиках, продвинувшихся на территорию исторической Синдики из горных районов Западнокавказского Причерноморья, логично видеть носителей адыго-абхазского языка. Таким образом, становится понятным, почему некоторые сохраненные письменной традицией синдские слова и, прежде всего, сам этноним «синды» находят этимологии как в индоарийской, так и в адыго-абхазской лексике. Причем в случае с этнонимом значение этимологий в некоторой степени близко – «речные жители» в индоарийском варианте, «приморские» – в абхазском: и в том, и в другом этноним оказывается связанным с водоемом, точнее, с его берегом.

Примечания
(Endnotes)

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 7–9, 13; Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004. С. 45, 47.
2. Филологический анализ вариантов написания этнонима «синды» и производных от него античными авторами предпринят С.Р. Тохтасьевым: Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. I. СПб., 2001. С. 64–70.
3. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 260. Примеч. 256.
4. Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848. С. 15.
5. Мельников-Разведенков С. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тбилиси, 1896. Вып. 21. С. 6.
6. Вяземский П. Синды, Зунд и Сундары // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1876. С. 13, 15, 24.
7. Савельев Е.П. История казачества. Новочеркасск, 1916. Ч. II. С. 295.
8. Короленко П.П. Синдия. К истории Кубанского края // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 14. С. 24.
9. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 45.
10. Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klassen. 1943. 80. S. 35–42.
11. Трубачев О.Н. Temarundam «Matrem Maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика. 2. М., 1975; Он же. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. № 4; Он же. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология. 1977. М., 1979; Он же. INDOARICA в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
12. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.
13. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 39–63; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 15–41.
14. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь: Тр. Государственного исторического музея. Л.; М., 1957. Вып. XXVI. С. 16; На важность этого эпиграфического памятника в решении вопроса о возможной индоарийской принадлежности синдов указывал Б.И. Надэль: Надэль Б.И. Ономатология античного Причерноморья // Вестник древней истории. 1956. № 3. С. 72.
15. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 39–63; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате С. 34–42; Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье.
16. Берзин Э. Западные индийцы и загадка амазонок // Знание – сила. 1983. № 2. С. 43–45.
17. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 55.
18. Малышев А.А. Меоты // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 215; Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма // Боспорский сборник. 8. М., 1995. С. 63.
19. Масленников А.А. Указ. соч. 1995. С. 56.
20. Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 47–66; Кулланда С.В., Раевский Д.С. Scythica sub specie iranicogetum (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского) // Вестник древней истории. 2002. № 4. С. 223, 224.
21. Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.
22. Лопатинский Л. Заметка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тбилиси, 1896. Вып. 21. С. 77.

23. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слов «меот» и «Меотида» (По материалам нартского эпоса) // Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. История. Майкоп, 1969. Т. IX. С. 250–257.
24. Аутлев П.У. К вопросу о возрасте Майкопской плиты // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 104–107; Дьяконов И.М. «Майкопские письмена» (К методике работы дешифровщика) // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 99–104; Крупнов Е.И. О загадочной Майкопской надписи // Вопросы истории. 1964. № 8. С. 209–211; Крупнов Е.И. Ответ Г.Ф. Турчанинову // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 206–208; Лавров Л.И. К попытке чтения Майкопской надписи // Советская этнография. 1967. № 2. С. 203–205; Турчанинов Г.Ф. По поводу заметки Е.И. Крупнова «О загадочной Майкопской надписи» // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 206; Он же. Древний письменный памятник Кавказа // Вестник древней истории. 1965. С. 97–108; Он же. Древний письменный памятник Кавказа (продолжение) // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 82–98.
25. Турчанинов Г.Ф. Древний письменный памятник Кавказа (продолжение). С. 97.
26. Анфимов Н.В. Вопросы этнической истории синдо-меотов // VIII Крупновские чтения. Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 11–13.
27. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 90; Он же. Адыги в древности: некоторые спорные вопросы // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1992. С. 3, 4; Он же. Ранний железный век на территории края. Меоты – древние жители Кубани // Очерки истории Кубани. С древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996. С. 46, 47.
28. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 43.
29. Виноградов В.Б. О язматах // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 158; Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 110; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 16; Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1990. Вып. 30. С. 50; Эрлих В.Р., Кожухов С.П. Об основных этапах развития меотской культуры Закубанья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 82.
30. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слов «меот» и «Меотида». С. 256.
31. Крушкол Ю.С. К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. М., 1967. С. 158–161; Она же. Древняя Синдика. М., 1971. С. 39–43.
32. Крушкол Ю.С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им Н.К. Крупской // Уч. зап. Московского областного педагогического института. 1963. Т. CXV. С. 83, 106.
33. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 263–267.
34. Новичихин А.М. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы в районе Анапы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Магас, 2010. С. 271.
35. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. С. 37–52.
36. Крушкол Ю.С. К вопросу об этногенезе синдов С. 158, 160; Она же. Древняя Синдика. С. 39, 40.
37. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 35.
38. Там же. С. 35, 36.
39. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 27, 28.
40. Алексеева Е.М. Греческий полис Горгиппия // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 3. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. М., 2008. С. 272.
41. Алексеева Е.М. Местная среда ранней Горгиппии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. VIII. С. 163.
42. Крушкол Ю.С. Археологические исследования... С. 157–161; Она же. Древняя Синдика. С. 88–90; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв.

- до н.э. М., 1981. С. 19; Шелов Д.Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 239; Кругликова И.Т. Анапе – 2500 лет. Краснодар, 1987. С. 12; Новичихин А.М. Исследование архаических памятников у п. Алексеевка // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып. I. С. 27; Он же. «Когда проплывешь Боспор, будут синды...» // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 27; Он же. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (По материалам погребальных памятников). Анапа, 2006. С. 76, 77.
43. Алексеева Е.М. Греческая колонизация... С. 34; Она же. Античный город Горгиппия. С. 26–31; Она же. Местная среда ранней Горгиппии. С. 161, 162.
44. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 76.
45. Новичихин А.М. Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3. С. 11–15.
46. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 236–239; Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) – Горгиппия // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 134–145; Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 10–32.
47. Анфимов Н.В. Исследования Семибратнего городища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 50. Рис. 45 С. 109; Алексеева Е.М., Шавырин А.С. Работы Анапской экспедиции // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 104; Новичихин А.М. Каменная гробница, исследованная на некрополе Семибратнего городища в 1987 г. // Историко-археологический альманах. 1998. Вып. 4. С. 47–49.
48. Алексеева Е.М. Местная среда ранней Горгиппии. С. 161.
49. ОАК, 1903 г. С. 79–80.
50. Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // Советская археология. 1957. № 2. С. 177, 178; Она же. Некрополь около мыса Панагии // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. II. С. 302, 312; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 12–14; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 95. Рис. 22. С. 60, 61.
51. Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов. С. 178; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 14.
52. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 13, 14.
53. Кругликова И.Т. Античная археология. М., 1984. С. 56.
54. Козуб Ю.И. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.э. Київ, 1974. С. 12. Рис. 2, 3.
55. Рогов Е.Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // Краткие сообщения Института археологии. 1985. Вып. 182. С. 45–50.
56. Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 8. С. 13.
57. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. С. 49, 152.
58. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья. С. 23.
59. Алексеева Е.М. Греческая колонизация... С. 35; Алексеева Е.М., Шавырин А.С. Античный город Горгиппия (Проблемы исследования и итоги работ в 1981–1985 гг.) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 77.
60. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5. С. 75–78.
61. Алексеева Е.М. Греческая колонизация... С. 35; Она же. Местная среда ранней Горгиппии. С. 163.
62. Новичихин А.М. Древнейшее прошлое Анапского района // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 13–24.
63. Новичихин А.М. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы... С. 272.
64. Новичихин А.М. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 1995. Вып. I.
65. Новичихин А.М. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко. Рис. 3. С. 66; Он же. Об одной группе бронзовых булавок начала I тыс. до н.э. из памятников Северного Причерноморья // XX Юбилейные международные

- Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 99, 100; Он же. Население Западного Закубанья... С. 63, 64, рис. 92–94.
66. Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (к постановке проблемы). Ч. I // Российская археология. 2002. № 3. С. 28.
67. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 16.
68. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 20, V.
69. Алексеева Е.М. Греческая колонизация... С. 62–65; Зуйков Ю.В. Раскопки некрополя на территории Опытного хозяйства «Анапа» // Боспорский сборник. № 4. М., 1994. С. 164–168.
70. Крушкол Ю.С. Археологические исследования... С. 65–70, 83–106; Новичихин А.М. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хут. Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Некрополи Черноморья. М., 2010. Т. III. С. 192.
71. Федоренко Н.В. Разведка в 1997 г. нового грунтового могильника у с. Владимировка в районе Новороссийска // Исторические записки: Исследования и материалы. Новороссийск, 1999. Вып. 3. С. 63, 64; Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В. Некрополь VII–V вв. до н.э. близ г. Новороссийска // Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 399; Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Владимировский могильник – новый памятник скифского времени в Цемесской долине // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 23. Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен побережья Северо-Западного Кавказа в конце VII–V вв. до н.э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. 2006. № 2. С. 69.
72. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 17.
73. Дмитриев А.В. Новые материалы VIII–V вв. до н.э. из района Новороссийска // Археология Северного Кавказа. V Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1976. С. 19, 20; Дмитриев А.В., Малышев А.А. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 19; Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г. Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // Древности Боспора. 2004. 7. С. 273. Рис. 2, 1.
74. Тешев М.К. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // Советская археология. 1983. № 4. Рис. 1. С. 209–213.
75. Кононенко А.П. Дольменный комплекс близ г. Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 23; Он же. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум. 2006. С. 203; Малышев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. № 6. М., 1995. С. 151.
76. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 19, 74, 81; Он же. Планиграфия и погребальный обряд... С. 195.
77. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 74.
78. Новичихин А.М. Планиграфия и погребальный обряд... С. 194.
79. Новичихин А.М. «Когда проплывешь Боспор, будут синды...». С. 29; Он же. Население Западного Закубанья... С. 77.
80. Малышев А.А. Меоты. С. 215; Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма. С. 63.

УДК – 94(=352.3)

Ф.А. Озова
(г. Нальчик)

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА ЧЕРКЕС И ЭТНОТОПОНИМА ЧЕРКЕСИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Этимология этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия* всегда вызывала живой интерес ученых, но не исследовалась комплексно. До сих пор не разрешен даже вопрос языка этимона. Мнение, что им является тюркский и (или) персидский (осетинский) языки, несмотря на конструктивную критику этой версии исследователями, стало доминирующим в общественном сознании. Обманчивые тюркско-персидские этимологии этнонима *черкес* получили широкое распространение, прежде всего, потому, что были политически востребованы в межимперской борьбе за территорию Черкесии. Многочисленные и жестокие экспансии не только поставили мощные заслоны для эволюции черкесских княжеств в политически консолидированное государство (XV–XVII вв.), но и уничтожили социальную организацию черкесского общества, находившуюся в парадигме социальной концепции Писания, стали причиной депортации черкесов с Кавказа (XVIII–XIX вв.).

Беспощадная борьба вокруг черкесских территорий породила множество проблем как в самой Черкесии, так и в военно-дипломатических ведомствах Москвы и Стамбула, интеграл которых стал известен как Черкесский вопрос. Его в полной мере иллюстрирует трансформация черкесско-русских и черкесско-османских отношений на протяжении нескольких веков, а также характер осмысления этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия* в русском и османском (турецком) языках в те или иные эпохи. В русском и османском (турецком) языках этноним *черкес* получил двойное осмысление: прямое как название одного из народов Кавказа, занимавшего обширную территорию между Черным, Азовским и Каспийским морями, и переносное – социальное и метафорическое. Сегодня мы можем выделить четыре подхода к толкованию этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия*.

1. Преимущественно лингвистический подход к исследованию черкесских этнонимов.

2. Толкование этнонима *черкес* посредством тюркского и (или) персидского языков.

3. Имперский подход к этимологии этнонима *черкес* и топонима *Черкесия*: замена этих лексем географическими, топографическими и политико-административными наименованиями позднесредневековой Черкесии, находившимися на более низкой ступени этнонимической иерархии. Замена этнонима *черкес* на неопределенный в этническом плане апеллятив *горцы*, метафорами и анималистическими терминами.

4. Комплексный подход к рассмотрению этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия* на стыке трех областей науки – лингвистики, истории и географии.

I

В основе первого подхода к проблеме лежит признание генетической связи между населявшими Кавказ в античную и раннесредневековую эпоху народностями и черкесами¹. **Е. Фелицын** (1884) отмечал:

«...не подлежит ни малейшему сомнению, что западнокавказские горы вообще и черкесы, в частности, известны были за 2500 лет до нашего времени»².

Е.С. Зевакин (1948) также идентифицировал меотские народности древними черкесами. Он писал:

«Самый факт возможности объяснения ряда античных племенных названий из адыгейского языка и местной топонимики показывает, что этот метод, не разрешая вопроса об этнической принадлежности тех или иных племен, все же дает возможность сделать вывод, что мы имеем дело с местным населением, из которого, путем дальнейших трансформаций и частичных ассимиляций, иммиграций, оформились современные адыги. Таков самый ранний этап этногенеза адыгов»³.

А. Филиппсон справедливо отмечал: «...для того чтоб утвердительно сказать, что Черкесы происходят от Церкетов, нужно было бы иметь достоверное указание распространения этого народа по берегу Черного моря и занятия им на северном склоне Кавказа земель, в которых ныне обитают горцы, известные нам под этим именем». И поэтому считал, что происхождение этнонима черкес от этнонима церкет «не невозможно, но никак нельзя сказать, чтобы оно было вероятно, а еще менее – достоверно»⁴.

В.А. Горончаровский и **А.И. Иванчик**, рассуждая о соотношении понятий *синды* и *меоты*, отмечают, что *меоты* – собирательное географическое наименование, а *синды* – эндоним, т.е. их самоназвание, о чем «свидетельствуют, в частности, надписи на синдских монетах»⁵. Античное наименование Азовского моря – *Меотида* – этимологизируется в черкесском языке как «море, которое мутнеет»⁶. Это наименование отражает гидронимические характеристики Азовского моря. «Народы, жившие по берегам Мэотиды, а также те, которые обитали между Мэотидой и первыми вершинами Кавказа, по обеим берегам Кубани, назывались Мэотами: они говорили почти одним языком и сходились между собою нравами»⁷. Античные авторы локализовали синдсов ниже меотов (в Приазовье, и далее – в Причерноморье) до современного Новороссийска; южнее них проживали керкеты⁸.

На созвучность наименований *черкесы* и *керкеты* указывал еще **С. Броневский** (1823)⁹. **Ф.А. Жиль** (1858–1859) отмечал, что в лексеме *черкес* «...узнается имя древних керкетов Плиния, Страбона и Скилакса...»¹⁰. **П.П. Короленко** (1850-е гг.) отождествлял черкесов с керкетами¹¹. Большое внимание исследованию черкесских этнонимов было посвящено **Л.Г. Лопатинским** (1891).

«Слово синды, – писал он, – слышится еще в названии шинджишвё, которое убыхи давали своим ближайшим соседям – абадзехам; под словом керкеты нетрудно узнать название черкесы, даваемое адыге русскими и другими народами...»¹².

Мнение об идентичности наименований *керкет* и *черкес* разделял **Е.Г. Вейденбаум** (1900).

«Вероятнее всего, – писал он, – что это слово имеет связь с названием керкет, которое древние географы (Скилак, Страбон, Плиний) давали обитателям кавказского берега Черного моря. Есть основание полагать, что генуэзские купцы, основавшиеся на Кавказе, возобновили классическое название керкет в форме circassi, откуда и возникло турецкое черкес, распространившееся по всей Европе и М. Азии»¹³.

А.М. Дирр и **К.Ф. Ган** (1909), предпринявшие первый опыт анализа географических и этнических названий Кавказа, полагали, что лексема *черкес* связана с античным наименованием черкесов – *керкетай*¹⁴. **Е.И. Крупнов** (1957) придерживался точки зрения, что между употреблением лексем *керкенай* и *черкес* не было временного разрыва:

«...по единодушному признанию всех лингвистов, «керкеты» античных авторов (Плиний, Страбон и др.), или «черкеной» в более позднее время, – не кто иные, как современные черкесы»¹⁵.

Л.И. Лавров признавал этноним *черкес* эндонимом. Он писал, (к сожалению, не называя источника информации), что наименование *керкет* сохранился у грузин в форме *черкези*. **Л.И. Лавров** отмечал, что

«...в основе слова «керкет» лежит кабардино-шапсугская фонетика. Мегрельская речь, через которую этот термин проник в грузинский язык, является шипящей, и поэтому вполне закономерна переделка «керкета» в «черкези»»¹⁶.

Позднее **Лавров** изменил свою точку зрения на происхождение этнонима *черкес*:

«Напрашивается предположение, что слово «черкес» не связано с этнонимом «керкеты» и долгое время имело не этническое, а какое-то социальное значение, вроде термина «казак» – «казах» – «косог»¹⁷.

Н.Г. Волкова (1973), посвятившая этнонимам Северного Кавказа специальное исследование, допуская генетическую связь между *керкетай* и *черкесами*, отрицала такую взаимосвязь между самими этнонимами. Ее главный аргумент состоял в наличии слишком длительного разрыва в восемь веков между бытованием наименований *керкеты* (использовалось, по ее мнению, с IV в. до н.э. до V в. н.э.) и *черкесы* (с XIII в.)¹⁸.

Существует точка зрения, что этноним *черкес* был связан еще с одним наименованием адыгов – *касог* (*кашак*). Ее разделял, к примеру, **И.А. Гильденштедт** (1770–1773). Он отмечал: жители «провинции Черкесия или Черкессен» «называют себя и свою страну Адиги, турки и татары – Черкес – грузины Черкесиани – русские Черкессы, немцы – Черкесиен, а осетины Казах, которое, может быть, во времена императора Константина (Константина Багрянородного. – О.Ф.) было общим названием»¹⁹. **Н.М. Карамзин** (1829–1833) утверждал, что касоги, над которыми одержал победу древнерусский князь Святослав в 965 г. на Кубани, были именно черкесы²⁰. С этнонимом касог (*кашак*) связывал возникновение топонима Черкесия **В.Ф. Минорский**. Первую часть лексемы – *чер* он отождествлял с персидским *чахар*, вторую с корнем этнонима кас-оги: «чахар-кас» – «четыре [клана] Кас'»²¹. **Макс Фасмер** (1950–1958), отмечал, что на-

звание *черкес* фигурировало в русском языке сначала в форме черкасы, а прилагательное черкесский как черкизской. Языком этимона Фасмер, опираясь на сведения **В. Абаева**, определял осетинский язык:

«... Следует, по-видимому, считать осет. сæргæс из čarkas «орел»». В то же время он подчеркивает связь лексемы черкес с «этнонимом Керкѣтай»²².

Живучесть этнонима *касог* подчеркивал **А.В. Гадло**: мегрелы продолжали в XIX в. называть черкесских князей «кашах-мепхе» (царь касогов). С именем Александра Вильямовича связаны значительные успехи в исследовании адыгских этнонимов. Главным элементом его этнонимических исследований была опора на тезис о взаимосвязи тех или иных этнонимов не только с этнической, но и с социально-политической эволюцией адыгского общества. А.В. Гадло полагал, что существует связь между средневековым названием адыгов *косог-диане* и именем одного из основателей княжеской династии Черкесии Иналом-Кес-ом, относя время его правления к VIII в.²³

Открытие в конце XIX – начале XX столетия в Малой Азии цивилизации хатто-хеттов и установления взаимосвязи языка и культуры адыго-абхазов с хаттским языком и культурой способствовали возникновению точки зрения, что между древними малоазиатскими кашками, получившими известность из клинописных надписей конца II – первой половины I тыс. до н.э., и средневековыми кашаками (касогами) существовала генетическая связь. Г.А. Меликишвили отмечал: «В северо-восточной части Малой Азии в хеттско-неситскую эпоху активную роль играли племена кашков (kaška), наименование которых давно уже сближают с засвидетельствованным в древнерусских, древнегрузинских, арабских источниках племенным названием черкесов (адыгейцев) – касог, kašag, kešag»²⁴. Эту точку зрения разделяют **З.В. Анчабадзе**, **Б.Х. Бгажноков**²⁵.

II

Попытки этимологизировать этноним *черкес* из персидского и тюркских языков возникли, несомненно, в связи с тем, что он приобрел широкую известность благодаря персидской и монгольской литературным традициям. С другой стороны, информаторами резидентов и путешественников на Кавказе выступали преимущественно носители этих языков. Предлагавшиеся ими разные версии татарско-персидской этимологии были, как отмечал А. Филипсон, «невинной забавой для тех, которые считают этнографический вопрос решенным, если им удалось поймать похожий звук на каком-нибудь языке, даже не имеющем к делу никакого отношения»²⁶. Важным было и то, что обманчивая тюркско-персидская этимология вполне соответствовала военно-политическим амбициям соседствующих с Черкесией империй, нацеленных на захват ее территории.

Этот второй подход к проблеме находим, в частности, у академика **Ю. Клапрота**, который с определенной долей скепсиса, как это видно из его текста, приводил смешанную персидско-татарскую версию этимологии этого этнонима (1807–1808):

«Так, старый татарский мулла однажды вполне серьезно сказал мне, что имя «черкес» происходит от «чехор» (четыре – с персидского) и «кес» (человек – с татарского), так как народ этот произошел от четырех братьев, или основателей»²⁷.

Венгерский этнограф **Ж.-Ш. де Бесс**, побывавший на Кавказе в 1829 г., писал:

*«Мои предшественники, писатели и путешественники, утверждали, что слово «черкес» происходит из татарского языка и составлено из «tcher» («дорога») «kesmek» («перерезать»); но им не приходило в голову придать этому слову более естественный и более подходящий к характеру этого народа смысл. Нужно заметить, что «tcher» в персидском языке означает «воитель», «мужественный», а «kes» означает «личность», «индивидуум», «один из», *aliquis*. Из этого можно заключить, что именно персы дали название, которое сейчас носит этот народ»²⁸.*

И. Бларамберг (1834) отмечал, что

название ««черкесы» – татарского происхождения и состоит из слов «чер» – дорога и «кесмек» – резать; таким образом, «черкессан» или «черкес-сидж» является синонимом слова «йуолькессидж», которое до сего времени употребительно в турецком языке и означает «разбойник»»²⁹.

Английский путешественник **Э. Спенсер** (1830) отмечал:

«Русские, татары и турки называют черкесов – черкес – это буквально означает «отрезающий путь»; очевидно, это происходило оттого, что они никогда не позволяли проходить иностранному солдату через их территории»³⁰.

П. Зубов писал:

«Название черкес, под которым оные у нас известны, дано им ногайцами, и означает на их языке головорез: кес – голова, черк – резать»³¹.

Кабардинский князь **А. Мисостов** писал в 1841 г.:

«В древних историях нигде не значитися, с какого сословия произошли черкесы (слово «черкес» есть фарсиское «головорез»)»³².

Т. Лапинский (1861) придерживался тюркской этимологии лексемы черкес. В основе его взгляда на этот вопрос лежала дифференциация адыгов и черкесов, причисление первых к европейской, а последних – к туранской расе³³. Эта ошибка была следствием некорректной исторической интерпретации черкесских генеалогических преданий. На Лапинского, как на османфила, оказала влияние, по всей видимости, и безосновательная османская традиция причисления черкесов к туранской расе.

Многие кавказоведы со скепсисом относились к толкованиям лексемы черкес из тюркских и персидских языков³⁴. **Султан Хан-Гирей** (1837) косвенно отвергал монголо-татарскую и персидскую этимологии, отмечая, что нечасто, как это показывает история, можно понять этимологию того или иного этнонима³⁵. **Барон де Сталь** (1849), проживший среди черкесов три года (1846–1848), отмечал:

«Трудно объяснить происхождение слова черкес, принятого как общее наименование черкесского народа. Происходит ли оно от татарского слова чер-кес (пресекающий дороги или грабитель), или от реки Черек, где черкесский народ в своих переселениях впервые столкнулся с осетинами и сделался известным сим последним. Черкесы скорее соглашались на это последнее объяснение»³⁶.

Е.Г. Вейденбаум в примечаниях к рукописи де Сталя, хранившейся в штабе Кавказского военного округа, отмечал, что эти тюркские этимоло-

гии «совершенно произвольны и ни на чем не основаны. Чер-кес, – заключал он, – вовсе не значит по-татарски «пресекающий дорогу»³⁷.

А. Филиппсон также обозначал тюркско-персидскую этимологию этнонима черкес как обманчивую и заключал, что толкование «*сер-кютъ* (по-персидски бунтовщик); *сер-кесь* (по-персидски и турецки – головорез); *сер-кесь* (адехское и тюркское: пересекающий дорогу, т.е. разбойник; *шер-кесь* (турецкое или арабское: нарушитель порядка, закона)» не имеет ничего общего с истинной этимологией этнонима черкес³⁸.

В фундаментальном исследовании о происхождении черкесского этноса французского историка черкесского происхождения А. Намитока (1939) указывается, что среди большого числа толкований тюркско-татарская этимология, не признающаяся самими черкесами, выделяется своей безосновательностью³⁹.

Аргументированной и жесткой критике подверглась татарская версия этимологии черкес, представленная В.М. Аталиковым (1993) («жар» – земля, «каз/кас» – копать, резать, пахать, т.е. «земледелец, землепашец»⁴⁰), А.Х. Нагоевым (1993), квалифицировавшим ее как «Volksetymologie/народное осмысление»⁴¹.

В полной мере несостоятельность и политизированность тюркско-персидского подхода к этимологии этнонима черкес показывается теми противоречиями, которые демонстрируются вариантами тюркских толкований, утвердившимися в русском и турецком языках. Э.Д.Д. Асколи писал (1622–1633): «Черкесы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага, что означает, благородный, конный воин»⁴². Позднее, когда черкесы были максимально ослаблены османско-российским противостоянием на их территории и были изгнаны из своей страны в Османскую империю, появилась совершенно другая этимология этнонима черкес. Черкесы стали признаваться Стамбулом особой народностью, в то же время определяя ее как «ветвь великой туранской расы». В турецком языке этот этноним имеет две этимологии. В каждом случае утверждается тюркское происхождение этого этника. В первом случае утверждается, что «*çer*» якобы означает «солдат» (как в *униçер-янычар*), а «*kes*» заменяет «*herkes*» (каждый). В другом случае *çerkes* интерпретируется как «переходящий путь»⁴³. Очевидно, что эти этимологии призывали черкесов к занятию определенной социальной ниши в османском обществе – профессиональных военных и солдат, в противном случае они были «переходящими путем».

Тюркско-персидская версия этимологии лексемы черкес стала известна и в Европе. Очевидно, что свою роль здесь сыграли три фактора. Первый состоял в том, что первые исследователи Кавказа, направленные сюда российским правительством в конце XVIII – начале XIX в., являлись преимущественно учеными немецкого происхождения. Зачастую их труды печатались сначала на немецком языке и становились известны в Европе. Вторым фактором стала информационная политика российского правительства, целенаправленный инжиниринг черкесского вопроса в негативном для черкесов ключе. Третьим – противопоставление и столкновение османскими властями черкесских изгнанников в первые десятилетия депортации с христианским населением Османской империи.

III

Черкесы до своей депортации с Кавказа в 1850–1860-е гг. представляли собой стройный и цельный народ⁴⁴. В русских документах XVI – последней трети XVIII в. этноним «черкес» употреблялся исключительно в прямом смысле. Трансформация российской политики в Черкесии в конце XVIII в. повлекла за собой и смену дипломатической и военно-политической риторики. Этноним *черкес* стал подменяться географическими и топографическими названиями мест их расселения, метафорами или анималистическими терминами. Этноним *черкес* стали подменять лишенной этнического содержания лексемой «горцы». Эта тенденция была отмечена еще **И.А. Гильденштедтом**:

«Черкесов, осетин и кистов русские называют, какими бы разными нациями они не были, из-за общего обитания на Северном Кавказе, всех вместе, но очень неопределенно, горскими или тавлинцами, первое из которых на русском, а последнее – на татарском языке обозначает горцы»⁴⁵.

В этом отношении интересна статья «Значение слова Кавказ», опубликованная иереем Никитой Богомолковым в газете «Кавказ» в 1848 г., которая в какой-то мере объясняет причины отождествления всех черкесов, 2/3 которых проживала на равнинах, с горцами. Автор, рассуждая об этимологии слова Кавказ, означавшего, по его мнению, понятие *Горцы Каза/Каса*, утверждал, что лексема Кавказ при переносе в другие языки получила соответствующую законам этих языков транслитерацию. Так, имеющееся в «Армянской географии» наименование Ког-кисе и являлось, по его мнению, армянской транслитерацией лексемы Кав-каз. Последнее, по мнению автора, бытовало в греческом языке как Колхоика, в русском – как Черкас'ы и Черкес'ы (Черказ'ы). Н. Богомоллов фактически признал синонимами слова Кав-каз и Чер-кес. Он идентифицировал живущих вокруг Бештау (Пятигорья) черкесов черными Каз'ами, т. е. горцами, а казаков – белыми Каз'ами. «...Следовательно – заключал автор, – как у нас слово Каз изменилось в Кис или Кес, так и у армян – в Кис или Кисе...»⁴⁶. Несмотря на волюнтаристский характер концептуальных построений Богомоллова, надо отметить наличие в его рассуждениях определенного соответствия с летописной традицией Грузии. Эпоним Кавказ, согласно ей, распространялся именно на черкесов⁴⁷. Данная концепция в какой-то степени объясняет замещение этнонима *черкес* в русском языке наименованием горцы. Для жителей России XIX в. жители Кавказа, подавляющую часть которого составляли черкесы, населявшие в первой трети XIX в. в числе 4 миллионов человек 3/4 Кавказского перешейка, ассоциировались именно с черкесами.

В европейской историографии для обозначения черкесов также использовалось наименование горцы⁴⁸. Вместо лексемы *черкес* также стали широко использоваться названия, связанные со сложившимся в период позднего Средневековья политико-административным делением Черкесии. Известный исследователь истории черкесов Е. Фелицын писал:

«Название черкесы есть общий собирательный термин для обозначения многих племен (В XIX в. термин «племя» был многозначен и употреблялся в значении «народ, язык, совокупность местных уроженцев»⁴⁹. Е. Фелицын, судя по контексту, использовал его именно в значении народ. – О.Ф.) закубанских горцев, тогда как каждое из них в отдельности имеет свое особое название и представляет более или менее заметные отличия от других наро-

дов, именуемых вообще черкесами. Народ, известный у нас под этим общим именем черкесов, сам себя называет адыге... <...> В состав адыге, или черкесов входят: 1) кабертай, или, как принято называть на русском языке, кабардинцы; 2) абеззахъ, или абадзехи; 3) бесленей, или беслинеевцы; 4) кэмгуй-темиргоевцы; 5) егерукой-егерухаевцы; 6) хатюкой-хатукаевцы; 7) махошъ-махошевы; 8) мамхегъ-мамхяговцы; 9) бзедугхъ-ххамысшэ и бзедугхъ-чэчэнай, бжедуги-хамышеевцы и бжедуги-черченеевцы, 10) шапсугъ-шапсуги, 11) ноткуаджжъ-натухайцы с подразделением на общины: чебсинъ, хегайкъ, хетукъ, гоайе, цюхухъ, шемиткуаджъ и др., 12) жанъ-жанеевцы»⁵⁰. Эти административно-политические наименования, стоявшие в этнонимической иерархической системе Черкесии ниже, чем общие для всей этнической общности эндонимы *адыгэ* и *черкес*, лишились, как и последние, в результате Кавказской войны своего политического содержания; их незначительные остатки на Кавказе были низведены на уровень этнографических групп. С этой же целью в самом низком его смысле стал употребляться термин «племя» – «совокупность местных уроженцев». В этом ряду замен стояло и наименование черкесов чужими этнонимами. Например, этнонимом *татары*, использовавшемся зачастую в его презрительно-уничижительной форме – татарва, несмотря на то, что черкесы не были родственны тюркским народам. Их также называли азияты, азия, орда⁵¹. Такая казуистика представляла захватываемые земли безликими как с этнической, так и с политической точки зрения, отвлекала внимание от нарушения прав черкесского этноса и от проблем захвата и раздела его территории.

С началом активной завоевательной политики правительством Екатерины II в Черкесии стала формироваться тенденция, когда этноним *черкес* и топоним *Черкесия* стали заменяться в двусторонних русско-турецких документах также названиями географических объектов страны (Кубань, Тамань, Моздок и проч.). Именно этими подменами и двусмысленными формулировками русско-турецких дипломатических документов в определенной мере были обеспечены первые плоды екатерининской завоевательной политики в Черкесии: была аннексирована огромная территория вокруг Моздока и часть черкесских земель в Приазовье и Причерноморье, Таманский полуостров.

Особенно широко такая подмена понятий стала использоваться в период командования на Кавказе генералов с явными или скрытыми расистскими взглядами. К примеру, Ермолов, Вельяминов, Засс, Евдокимов предпочитали даже в официальных документах употреблять вместо этнонимов негативные социальные метафоры и анималистические термины: «хищники», «злодеи», «твари», «дичь», «сволочи», «мошенники», «хищные звери»⁵². В случае же прямого использования этнонима добавляли к нему эпитеты: «злодейские», «хищные» и др. Безусловно, это имело цель через превращение оппонентов в демонизированные фигуры нелюдей способствовать высвобождению агрессии подчиненных.

В это же время в русской и европейской литературе формировался совершенно другой образ Черкесии и черкесов. Символично, что первые поэмы М.Ю. Лермонтова были посвящены именно черкесам – «Черкесы» и «Кавказский пленник» (1828). Образ черкесского рыцаря и тема Кавказской войны продолжала привлекать внимание поэта и в период его более зрелого творчества («Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастунджи» (1833–1834), «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), «Герой нашего времени» (1838–1840) и др.). Эти

произведения появились под непосредственным влиянием черкесской проблематики в творчестве А.С. Пушкина, определявшего суть духовного субстрата Кавказа как дух рыцарства⁵³. Другим источником вдохновения были личные впечатления поэта от поездок на Кавказ и рассказы родственников Хастатовых и Шан-Гиреев о быте и нравах черкесов⁵⁴.

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд, <...>
Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный...». («Черкесы»)⁵⁵.

Толпа джигитов удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. – Но к ним подходит князь,
И все утихло! уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение – не страх;
Не власть его основа – мненье! («Измаил-Бей»)⁵⁶.

В середине 50-х гг. XIX в. даже «ермоловская» риторика показала российскому руководству слабой, чтобы противостоять нараставшим в Европе протестам против преступных военных действий в Черкесии. Штаб Кавказской армии был обеспокоен, что европейская пресса «предприняла возбудить в Европе такое же увлечение мнения в пользу героических черкесов, какое возбудила она в 20-е годы в пользу героических греков». Генерал Фадеев заключал: «Если дать такому потоку разыграться, он может быть очень опасен для нас...»⁵⁷, имея в виду возможность признания международным сообществом независимости Черкесии, как это произошло ранее с Грецией. В этой связи были разработаны стратегия и тактика новой информационной политики на Кавказе. В дополнение к цензуре, введенной относительно публикаций о кавказских событиях в российских СМИ в 1848 г.⁵⁸, в 1857 г. была начата кампания по моделированию общественного мнения в выгодном российскому руководству ключе. Военные действия и события в Черкесии предполагалось освещать так, чтобы убедить общественное мнение Европы и России в «законности» предпринимаемых российским руководством военных действий⁵⁹. Для этого было решено организовать кампанию по опровержению публикаций газет Англии, Франции, Германии и Австрии «на счет рыцарства кавказских горцев – героев, гибнущих, якобы отстаивая свою независимость...». Нужно было уверить общественность в том, «что кавказские рыцари почти исключительно дикари-хищники, которым нужна свобода грабить и жить без всякой узды, без всякого уважения к правам другого племени». Для этого ставилась задача показать черкесов «со стороны их изуверства, алчности и продажности»; «князей разных черкесских родов» полагалось представить озабоченными исключительно интересами работоторговли⁵⁶.

По распоряжению императора Александра II реализация поставленных задач была возложена на газеты: «Кавказ», «Русский инвалид», «Московские ведомости», «Петербургские ведомости»; журналы: «Военный сборник» и «Современник». Решено было привлечь к этой кампании и авторитетную бельгийскую газету «Le Nord». Продвижение этого проекта генштабом Кавказской армии было облегчено дополнительным финансированием задействованных СМИ. Корреспондентами выступили воевав-

шие на Кавказе литературно одаренные офицеры⁶¹. Таким образом, было положено начало российской государственной информационной политике, направленной на дискредитацию не только национально-освободительного движения черкесов, но и самого образа черкеса в общественном мнении России и всего мира. Известный по классической русской литературе образ черкесского рыцаря был подменен на образ черкеса-дикаря.

IV

Четвертый подход представляет собой стремление осмыслить этимологию этнонима *черкес* на комплексной научной основе, используя исторические, лингвистические и географические сведения. Если Дж.Н. Коков в результате преимущественно лингвистических исследований пришел к выводу, что этноним *черкес* являлся «внешним названием родственных адыгских племен»⁶², то Л.И. Лавров и А.В. Гадло, как отмечалось выше, выделяли из адыгских этнонимов ряд эндонимов, связанных с социально-политическим развитием адыгской этнической общности⁶³. К числу таких наименований, приобретших со временем значение политонимов, относили, в частности, названия *касог* и *черкес*. Основные версии их происхождения основаны на том, что они являлись результатом социально-политической эволюции адыгской этнической общности и представляли собой, оперируя терминологией Дж.Н. Кокова, типичные для адыгов антропонимические этнонимы⁶⁴.

Так, Н.Т. Гишев, отмечая, что «этимология слова «*черкес*» до сих пор не выяснена», связывает его происхождение с именем одного из предводителей гениохов (меотская народность). «Как известно, – пишет он, – в адыгских языках отсутствует взрывной звук «к» и нет закрытых слогов типа «кр» в начале слова. Отсюда можно предположить, что имя одного из предводителей гениохов (Крекас), вероятно, произносили сами гениохи, синды, ахейцы, зихи и другие адыгские племена как *КІэлэкІас* или *Джэрэкъэс*, переделанный другими народами в *Крекас-Крекет-Черкес*⁶⁵.

Однако наибольшее внимание историков в этом контексте привлекает к себе имя Кес/Кесрий одного из первых правителей черкесской династии Иналидов. Так, А. Намиток отмечал, что сами черкесы указывают на происхождение этнонима *черкес* от имен двух правителей-братьев – *Чера* (Тшер) и *Кеса*⁶⁶. По другой фольклорной версии, он возник от имени правителя по имени *Черкес*⁶⁷.

А.В. Гадло, датировавший время правления Инала-Кеса VIII в., полагал, что имя князя Кеса, лежит в основе эндонима-политонима *косогдиане*⁶⁸.

Согласно одной из версий генеалогических преданий черкесов, родоначальник черкесских князей Кес, или Кесрий получил свое имя в честь римского (латинского) государя-кесаря. Ш.Б. Ногма отмечал, что после воцарения князя Кеса его называли Пшир-Кесшь/Пширь-Кесис⁶⁹. Нами было сделано предположение, что в основе этнотопонима Черкесия и этнонима черкес лежали два имени-титла – черкесский титул-имя Пщы (Псшы) – князь (король) и римский – Цезарь (Кесарь). К примеру, по такому же принципу было образовано фамильное имя *Псшыбадиноко* (*Псши* – князь и фамилии *Бадиноко*)⁷⁰. Согласно адыгской традиции оформлять антропонимические этнонимы и соответствующие им этнотопонимы суффиксом принадлежности – *ей/эй*⁷¹, подвластные ему земли могли именоваться Пшир-Кесшь-ей, или Пшир-Кесись-ей. Это словосочетание можно

перевести с черкесского языка как «земли или территория (его) Государя Кеса»⁷². Транслитерация *Пишир-Кесибь-ей* или *Пишир-Кесисъ-ей* в арабском и персидском языках, в соответствии с фонетическими законами этих языков, привела к образованию лексем *Джаркас* и *Черкес*, или в европейской литературной традиции – *Черкесия*. Таким образом, на наш взгляд, этноним *черкес* и этнотопоним *Черкесия* возникли от двух титулов – адыгского *Пщы* (князь/король) и латинского *Цезарь/Кесарь*. Ногма отмечал, что имя *Кесарь* в адыгской транслитерации – *Кес* или *Созироко* (*Сосрыкъуэ*) или *Косирих* (*Кесарь*), было очень популярным, что имеет свое отражение в адыгском фольклоре.

«Про это существует множество преданий; кажется, что под этим именем предание и песни говорят не об одном человеке, а о нескольких. <...> Слово Кесарих значит на нашем языке «выпорок из матери», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения. В песнях это имя часто упоминается и, между прочим, в них сказано, что Созироко воспитан адыгским витязем Озирмегом и приобрел великую славу в воинских упражнениях. Вот как геукако прославляет его в одной песне: <...> «Кесарь мой, Кесарь мой и защитник, Кесарь мой светлый, лицо твоё смугло, грозны твои очи, страшный ты наездник, когда сядешь на коня»⁷³.

В энциклопедиях и словарях в полной мере отразилась запутанность вопроса об этимологии этнонима *черкес*. В одних словарях он трактуется как синоним этнонима адыгэ, в других – как политоним. Так, энциклопедия *Ф.А. Брокгауза* и *И.А. Ефрона* рассматривала под лексемой *черкес* только адыгов и рассматривала эту лексему как экзоним и политоним:

«Этим именем обозначается группа разнородных, но родственных по языку и культуре западно-горских народностей Кавказа, занимавших (до выселения своего из России) большую половину Кабардинской плоскости, значительную часть обоих склонов Кавказского хребта и восточный берег Черного моря, т. е. всю южную часть нынешней Кубанской области и западную часть Терской. <...> Черкесы жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен: первые исторические сведения о них восходят к началу VI в. до Р. Х. Название Черкесы дано им окружающими их народами; сами же себя они всегда называли адиге»⁷⁴.

Советская историческая энциклопедия также рассматривает под этнонимом *черкес* только адыгов:

«...общее наименование адыгов, появившееся в письменных источниках в период монгольских завоеваний XIII в. и употреблявшееся в этом значении в русской литературе вплоть до первых лет Советской власти. <...> В зарубежной литературе этноним Черкесы до сих пор еще употребляется для обозначения всех адыгов»⁷⁵.

Писавший на немецком языке известный исследователь XX в. Эмануэль Саркисянц использовал название «черкесы» как политоним для обозначения всего населения Западного Кавказа, имевшего различное этническое происхождение, но объединенного общей культурой и близкое по языку (адыги и абхазы)⁷⁶. Даже наиболее осведомленные в этнографии и языкознании Кавказа авторы не внесли ясности в толкование этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия*⁷⁷.

Таким образом, историографический анализ подводит к выводу, что вопрос об этимологии лексем *черкес* и *Черкесия* является проблемой не только лингвистики, но и социально-политической истории черкесского этноса. Опираясь на аксиому, что «всякое общенациональное и политическое наименование вначале было лишь местным, этническим именем»⁷⁸,

необходимо исследовать черкесские этнонимы не разрозненно, а как этнонимическую систему, используя комплексный подход и уделив при этом особое внимание черкесской лингвистике и социально-экономической и политической истории не только Кавказа, но и всего черноморско-средиземноморского региона.

Примечания (Endnotes)

1. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 121, 123, 125; Монпере Ф.Д. де. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 117–119.
2. Фелицын Е.Д. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы: Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны // Кубанские областные ведомости. 1884. № 34. С. 3.
3. Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (далее – АИГИ КБР). Ф. 1. Оп. 5. Д. 24. Л. 3. Зевакин Е.С. Повествовательные источники по черкесам и кабардинцам. XIII–XVIII вв.
4. Филипсон А. Черкесы, казаки и адехе // Русский вестник. Журнал литературный и политический. Т. 48. М., 1863. С. 848, 849.
5. Античное наследие Кубани. М., 2010. В 3 т. Т. I. С. 219, 220.
6. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слов «меот» и «Меотида» // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. 9. Майкоп, 1969. С. 252.
7. Атик А. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. I. С. 14.
8. Античное наследие Кубани... Т. I. С. 219.
9. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия... С. 121.
10. Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме // Сост. и пер. с фр. яз. К.А. Мальбахов. Нальчик, 2009. С. 101.
11. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2 т. Нальчик, 2001. Т. 2. С. 159.
12. Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1891. Вып. XII. С. 1.
13. Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу, составленный по поручению командующего войсками округа: Факсимильное воспроизведение издания 1888 года. М., 2011. С. 87; Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. XXXX. Получено с http://apsnyteka.org/357-dirr_sovr_nazv_kavkazskih_plemen.html;
14. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен.
15. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 150.
16. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 84.
17. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 40.
18. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 23.
19. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 228; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 22.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского: Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М., 1988. Кн. I. Т. I. Стб. 105.
21. Мас'уди о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 206.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О.Н. Трубачева / Ред. и предисл. Б.А. Ларина. В 4 т. М., 1973. Т. 4.

23. Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 30.
24. Меликишвили Г.У. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // Вестник древней истории. М., 1962. № 1 (79). С. 62.
25. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 123; Бгажноков Б.Х. Логика этнического развития адыгов в X–XIII вв. // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 32, 33. Консультация Б.Х. Бгажнокова.
26. Филиппсон А. Черкесы, казаки и адехе // Русский вестник. Журнал литературный и политический. М., 1863. Т. 48. С. 847.
27. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 206–207.
28. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 334.
29. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 122.
30. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1993. С. 120.
31. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа... Т. 2. С. 13.
32. Мисостов А.М. История несчастных черкесов. Нальчик, 2004. С. 24.
33. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 69.
34. Dirr Ad. Die heitigen Namen der kaukasischen Bergvölker... Цит. По: Едыдж Б. Общности социальной организации нартвов и черкесов ... С. 26.
35. Султан Хан Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. С. 77.
36. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа... Т. 1. С. 191.
37. Там же.
38. Филиппсон А. Черкесы, казаки и адехе // Русский вестник. Журнал литературный и политический. М., 1863. Т. 48. С. 847.
39. АИГИ КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 26, 27. Намитоков А. Происхождение черкесов. Париж, 1939. Ч. 1. / Пер. с фр. Р. Морской. 1958.
40. Аталиков В.М. Северный Кавказ в XIII–XV вв. // Живая старина. Нальчик, 1993. № 3. С. 36.
41. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 15.
42. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сб. материалов. Нальчик, 2006. С. 57.
43. Едыдж Б. Общности социальной организации нартвов и черкесов... С. 25, 26.
44. Лапинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1891. Вып. XII. С. 5.
45. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу... С. 228.
46. Иерей Никита Богомолов. Значение слова Кавказ // Кавказ. № 44. 1848 г. С. 176.
47. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей... С. 21, 43, 44.
48. Sarkisyanz E. Geshichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. München, 1961. S. 99.
49. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. В 4 т. Т. III.
50. Фелицын Е.Д. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы: Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны // Кубанские областные ведомости. 1884. № 34. С. 3.
51. Филиппсон А. Черкесы, казаки и адехе... С. 849.
52. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6179; Ермолов А.П. Письма. Махач-Кала, 1926. С. 3, 4; Записка генерал-майора Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии // Русская старина. СПб., 1888. № 10–12. С. 199.

53. Тхагапсоев Х.Г. Нартский эпос как логос кавказского культурогенеза (экзистенциальная реконструкция) // Истоки региональных культур России. СПб., 2000. С. 167–168.
54. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. 4 т. Изд. 2-е, исправ. и доп. Т. 2. Поэмы. Л., 1980. С. 535.
55. Там же. С. 9.
56. Там же. С. 180.
57. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. М., 1885. Кн. 1. С. 79.
58. На Кавказе сложилась особая организация цензуры. Открытие в Тифлисе Кавказского цензурного комитета относится к 1848 г. Цензура на Кавказе находилась в ведении Кавказского наместника. Обязанности цензоров состояли в просмотре всей печатной продукции, выходившей на территории округа, заграничных книг на восточных языках, с 1849 г. – еще и периодических изданий на европейских языках. (Патрушева Н.Г., Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в XIX – начале XX века) [Электронный документ]. Проверено 7.04.2012. Получено с <http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsenzuraOfficeshtm>
59. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. М., 1885. Кн. 1. С. 79.
60. Там же. С. 602, 603.
61. Там же. С. 600, 601.
62. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 291.
63. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа... С. 40; Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных... С. 30.
64. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 267.
65. Гишев Н.Т. Споры вокруг этнонимов «черкес» и «адыгэ» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 1. [Электронный документ]. Проверено 20.11.2013. Получено с <http://cyberleninka.ru/article/n/spory-vokrug-etnonimov-cherkes-i-adyge>.
66. АИГИ КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 26, 27. Намитоков А. Происхождение черкесов. Париж, 1939. Ч. 1. / Пер. с фр. Р. Морской, 1958.
67. Сведения об атыхейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги Джаифара и Джианама, на турецком языке // Кавказ. Тифлис, 1849. № 39. С. 156; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 92.
68. Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных... С. 30.
69. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 94; Сведения об атыхейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги Джаифара и Джианама... Кавказ. Тифлис, 1849. № 39. С. 156; АБКИЕА. С. 228; Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.
70. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа... С. 36.
71. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 267.
72. Прямой перевод: «Кес-пщыщ» (пщы – король/князь; =р – «этот, тот»; шь (щ) – утвердительная частица. Суффикс «р» выполняет в данном случае функцию аффикса определенности; он был типичен в наименовании черкесских антропонимов (см., например, феодальные фамилии всех субэтнических групп Черкесии в труде Хан-Гирея «Записки о Черкесии»); они оформлены с помощью =р на конце, которому в русском языке соответствуют «ов» и «ин»; Озова Ф.А. Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск–Черкесск, 2013. С. 44, 69; Консультация заведующей отделом кабардино-черкесской филологии КЧИГИ Р.Х. Темировой.
73. Нартхэ я Сосрыкъуэ,
Сосрыкъуэащцэ
Лыффыццэ гьущына.
Емынэ шу;

- Сосрыкъуэу си къан,
Сосрыкъуэу си нэху. – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 79.
74. Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона // [Электронный документ]. Проверено 12.10.2013. Получено с <http://enc-dic.com/brokgause/Cherkes-39033.html>.
75. Советская историческая энциклопедия // [Электронный документ]. Проверено 12.10.2013. Получено с http://enc-dic.com/enc_sie/Cherkes-9375.html.
76. *Sarkisyanz E. Gesichte der orientalischen Völker Russlandbis 1917.* München, 1961. S. 99.
77. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 16–21; *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 21–25; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 236; *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 139–141; Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 110–111; *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2 т. М., 1977; *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 259–295; *Коков Дж.Н.* Избранные труды. Нальчик, 2000. В. 2 т. Т. 1. С. 263–265; Нальчик, 2001. Т. 2. С. 486–489; *Гишев Н.Т.* Споры вокруг этнонимов «черкес» и «адыгэ» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: «Филология и искусствоведение». 2013. № 1. [Электронный документ]. Проверено 20.11.2013. Получено с <http://cyberleninka.ru/article/n/spory-vokrug-etnonimov-cherkes-i-adyge>.
78. *Джавахишвили И.А.* Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа... Вестник древней истории. М., 1939. № 4 (9). С. 41.

Дж.Я. Рахаев
(г. Москва)

КАБАРДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ФАКТОРЫ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА*

В современном историческом адыговедении утвердилось мнение о том, что именно колониальный натиск России привел к постепенному ослаблению и в конечном итоге к распаду Кабардинского государства в конце XVIII в. Альтернативный подход, предлагаемый в данной работе, состоит в том, чтобы выявить ряд основополагающих факторов, предопределивших кризис традиционного кабардинского феодализма. В качестве таковых мы предлагаем выделить: 1) относительную экономическую отсталость по сравнению с крупными державами региона; 2) уязвимость границы на всем ее протяжении; 3) полиэтничность; 4) исключительно высокую закрытость культуры. Общим для всех этих факторов является конкретный аспект, который удачнее всего можно обозначить как геокультурный, поскольку эти факторы относятся к тем областям человеческой деятельности, взаимодействию с окружающей средой, сфере взаимоотношений и ценностей которые незначительно изменяются с течением времени.

Экономическая отсталость. На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда являлась крупнейшим политическим образованием на Северном Кавказе, объединив под властью князей из дома Иналовичей целый ряд народов Центрального Предкавказья. Однако достигнув пика территориального роста, страна оказалась как никогда уязвимой. На протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени Кабарда всегда оказывалась позади ведущих держав региона по определенным демографическим, экономическим и технологическим показателям, которые в международной практике принято считать мерилom могущества, положения и влияния. Отставание Кабарды было обусловлено геополитическим положением государства, через территорию которого проходил ряд военно-стратегических и торговых путей, что соответственно втягивало страну в противоборство с Россией, Османской империей и Персией в регионе. Негативное влияние на развитие производительных сил и духовной культуры народов Кабарды, несомненно, оказывало перманентное геополитическое давление на пограничных пространствах. Обеспечение суверенитета требовало реорганизации всех сторон общественной жизни ее народов, в особенности кабардинцев как государствообразующего этноса. Отсюда господство крупного частного землевладения вотчинного типа, традиция вассалитета, развитая феодальная иерархия, и наконец, установление крепостнических порядков, принявших у кабардинцев гипертрофированные формы¹.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

Почвенно-климатические условия и гидрографические особенности Кабардинской равнины позволили восточным адыгам уже в XV в. сформировать многоотраслевое и высокопродуктивное сельскохозяйственное производство². Но, с другой стороны, природно-климатические условия края поддерживали самодовлеющий характер хозяйственного уклада кабардинских княжеств, а зачастую формировали экономическую автаркию.

Давно замечено, что однообразие ландшафта ведет к однообразию занятий населения, что не способствует обмену и тем самым надолго сохраняет натуральный характер хозяйства. Весьма слабый уровень развития внутренней торговли у населения Кабарды был вызван преимущественно однородностью сельскохозяйственной продукции, получаемой в пределах вотчины. То же самое следует сказать и о развитии ремесла, носившего исключительно вотчинный характер и приспособленного главным образом для военных нужд. Феодалы оказывали крайне отрицательное воздействие на развитие обмена и внутренней торговли, вследствие чего процесс экономической интеграции между княжескими вотчинами-уделами был локальным и прерывистым.

Внешняя торговля, во многом благодаря сравнительно протяженной линии побережья по Черному и Каспийскому морям, напротив, достигла значительного развития. Главнейшие отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности кабардинской вотчины: овцеводство, коневодство, пчеловодство, охота, а также ткацкое, войлочное, оружейное, арчадное, шорное и ювелирное производства – были связаны с внешним рынком, отправляя за пределы страны немалую часть своей продукции³. Однако потенциал дешевых морских путей сообщения для связи с внешним миром никак не был использован. Объем экспорта адыгских княжеств уже в эпоху раннего Средневековья напрямую зависел от региональной геополитической конъюнктуры⁴, а с начала XVIII в. стал оказывать существенное воздействие, нередко деструктивное, на внутривотчинные процессы в масштабах всей Кабарды⁵. Особое значение для кабардинских князей имел основной северокавказский торговый путь из Закавказья, через Дагестан и Кабарду – в Крым и Азов. Участие в транзитной торговле и последующее перераспределение редких и престижных товаров среди своих вассалов укрепляло иерархические связи внутри удельных княжеств.

Уязвимые границы. Второй важный фактор – уязвимые, или «пористые» пограничные пространства по всему периметру страны. Они создавали серьезные угрозы как для внутривотчинной стабильности Кабарды, так и для ее суверенитета. С одной стороны, границы были уязвимы для внешних вторжений, с другой – это обстоятельство облегчало задачу беглым крепостным. Первой и важнейшей из стоявших перед кабардинской аристократией проблем выступала низкая плотность населения. Она препятствовала организации обороны границ и формированию административных и экономических центров. Вторая проблема заключалась в том, что характер хозяйственной деятельности вассальных народов нуждался в предгорных и равнинных пастбищах, находившихся под контролем кабардинских феодалов, что затрудняло установление четких пограничных линий. И, наконец, этнополитическое разнообразие земель, лежащих за пределами исторического ядра Кабарды, сталкивало власти с угрозой нестабильности в приграничных регионах – зонах «фронтира». По верному замечанию Оуэна Латтимора, народы фронтиров демонстрировали «феномен двойственной лояльности и склонность вставать на сторону победителя»⁶.

Исследователи, разрабатывавшие теории государственного распада, сближаются во мнении о том, что чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции⁷. Принцип чрезмерного расширения с точки зрения нагрузки, связанной с передвижением и обеспечением войск, в случае Кабарды особенно нагляден. Контроль над пограничными пространствами (между княжескими уделами, между княжествами и этнополитическим ареалом внутри страны, между Кабардой и соседними государствами) настоятельно требовал численного роста дворянства, достигавшего к середине XVIII в. от четверти до трети населения страны. Другим важным фактором, ведущим к распаду государства, называют геополитический принцип, согласно которому государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию с течением времени дробиться на более мелкие единицы⁸. Кабарда, располагавшаяся в центре Северного Кавказа, с конца XV в. имела союзников и врагов на многих фронтах. Эта ситуация благоприятствовала дипломатии баланса сил, в которой формировалась оборонительная коалиция против любого усиливавшегося удельного княжества. В данном контексте особенное звучание приобретает фундаментальный принцип геополитической экспансии: «окраинное» преимущество способствует территориальной экспансии – государства, имеющие врагов на меньшем количестве фронтов, расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем количестве границ⁹.

Политическая история Кабарды первой половины XVIII в. – яркий тому пример, поскольку здесь влияние географии ощущается особенно сильно. Княжества Большой Кабарды (владения Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых, разделившиеся к началу XVIII в. на Бекмурзиных и Кайтукиных), имея «тыловую стену» – естественные препятствия в виде близости к Главному Кавказскому хребту, глубоких рек и непроходимых лесов, располагали возможностью сосредотачивать свои силы на меньшем количестве направлений. Так, к примеру, кабардинский посол в Российской империи, Магомет Атажукин на аудиенции у вице-канцлера А.И. Остермана, состоявшейся 7 марта 1732 г. в Санкт-Петербурге, в Коллегии иностранных дел, особо подчеркивал: «Для обороны от неприятелей Большая Кабарда весьма крепка, понеже по обеим сторонам реки Баксана, по берегам, превысокие каменные горы, на которых и жилища свои они имеют по обеим сторонам реки Баксана. А за теми горами по обе стороны на низких местах поселены деревни, где... хлеб сеют. Во время неприятельского нападения ис тех деревень... народ, оставя деревни, уходят в вышеписанные ж горы»¹⁰. В «Описании кабардинского народа», подготовленном в КИД в мае 1748 года, на основе всех доступных в то время источников, прямо указывалось на то, что «Баксан изо всех при Кавказских горах лежащих мест почитается за крепкое, хлебородное и скотопажитное место»¹¹. В то время как Восточная Кабарда (владения Гелехстановых, Идаровых и Таусултановых) под ударами многочисленных врагов ослабла настолько, что получила основание для применения к ней эпитета «Малая»¹², в частности, удельное княжество Идария уже в начале XVIII в. исчезло с политической карты Северного Кавказа. С конца 1719 г. правящая элита Кабарды раскололась на две враждующие группировки – Баксанскую и Кашкатаускую. Их противостояние, усугублявшееся вмешательством Крымского и Калмыцкого ханств, Османской и Российской империй, в конце концов привело к ее государственному распаду, законодательно оформленному на съезде сословно-представительного учреждения – хасе – в октябре 1753 г.

Полиэтничность. С проблемой «пористых» границ тесно связана проблема полиэтнической структуры кабардинского государства. С конца XV в., по мере того как кабардинские княжества ради приобретения новых ресурсов и обеспечения безопасности расширяли свои границы, страна постепенно стала представлять собой пояс территориально-политических образований, окружавших внутреннее этническое ядро. Причем таких образований было гораздо больше, чем вассальных этносов, и они проявляли тенденции к дальнейшему дроблению и обособлению. Например, только на территории проживания балкарцев к середине XVIII в. насчитывалось пять обществ, фактически независимых друг от друга.

На протяжении XVI – первой трети XVIII в. горцы Центрального Кавказа неизменно были заинтересованы в существовании сильной Кабарды, поскольку именно она принимала на себя первый удар в случае иноземного вторжения, а территория кабардинских удельных княжеств прикрывала подходы к границам вассальных народов. Подобная расстановка сил и интересов наблюдается практически неизменно вплоть до Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., когда Россия нанесла непоправимый удар военно-политическому могуществу Крымского ханства, а Османскую империю вынудила признать независимость Кабарды.

Отстаивая свои интересы на Кавказе, Российская империя формально отстаивала независимость Кабарды, что на деле обернулось для нее полной деградацией политической культуры ее государствообразующего этноса – кабардинцев. Отсутствие даже отдаленной внешней угрозы окончательно оттолкнуло кабардинские удельные княжества друг от друга, подорвав тем самым устоявшийся в регионе геополитический порядок. Первым предвестником грядущих потрясений явились инициированные российскими властями обращения старшин народов Кабарды (осетин, ингушей и чеченцев) в Санкт-Петербург с просьбой о принятии в российское подданство. Тем самым обороноспособность кабардинских удельных княжеств была поставлена под смертельную угрозу. Высокогорья Центрального Кавказа, служившие на протяжении веков надежным укрытием для людских и материальных ресурсов Кабарды, становились теперь малодоступны. На короткий период легитимное положение кабардинских князей там восстанавливалось, но их же правонарушения вновь и вновь обостряли обстановку. Осознание опасности сложившейся ситуации пришло слишком поздно, приглашение на общекабардинские хасы 50-х гг. XVIII в. феодалов вассальных народов ничего уже не могло изменить. Российское подданство обещало прямые и конкретные выгоды, а кабардинское воспринималось как тяжелое и непосильное бремя. Традиционная для кабардинской аристократии в XVI – начале XVIII в. функция защиты народов Предкавказья от нашествий кочевого мира теперь, когда наступательная сила татар, ногайцев и калмыков была подорвана, обернулась банальным грабежом. Потеряв геопозиционные преимущества, кабардинские удельные княжества утратили даже иллюзорные надежды эффективно противодействовать российской регулярной армии, что наглядно проявилось на начальном этапе вековой Кавказской войны.

Исключительно высокая закрытость культуры. Сначала своего возвышения, с конца XV в., Кабардинское государство располагалось как географически, так и в культурном плане на периферии двух великих культур: мусульманского мира в лице Османской и Персидской империй и православного мира со стороны Московского государства и царств Грузии. Вза-

имоотношения с этими культурными регионами были крайне противоречивыми: войны сменялись торговлей, заключением браков между представителями элиты, культурными заимствованиями. Подвергаясь неприятельским вторжениям, утрачивая часть своих территорий и даже переживая завоевание, кабардинцы никогда не были полностью абсорбированы ни одной из граничивших с ними великих культур. Они сопротивлялись попыткам Москвы обратить их в православие; отбили вооруженный натиск османов, крымских татар, ногайцев, калмыков и отстаивали свою культурную независимость, которую условно можно свести к формированию универсального мировоззренческого и этического комплекса представлений и правил – адыгэ хабзе и уорк хабзэ. Социальный этос военной знати Кабарды объединял его с феодалами сопредельных стран. Поскольку на всем Евразийском континенте рыцари разделяли общие ценности: благородное происхождение, высокое социальное положение, военное мастерство, мужество, любовь к войне, радость охоты то, надо полагать, общность мировоззрения во многом упрощала процесс обсуждения условий перемирий и мирных договоров, перехода в вассальную зависимость и заключения союзов. Но он же в конечном счете привел к стагнации адыгского мира, наглядно демонстрировавшейся уже тем обстоятельством, что со времен Дж. Интериано, который еще в XV в. досконально описал общественный строй адыгов и оценил его как феодально-аристократический¹³, социально-политическая структура адыгского общества не претерпела существенных изменений. Обращая на это внимание и считая такое положение вещей самой существенной и во многом парадоксальной особенностью адыгской истории, В.К. Гарданов указывал, что с середины XV в. по середину XIX в. в Европе капитализм стал господствующим общественным укладом, в то время как феодализм в Черкесии сохранил структурно-типологические особенности, характерные для XV в.¹⁴

Наиболее ярко симптомы упадка традиционных ценностей кабардинского феодального общества проявились в цикле фольклорных произведений, относящихся к Джабаги Казаноко, выдающемуся политическому и общественному деятелю Кабарды, оказавшему влияние и на духовную культуру соседних народов. Устная народная традиция приписывает ему заслуги в изобретении оригинальных и эффективных способов мирного урегулирования княжеских междоусобиц; в ограничении кровной мести и выведении «цены крови», борьбе с некомпетентностью судей и остроумном разрешении сложных судебных споров; предотвращении произвола властителей и мудром содействии своему сюзерену в политических делах; достойном представительстве адыгских интересов на внешнеполитических мероприятиях; противодействии разорительным набегам крымских войск; многочисленных случаях заступничества за трудовой народ, разрешении противоречий в системе феодального вассалитета, отмене устаревших правовых норм, а также во многом другом. Однако если рассматривать приписываемые Джабаги Казаноко достижения в контексте реальных социальных процессов в адыгском мире в первой половине XVIII в., становится очевидным, что его образ, сложившийся в народном сознании и сохраненный фольклорной традицией, впитал в себя всю совокупность тех общественных ожиданий, которые так и не удалось реализовать в адыгам на данном историческом этапе.

Фигуры верховных князей Кабарды: талантливого полководца Кургоки Атажукина, опытного дипломата Исламбека Мисостова, непредсказуемо-

по стратега Асламбека Кайтукина, и конечно, известного мыслителя, узденя Джабаги Казаноко – не должны заслонять от нас того факта, что усилия ее правителей преодолеть геокультурные проблемы оказались тщетны. Могущество Кабарды покоилось на зыбком фундаменте.

Примечания
(Endnotes)

1. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 119; Бгажноков Б.Х. Этика Ж. Казаноко... С. 34; Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 30.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. 2 т. (Далее. – КРО). М., 1957. Т. 2. С. 194–196; Гарданов В.К. Общественный строй... С. 78; Он же. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1965. С. 82–83; Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 64; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1973. С. 95; Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С. 55; Налоева Е.Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 73.
3. Гарданов В.К. Общественный строй... С. 112.
4. Зевакин Е.С. Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. Т. V. С. 368–447.
5. Вернадский Г. К истории колонизации Азовского побережья: азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701 гг.), хранящиеся в архиве Таврической губернской архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1920. № 57. С. 249–296.
6. Lattimore O. The New Political Geography of Inner Asia. P. 165–167.
7. Boulding Kenneth. Conflict and Defens. N.Y., 1962. P. 227–276; Collins Randall. Long-Term Social Change and the territorial Power of States // Resarch in Social Movements, Conflicts and Chandg. 1978. P. 1–34; Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y., 1987; Luttwak Edward. The Grand Strategy of the Roman Empir: From the First Century A. D. to the Third. Baltimore, 1976; Stinchcomb Arthur L. Agricultural Enterprise and Rutal Class Relations // American Journal of Sociology. 1961. P. 218–230.
8. Morgenthau Hans J. Politics among Nations. N.Y., 1948; Ciplin Robert. War and Chandg in World Politics. N.Y., 1981.
9. McNeill William H. The Rise of the west: A History of the Human Community. Chicago, 1963.
10. КРО. Т. 2. С. 61.
11. Там же. С. 160.
12. Бгажноков Б.Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметрия) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик 2005. Т. II. С. 72; более подробно см.: Кокиев Г.А. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 536–563; Бгажноков Б.Х., Рахаев Дж.Я. Падение Идари // История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 82–91.
13. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых адыгами // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов. Изд. подгот. В.М. Аталиков. С. 31–32.
14. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 127.

А.В. Сивер
(г. Новороссийск)

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
ПО ИСТОЧНИКАМ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Этническая история адыгских народов всегда будет представлять научный интерес, поскольку ее содержанием является формирование и развитие по-своему уникального суперэтноса, в разное время состоявшего из разных этнотерриториальных и этнокультурных сообществ, прекрасно понимавших разницу между собой, но неизменно сохранявших и сохраняющих единое самосознание и имеющих одно на всех имя – **адыги** (синоним – **черкесы**).

Практически никто сегодня не может усомниться: адыгская общность сформировалась на той территории, которую занимает и ныне, в результате консолидации автохтонного населения. Но для определения механизмов и, главное – хронологии этой консолидации, необходимо комплексное привлечение различных источников.

Общепризнанным «удостоверением» народа, свидетельством о его существовании является этноним – самоназвание (декларация самих членов сообщества о своем единстве и отличии от других), либо экзоэтноним – имя, данное другими народами. В любом случае термин фиксирует наличие народа в пространстве и во времени. В этом отношении мы можем рассчитывать на письменные источники, при использовании которых необходимо иметь в виду следующие замечания. Не следует предъявлять слишком жесткие требования к древним информантам, рассчитывая на их полностью адекватное изложение мета- и субэтнической структуры описываемого ими региона. Во-первых, в старину она была иной, чем сейчас, а именно: более сложной и во многом не совпадающей с нашими нынешними представлениями. Во-вторых, следует учитывать, что древним наблюдателям было мало дела до того, фиксируют ли они крупную метаэтническую общность или маленькое, но автономное племя. Равным образом они могли игнорировать как этноним, означающий подразделение крупного массива, так и общее название для нескольких народов. Поэтому, даже если доказана идентичность античного или средневекового этнонима современному, это не обязательно указывает на идентичность общностей, носивших это имя тогда и носящих его ныне.

Исходной точкой наших изысканий должно стать сообщение Д. Интериано, датируемое концом XV – началом XVI в. и содержащее три синонимичных имени одного народа: экзоэтноним от западных соседей – «**зихи**», от восточных – «**черкесы**» и (впервые в литературе) самоназвание – «**адыгэ**»¹. Здесь не в чем сомневаться, ибо два из трех указанных терминов, а именно – «адыгэ» и «черкесы», в тех же значениях самоназва-

ния и экзоэтнонима используются по сей день. При этом, поскольку слова «зихи» и «черкесы» встречается у более ранних авторов, логично сделать вывод, что и этноним «адыги» много старше своего первого упоминания.

Если обратить внимание на термин «зихи» и попытаться проследить его историю, можно получить любопытные результаты. Это слово включено античными авторами в этнонимическую номенклатуру древнего Причерноморья, в которой возможно выделить две основные группы. Первую составляют этнонимы, эпизодически возникающие в некоторых источниках: тореты, фтирофаги, макропоны и др. Вторая группа более стабильна во времени; составляющие ее этнонимы (керкеты, ахеи, зихи, гениохи) присутствуют практически во всех описаниях почти в одной и той же последовательности. Причиной подобного различия видится то, что в первом случае мы имеем дело с частными названиями мелких племен или горных «обществ», а во втором – с собирательными этнонимами или названиями племенных объединений, которые могут «перекрывать» этнонимы первой группы (Рис. 1).

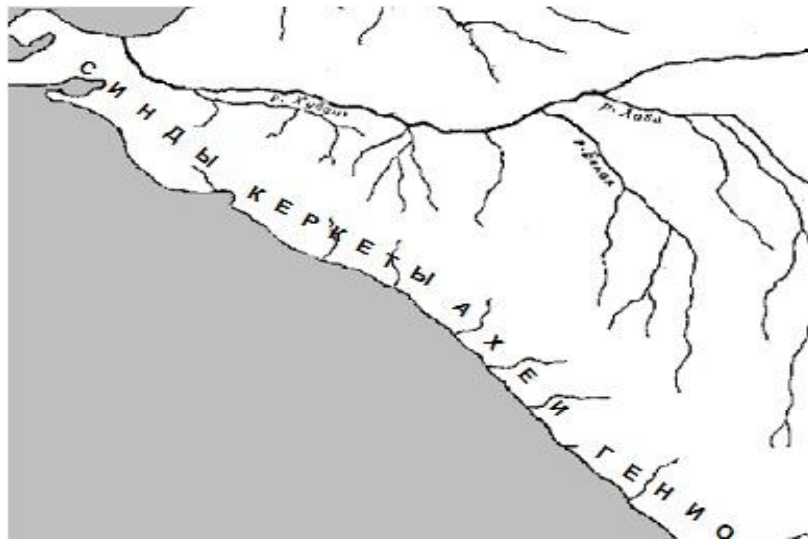

Рис. 1. Черноморское побережье согласно Артемидору
(II в. до н. э.); составлено автором

Любопытно также отметить, что этнонимы первой группы даются либо в ираноязычной (скорее всего), либо в греческой интерпретации, т.е. наверняка являются экзоэтнонимами, в то время как вторая группа за исключением керкетов представлена (опять-таки, скорее всего) исключительно самоназваниями.

В этом контексте этноним *зих* (*зыхэ* – «народ одной земли»?) возникает на рубеже II–I вв. до н. э. как общее самоназвание племен, расположенных на границе земель ахеев и гениохов (район Сочи)³. Непокойное время столкновения интересов понтийского царя Митридата VI Евпатора (132–63 до н.э.) и Римской республики, ареной которого стал в том числе Черноморское побережье Кавказа, вдобавок упадок Боспорского царства, – требовали от местного населения конкретизировать свое самоопределение. Выражением этого и стало появление термина *зыхэ*. Впоследствии это самоназвание становится все более популярным и через несколько

веков оказалось единственным определением населения немалой части Северо-Западного Кавказа, примыкающей морскому берегу, а в дальнейшем – для многих европейских источников – и всего адыгского массива.

Еще более дестабилизирующие процессы V–VI вв.⁴ привели к появлению в горах и, возможно, предгорьях Северо-Западного Кавказа объединения, члены которого называли себя *кас* (рус. *касоги*), т.е. «братья» или «побратимы» (*кас/къуэш* – один из вариантов этимологии⁵). Есть вероятность, что касоги – «хаскуны» – известны грузинским хронографам с VI в.⁶ А.В. Гадло относит появление касогов в источниках к VIII в.⁷ Впрочем, археолог А.В. Пьянков⁸ сомневается в обеих версиях, полагая первым аутентичным упоминанием о касогах известие ал-Масуди (X в.).

Нарративный материал представляет взгляд как бы «извне», между тем как нам должна быть интересна также «внутренняя» точка зрения. Но до XX в. адыги и их предки не знали письменности. Бесписьменная же культура, используя отличные от письменной формы коллективной памяти⁹, роль, отводимую в письменной традиции хроникам и историческим произведениям, отдает легендарной традиции. Разумеется, бессмысленно искать в многочисленных вариациях легенд прямые указания на конкретные события, как того можно было бы ожидать от летописей, однако, при надлежащем анализе, легенды могут не только многое поведать исследователю, но и существенно дополнить наши представления о прошлом, черпаемые из письменных источников.

«Народные предания, – сетовал Хан-Гирей, – конечно, не могут быть выдаваемы за истинные известия, как бы они ни были основательны; но как других известий нет в Черкесии о начале сих племен, то мы должны по необходимости повторять их, очистив, сколько возможно, от грубого баснословия»¹⁰. По тому же поводу изъяснился А.-Г. Кешев (Каламбий): «Нельзя не придавать весьма важного значения в деле истории так называемым живым источникам. Они ложатся первым камнем в основании истории всякого народа. Письменные памятники, как создание позднейшей эпохи, обнимают собою сравнительно небольшое пространство времени и неполны без них. Тем не менее пользоваться ими нужно с большою осторожностью. Необходимо сверить тщательно бесчисленные варианты одного и того же исторического предания, существующие в народе, и выбирать из них то существенное, в чем все они согласны»¹¹.

С этой точки зрения интересна большинство этногенетических легенд, в том числе на Северо-Западном Кавказе, что представляют собой патронимические родословные, т.е. их сюжет заключается в генеалогии князей, предводителей или другого рода персонажей – патронимов (эпонимов, этнархов), имена которых становятся названиями племен. Эти легенды позволяют нам дополнительно понять значение имени Кес, которое практически независимо от вариантов источника легенды носит тот или иной первопродок адыгского суперэтноса¹².

Расширение географии объединения кесов–касов имело результатом обширную Касахию Константина Багрянородного (Рис. 2)¹³. От корня *кас–кес* образовались ираноязычные (*касог/кашак, касгон*) и тюркоязычные (*черкес*) варианты. Касательно *черкесов*, таким образом, наиболее правдоподобной следует признать версию В.Ф. Минорского: *жар-кас – жар-кас* («четыре [клана] Кес»)¹⁴. Ко времени появления этого термина касоги объединяли обширные пространства бассейна Кубани и у них начались интеграционные процессы с зихами. Но ни процесс внутрикасожской, ни процесс касожско-зихской интеграции (как и внутризихской) логического

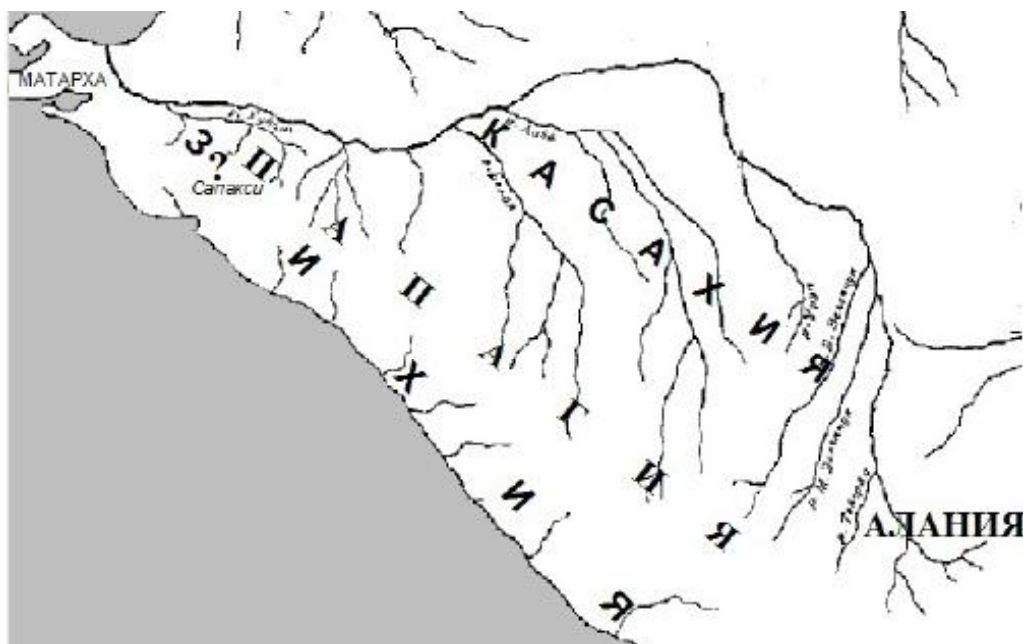

Рис. 2. Этническая карта Северо-Западного Кавказа по Константину Багрянородному; составлено автором

Почетное место (и недаром) в легендарном ряду занимает родословная княжеских династий Темиргоя, Бесленея и Каба'рды во главе с общим прадедом – великим Иналом. Разбор многочисленных вариаций на тему Иналовой легенды¹⁵ приводит к выводу, что перед нами – зафиксированное в устной традиции воспоминание о времени этнополитической консолидации ранних адыгов с последующим распадом недолго существовавшей державы, что и стало основой формирования будущих подразделений единого суперэтноса.

Остается определить время этой консолидации; но сделать это, «вычислив» время жизни легендарного Инала, практически невозможно, поскольку следует признать, что образ этот собирательный и объединяет черты нескольких реальных персонажей, включая «главного», т.е. исторического Инала. Тем не менее повторяющиеся детали легенд весьма красноречивы; например, решающая роль византийского императора в появлении Иналова рода на Кавказе указывает на то, что корни легенды уходят в Средневековье, когда авторитет и значение Восточной Римской империи на Северном Кавказе были достаточно велики. С другой сторо-

ны, легенда содержит сюжет разделения племен и княжеских родов, что совпадает с известием Ал-Масуди о черкесах, которые до самого моря являются одним народом, но не имеют общего царя. Таким образом, этноним с корнем *кас/кес* должен быть старше этого свидетельства, которое явно намекает на распад некогда единого целого¹⁶.

На это, кстати, можно возразить, что Масуди мог объединить зихов с касогами подобно тому, как в XIX в. одни авторы всех коренных насельников Северо-Западного Кавказа, а то и вообще всех кавказских горцев называли черкесами, а другие объединяли под одним этнонимом «абазы – абхазы» весь адыго-абхазский массив. Но «ошибка» Масуди иного рода, ибо дублируется многими современниками. Так, хазарский царь Иосиф, живший в X в., относил «стану Каса», т.е. Страну касогов, к сфере влияния Хазарского каганата¹⁷; что же касается страны (или народа) Зуних, упомянутого Иосифом в той же связи, то Н.К. Коковцев возражает против общепринятой трактовки его как народа зихов (главным образом, вследствие нарушения географической последовательности списка данников каганата) и видит в нем кумыков¹⁸. Получается, что в тексте Иосифа зихов либо вовсе нет, либо они «скрыты» в общем с касогами имени. О том же свидетельствуют и русские летописи в XI в.: «...примечательно, что русские источники, известия которых о Кавказе были непосредственно связаны с информацией, шедшей из Тмутарокани (Таматархи), соседней зихам, также не знали их имени. Для обозначения адыгов они использовали тот же термин, который был известен хазарам и арабам: *каса/кашак/касогои*»¹⁹. При этом зихов и касогов воспринимают как единое целое те, кто с ними теснее контактирует, между тем в Константинополе, напротив, понимали различие между ними.

Дополнительно объяснить это могли бы данные археологии. Обращает на себя внимание смена археологической ситуации в период господства Хазарского каганата (VIII–X вв.) и последующую эпоху, до монголо-татарского нашествия (X–XIII вв.). С VIII в. возрастает количество погребений, использующих метод кремации (трупосожжения) (Рис. 3); меняется и суть обряда: используется урна для праха; тело сжигают в одном месте, а горшок-урну с обугленными костями закапывают в другом; часто практикуется ритуальная порча погребального инвентаря – эти и другие детали отличают кремации VIII–XIII вв. от кремаций III–VII вв.²⁰ При этом погребения методом ингумации (трупоположения) не только сосуществуют с кремационными в пределах одного археологического периода, но и непосредственно соседствуют в биритуальных могильниках.

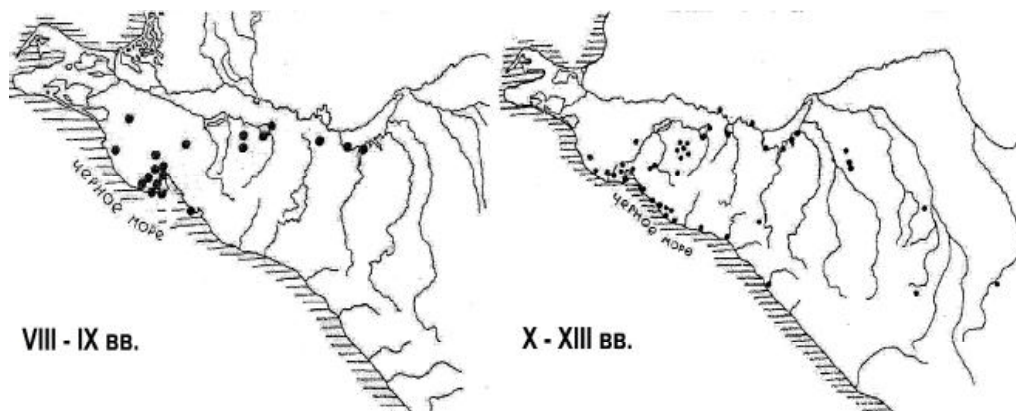

Рис. 3. География закубанских кремаций по А.В. Пьянкову

Особо обратим внимание на то, что «...характерной чертой биритуальных могильников является единство материальной культуры при различии в обряде»²². География же таких могильников подтверждает продолжение и усиление тенденций культурной унификации побережья и предгорий, зафиксированной Анфимовым²³ для предшествующего периода, к тому же дополненной внешним влиянием.

В.А. Тарабанов и А.В. Пьянков заметили, что кубано-черноморские кремационные погребения по основным чертам сближаются с аналогичными погребениями Среднего Подонья (в частности, бассейна Северского Донца) времен салтово-маяцкой культуры²⁴. Признаки проникновения в Закубанье кочевников, впоследствии оседавших на нем, видел в археологической ситуации рассматриваемого периода и А.В. Гадло; а именно: в распространении в Восточном Предкавказье зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры, а в Западном – возникновение крупных полиэтнических поселений, в частности, Таматархи (Тмутаракани)²⁵. Как практически и все остальные, А.В. Гадло связывал это с хазарской территориальной и культурной экспансией. Следует, однако, иметь в виду, что и материальная, и духовная составляющая «салтово-маяцкой» культурной периферии на Кавказе может быть результатом не только и даже не столько этнодемографических процессов, но и культурных инноваций.

Таким образом, анализ археологических данных может представить нам дополнительный материал для реконструкции этнических изменений процессов на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе: этническую интеграцию сопровождала культурная унификация в условиях культурного влияния кочевой степи, но влияние это не означало столь же сильной этнодемографической экспансии.

Следует понимать, что хотя процесс консолидации адыгов действительно выглядит «дискретно»²⁶, т.е. прерывисто, но интеграционные тенденции в эти «перерывы» не исчезали, просто опускались на более низкий уровень – чем прочнее были связи между локальными группами, тем больше друг от друга отделялись местные «племена» (и наоборот). При этом этническая история соотносилась с политической: субинтеграция «племен» и укрепление местной княжеской власти подкрепляли друг друга. И вполне возможно, что в случае с Зихией, Папагией и Касахией Константина Багрянородного мы имеем дело не только и не столько с этнотерриториальными, сколько с этнополитическими названиями.

Итак, картина предстает следующая. На протяжении столетий культурное взаимодействие и политические процессы на Северо-Западном Кавказе находили проявление в постепенной интеграции местных племенных групп. На Черноморском побережье интеграция эта наблюдаема с первых веков нашей эры под общим этнонимом *зихи*. К рубежу Средневековья обозначилось формирование союза Каса в Закубанье. Оба процесса, подкрепляемые культурным взаимодействием побережья, прикубанского плоскогорья и кочевой степи, достигли пика в VIII–IX вв., выразившегося в формировании зихо-касожского суперсоюза («державы Инала»). Именно в этот момент формируется единое самосознание новой общности, является общее самоназвание (адыгэ) и общие экзоэтнонимы (черкесы, касоги, зихи). Однако, разделив судьбу всех феодальных держав, этот союз быстро (к X в.) распался, создав базу для формирования будущих «племен».

Примечания
(Endnotes)

1. *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА). Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 46.
2. *Страбон.* География. В 17 кн. М., 1964. С. 471.
3. Там же.
4. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 179. С. 6–70.
5. *Кафоев А.Ж.* Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик, 1999. С. 13..
6. *Джавахишвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиани // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
7. *Гадло А.В.* Указ. соч. С. 75.
8. *Пьянков А.В.* Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы по исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып.1. С. 199–200.
9. *Лотман М.Ю.* Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культур. Таллин: Александр, 1992. С. 102–109.
10. *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 202.
11. *Каламбий (Адилъ-Гирей Кешев).* Указ. соч. С. 238.
12. См.: *Ногмов Ш.Б.* История Адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 94; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк Черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 66; *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2. Земля Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 57, 58; Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.). Нальчик: Изд. Отд. КБИГИ, 2012. С. 15.
13. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. С. 175.
14. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 236,
15. См.: *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 93–96; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 т. Т. 1. XVI–XVII века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» – ИЦ «Эль-Фа», 2006. С. 606–607; *Черкасский Б.* О роде князей Черкасских // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. № 7. Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2003; *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи // АБКИЕА. С. 22; *Людье Л.Я.* Черкессия: Историко-этнографические статьи. Краснодар: Изд. Об-ва изучения ААО и Адыгейского обл. историко-этнографического музея, 1927. С. 12; *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 66–67; *Кодзоков Д.С.* Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Лл. 13–17 об; *Озова Ф.А.* К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнография Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2012. Вып. 1. С. 135–136; *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Нальчик: Полиграф-Юг, 2010. С. 129–131; *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию Русского правительства Юлиусом Клапротом, придворным советником Его Величества, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. Нальчик: Эль-Фа, 2008. С. 106; *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 198 и др.
16. *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 236, 237.
17. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 101–102.
18. Там же. С. 104.
19. *Гадло А.В.* Этническая история народов Северного Кавказа X–XII вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 26.
20. *Пьянков А.В.* Касоги–касахи–кашаки письменных источников ... Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 204.
21. *Пьянков А.В.* Указ. соч. С. 209–210.

22. Джигунова Ф.К. Социальная и половозрастная градация раннесредневековых погребений на территории Закубанья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. «Религиоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология». Майкоп: АГУ, 2007. Вып. 1. С. 18.
23. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и Средние века. М., 1980. С. 109–111.
24. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.: Ин-т археологии РАН; ТАУС, 2008. С. 295.
25. Гадло А.В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 35–38.
26. Озова Ф.А. Указ. соч. С. 150.

А.Ю. Скаков
(г. Москва)

**ТРАНСКАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ
НА ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

Как своего рода аксиома, не требующая доказательств, утвердилось в российской археологии представление о существовании самостоятельных, обособленных и развивающихся независимо друг от друга кобанской и колхидской культур эпохи поздней бронзы – раннего железа на Кавказе. Формирование такого подхода в некоторой степени было обусловлено историей обнаружения и ввода в научный оборот древностей, связываемых с этими культурами. Как известно, Кобанский могильник был открыт в 1869 г., первая попытка интерпретации его материалов относится к 1878 г.¹ Древности «кобанского типа» из Чечни (Воздвиженская) и современной Кабардино-Балкарии (Каменный мост и «Баксанские укрепления») обнаружены еще раньше, в 1844, 1850² и 1849, 1850³ гг. Гораздо меньше повезло «колхидским» древностям. Античные и раннехристианские памятники региона «заслонили» в глазах исследователей более ранние материалы, единичные сообщения о находках которых оставались незамеченными (к примеру, сообщение А.А. Миллера 1909 г. о находке бронзового орнаментированного топора в сел. Ачандара⁴). Планомерный ввод «колхидских» древностей в научный оборот начался только в 1920–1940-х гг., тот есть почти с полувековым запаздыванием относительно «кобанских». Кроме того, на разграничение кобанской и колхидской культур определенное влияние оказали и межреспубликанские и межгосударственные границы, а также фактор Главного Кавказского хребта, непроходимой, как казалось, стеной отгораживающего Северный Кавказ от Южного.

Традиционно считается, что весь огромный регион Западного Закавказья был занят колхидской культурой. При этом необходимость «дробления» колхидской культуры, собственно говоря, ни у кого не вызывает сомнений и возражений. Вопрос только в том, будет ли это «дробление» осуществляться путем выделения самостоятельных, пусть и родственных культур, или же дело ограничится выделением локальных вариантов единой колхидской культуры. Выделение новых культур, производимое, достаточно часто, по ограниченному набору памятников, не может не вызывать справедливых сомнений. С другой стороны, как в свое время отмечал Л.С. Клейн, «все же более плодотворно идти на риск лишнего дробления культуры (свести потом адекватные части воедино не сложно), чем на риск недостаточной дифференциации (при которой чужеродные явления будут смешаны и усреднены)»⁵. Обращает на себя внимание и то, что практически все используемые на сегодняшний день определения археологи-

ческой культуры одинаково могут быть применимы и к археологической культуре, и к культурно-исторической общности (или историко-культурной области, или к историко-культурному району), и к локальному варианту археологической культуры.

Анализ археологических памятников Западного Закавказья и самостоятельные работы в регионе (2002–2013) побуждают нас отказаться от предлагаемого вначале выделения локальных вариантов колхидской культуры⁶ и говорить о выделении самостоятельных археологических культур в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности⁷ (Рис. 1). В противном случае нам пришлось бы выделять локальные варианты в локальных вариантах, что, безусловно, является нонсенсом. При этом, бесспорно, выделяя новые культуры, не следует забывать о существовании безусловного культурного единства в рамках кобано-колхидской общности. Гипотеза о существовании в эпоху поздней бронзы – раннего железа кобанской (у ряда авторов) или кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяется ряд самостоятельных, хотя и родственных культур⁸, не является пока общепринятой, но в то же время не встречает хоть какой-либо обоснованной критики и постепенно обретает новых сторонников, придерживающихся её в той или иной форме⁹. На территории Западного Закавказья нами, как было обосновано в ряде работ, выделяется несколько самостоятельных археологических культур (бзыбская, бнгури-рионская, лечхумо-имеретинская), входящих в кобано-колхидскую культурно-историческую общность. Соответственно, для Северного и Центрального Кавказа можно трактовать локальные варианты кобанской археологической культуры как самостоятельные, хотя и родственные культуры. Кроме того, памятники Южной Осетии, резко отличающиеся по своему керамическому комплексу от памятников круга Кобанского могильника, также должны рассматриваться как самостоятельная археологическая культура.

Картографирование ряда типов инвентаря, характерных для кобано-колхидских древностей, показывает их несоответствие границам той или иной археологической культуры, говорить ли о кобанской и колхидской культурах, или же рассматривать локальные варианты этих культур как самостоятельные культуры. Достаточно продемонстрировать карты распространения нескольких разновременных типов – полуовальных пряжек со спиральным орнаментом¹⁰ (Рис. 2), кинжалов с цельнолитым навершием¹¹ (Рис. 3), кинжалов с серповидным навершием¹² (Рис. 4), «пекторалей»¹³ (Рис. 5), четырехшишечных подвесок трех типов¹⁴ (Рис. 6–8), колокольчиков «казбекского» типа¹⁵ (Рис. 9), катушкообразных подвесок¹⁶ (Рис. 10). Видимо, это свидетельствует о наличии кобано-колхидского культурного единства¹⁷, о наличии кобано-колхидской культурно-исторической общности, существование которой уже предполагалось рядом исследователей (Ю.Н. Воронов, Л.Н. Панцхава, Л. Сулава, Р. Папуашвили)¹⁸.

Выявление маршрутов, связывающих Северный и Южный Кавказ в эпоху поздней бронзы – раннего железа, затруднено как почти полным отсутствием письменных источников, так неравномерной изученностью горных районов Кавказа. Господствующее ранее представление об определяющей роли Дербентского прохода, Крестового перевала и так называемой «Меотидо-Колхидской» дороги опиралось лишь на буквальное прочтение немногочисленных источников. Кроме того, приоритет этих маршрутов, а также путей через Клухорский и Марухский перевалы, имел своей ос-

новой экстраполяцией на древность той ситуации, которая сложилась на Кавказе в течение двух последних столетий. Чисто археологические данные при этом учитывались в крайне незначительной степени. На наш взгляд, ситуация с пересекающими Главный Кавказский хребет коммуникациями в древности была значительно более сложной¹⁹.

Формирование кобанской культуры (вернее, культур), очевидно, происходило в условиях постоянных и тесных контактов между горскими племенами, степными культурами и населением центральной части Закавказья. Особенно отчетливо закавказский импульс заметен в протокобанской металлообработке. На наш взгляд, мнение В.А. Ростунова о «почти полном отсутствии» в этот период связей с населением Закавказья²⁰ ошибочно. Уверенно выделяется несколько локальных центров протокобанской эпохи (конец III–II тыс. до н.э.*), взаимодействие которых привело к формированию нового культурного пространства, отличающегося высокой степенью единства. Это Рача-Дигория-Балкария, Восточная Осетия (Чми), Южная Осетия (Тли, Стырфаз, Квасатали). В то же время уже в первой половине – середине II тыс. до н.э., кроме функционировавших и ранее (хотя и, возможно, с перерывами) маршрутов по направлению юг-север, намечается активизация связей по направлению юго-запад – северо-восток между современной Абхазией (средний слой дольменов), Сванетией и горными районами Северной Осетии и Балкарии. Индикаторами²¹ этого пути являются находки топоровидных наверший (Бармыш и В. Эшера в Абхазии, Дигория)²², наверший с тремя бараньими головками (В. Эшера, Дигория, Тли)²³, булавок с навершием типа «павлинье перо» (Кала в Сванетии, Дигория, В. Кобан)²⁴, каменных распределителей-пронизей с кольцевым орнаментом (Дигория, Богреши в Сванетии, Пичори, Носири)²⁵, характерного для дольменных материалов Абхазии крюка с раскованной втулкой (Мсхлеб в Южной Осетии) и т.д. К птицеобразным подвескам-застежкам (В. Эшера) восходят, по нашему мнению, кобанские подвески в виде птичек. Таким образом, связи по этому направлению явно носили двусторонний характер.

На рубеже II–I тыс. до н.э. в Колхиде, особенно в её северных и северо-западных районах, прослеживается мощный импульс из региона Центрального Кавказа, следствием чего стало формирование к IX в. до н.э. Бзыбской и Ингури-Рионской колхидских культур. При этом, если для формирующейся Бзыбской культуры можно говорить об определяющем влиянии раннекобанской металлообработки (центрально-кавказское влияние на керамический комплекс и погребальный обряд не прослеживается), то для Ингури-Рионской культуры можно предполагать миграцию в этот регион группы раннекобанского (или протокобанского) населения. На это указывают как центрально-кавказский облик металлического инвентаря, так и распространение здесь нового погребального обряда (коллективные кремационные погребения), неизвестного в более ранний период и находящего аналогии на Северном Кавказе (Верхняя Рутха и др.). Заметная группа практически аналогичных по обряду и, отметим, близких по инвентарю погребальных памятников давно и хорошо известна в Кабардино-Пятигорье, на Северном Кавказе. Ранее мы допускали, что кремация проникает в Центральную Колхиду именно оттуда, не в VII–VI вв. до н.э., как предполагала В.И. Козенкова, а в X–IX или в IX – первой по-

* Эта новая датировка, отличающаяся от принятой ранее (третья четверть II тыс. до н.э.), была обоснована в ряде работ автора этих строк, Р.А. Мимохода и некоторых других исследователей.

ловине VIII в. до н.э.²⁶ Теперь же, после обнаружения раннего (XIII–XI вв. до н.э.) кремационного погребения на Джантухском могильнике²⁷, картина изменилась. Западнокобанские памятники утратили хронологический приоритет, соответственно, проникновение кремации в сочетании с коллективным обрядом погребения в Кабардино-Пятигорье и в Центральную Колхиду можно считать одновременным. Связывать же этот импульс следует с протокобанскими памятниками (дигорской культурой). При этом можно вспомнить и разрушенное коллективное погребение, скорее всего, кремационное (кремация на стороне) в Богреши в Сванетии, которое необходимо синхронизировать с протокобанскими древностями и датировать в рамках первой половины II тыс. до н.э. при возможности некоторого удревнения. То есть Богреши может рассматриваться как своего рода связующее звено, демонстрирующее пути проникновения обряда и его носителей в Центральную Колхиду.

На центрально-кавказский импульс указывает и присутствие в древнейшем кремационном погребении Джантухского могильника бронзовой полуовальной пряжки со спиральным орнаментом²⁸ (Рис. 11,1). Это самая западная находка пряжки такого типа, характерного для региона Центрального Кавказа в эпоху формирования кобанских древностей.

Инфильтрация в Центральную и Северную Колхиду центрально-кавказского населения носила, вероятно, одномоментный характер. В последующем металлический инвентарь ингури-рионской культуры получает черты яркого своеобразия, что свидетельствует о её самостоятельном развитии. Но отдельные предметы, связанные своим происхождением с Центральным Кавказом, появляются здесь и на этом хронологическом этапе. На Северном Кавказе колхидский импорт в это время также встречается эпизодически.

В период походов ранних кочевников (конец VIII–VII вв. до н.э.), активно использовавших перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет, происходит активизация связей в направлениях как север – юг, так и северо-восток – юго-запад.

Вполне понятное стремление трансформировать кобанскую и колхидскую культуры из абстрактных понятий в историческую реальность прослеживается в недавней работе Т.М. Кузнецовой, попытавшейся идентифицировать именно кобанскую культуру как культуру «исторических киммерийцев», «страну Гамирра»²⁹. В возможности оказаться «страной Гамирра» автор отказывает колхидской культуре, считая, что именно её урартские надписи определили как «страну Кулха»³⁰. Правда, исследовательница на абсолютно непонятных основаниях считает возможным уверенно отождествить историческую «Кулху», расположенную где-то в Юго-Восточном Причерноморье, с археологической культурой, южные границы которой, судя по имеющимся на сегодняшний день материалам, не заходили так далеко. Наконец, остается неясным, на каком основании, даже если принять логику автора, киммерийцы отождествляются со всеми «кобанцами», а не с, к примеру, западным вариантом кобанской культуры или протомеотской группой памятников, столь насыщенных древностями новочеркасского облика. И вообще – возможно ли прямое отождествление «страны» древних текстов с археологической культурой? Видимо, ответ на этот вопрос автор считает само собой разумеющимся, но это далеко не так. Локализация «страны Гамир» является более чем сложным и спорным вопросом и показательно, что занимающиеся данной проблемати-

кой исследователи сами неоднократно меняли свое мнение, при этом, что характерно, не объясняя читателям причины своих прошлых «заблуждений» и новых «откровений»³¹. По крайней мере, ни «северная» (со всеми ее вариациями), ни «восточная»³² гипотезы ее локализации не могут считаться сколь-либо надежно аргументированными.

В период походов ранних кочевников – киммерийцев и скифов (конец VIII–VII вв. до н.э.), активно использовавших перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет, происходит активизация связей между населением Западного Закавказья и племенами Северного Кавказа. По устоявшемуся в отечественной науке представлению, путь исторических киммерийцев в Переднюю Азию пролегал по «Меотидо-Колхидской дороге», вдоль восточного побережья Черного моря, а несколько позже за ними по этому же маршруту последовала часть ранних скифов³³. Нами уже обращалось внимание на труднопроходимость относительно малонаселенного в то время побережья Черного моря между Гагрой и Геленджиком³⁴. По словам Аппиана, описывающего переход Митридата из Диоскурии на Боспор через земли гениохов и ахейцев, «он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые» (102).

О невозможности продвижения крупных конных отрядов вдоль «густо заросшего субтропическим лесом» и, добавим ещё, прегражденного до недавнего времени непроходимыми скалами Черноморского побережья, говорил и И.М. Дьяконов³⁵. В частности, в районе Гагр, по воспоминаниям русского офицера-разведчика первой половины XIX в. Ф.Ф. Торнау, «отвесные скалы перегораживали дорогу», «горы, примыкавшие к морю, в редком месте позволяли втащить на них лошадей», «объехать было невозможно, и мы перешли через них по головоломной тропинке, рискуя упасть сами или уронить в море наших лошадей», а «дорожка» в горы «в недалеком расстоянии делается невозможной для лошадей»³⁶. Утверждение о существовании в древности так называемой «Меото-Колхидской дороги», на наш взгляд, ничем не обосновано. Отметим, что сомнения в возможности использования киммерийцами «меотидо-колхидского пути» были высказаны и Г.Т. Квирквелия³⁷. По его мнению, у Геродота нигде прямо не говорится, что киммерийцы использовали именно этот путь, и более вероятным ему кажется движение киммерийцев вдоль западного берега Черного моря.

По нашему мнению, наиболее вероятны два маршрута походов ранних кочевников через Большой Кавказ в VIII–VII вв. до н.э. Первый путь – через перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг – соединял горную Дигорию и Рачу, второй – через Клухорский и другие перевалы связывал Абхазию и Кисловодскую котловину. В дальнейшем здесь, по мнению Ю.Н. Воронова, пролегли Мисимианский и Даринский «пути» эпохи раннего Средневековья³⁸. «Мисимианский путь» через перевалы Баса-Чубери и Донгуз-Орунбаши соединял ущелья рек Ингури и Галидзга с верховьями Баксана и Кубани, а «Даринский путь» из Кодорского ущелья через Клухорский перевал приводил в верховья Теберды. Спустя много веков по этому маршруту прошла Военно-Сухумская дорога.

В ходе наших работ на могильнике Джантух (ущелье реки Галидзга) удалось обнаружить материальные свидетельства походов исторических «киммерийцев», на отсутствие которых в Закавказье неоднократно обращали внимание исследователи. Здесь, в двух погребальных комплексах,

найжены два (второй обнаружен в 2013 г.) почти идентичных предмета – части упряжи колесницы в виде стержня с бляшкой, украшенной кольцевым углублением³⁹ (Рис. 11,2).

Интересно, что сванский фольклор сохранил любопытное предание о нашествии на Сванетию неведомого северного народа, прошедшего через Главный Кавказский хребет двумя маршрутами – с верховьев Кубани по перевалу Баса-Чубери и с верховьев Теберды по Клухорскому перевалу, а далее – перевалом Хидар. Сказание уточняет, что «это не были предки нынешних карачаев, а совсем другой народ, пришедший из северных степей: язык их из сванов понимали только 15 человек»⁴⁰. Пришельцы разгромили богатые общества Сал и Фаж в Западной Сванетии, истребив поголовно почти всех их жителей, но были остановлены объединившимся населением Восточной Сванетии, после чего обратились на Мегрелию и Абхазию. Здесь они не стали истреблять жителей, а ограничились захватом добычи (включая красивых девушек), с которой через «абхазские проходы» ушли обратно на Северный Кавказ. Предание настолько соответствует предположительно реконструируемым нами историческим реалиям, что вопрос о простом совпадении вряд ли может стоять. Упоминание «абхазских проходов» заставляет вспомнить о сыгравшей значительную роль в раннем Средневековье «абхазской дороге», проходившей через Марухский перевал.

В этой связи вспомним об упоминаемом Эсхилом в «Прикованном Прометее» пути, по которому предстоит пройти Ио. При этом путь Ио у того же Эшила в драме «Просительницы» проходил через Фракийский Боспор. В «Прикованном Прометее» Эшил считал возможным проложить его через Кавказ и Киммерийский Боспор («пролив Меотиды»), зная этимологию названия «Боспор» как «коровьей переправы». Автор современных комментариев к Эсхилу⁴¹ (В.Н. Ярхо), опираясь на трактовку античным автором пути Ио как дороги из Европы в Азию, предполагает направленность этого маршрута с севера на юг, размещая, следуя данной логике, халибов в северной Скифии, а Кавказ – севернее или северо-западнее Черного моря. В этом случае географическая информация, содержащаяся в драме Эшила, теряет всякий смысл. По нашему мнению, нет никаких оснований предполагать у Эшила столь слабые познания в географии. Скорее всего, описание реального сухопутного маршрута через Кавказ, с юго-запада на север, от земель причерноморских халибов к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), заимствованное у одного из ранних греческих географов*, было поэтически обработано и вставлено в текст драмы. Некоторая путаница возникла у античного автора лишь с границами между Европой и Азией и с местом проживания амазонок, которых античные авторы селили как рядом со скифами, так и возле реки Термодонт в Малой Азии.

Гораздо большая путаница возникла при обращении к географическому свидетельству Эшила у В.Т. Мусбаховой, защитившей недавно (2010) в Санкт-Петербурге диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук⁴². Странна уверенность в том, что Фасис легенды об аргонавтах не находился в Колхиде, а идентичен Кубани, а мифическое царство Ээта, устойчиво располагавшееся на краю света и вблизи от мира мертвых, находилось непременно в Прикубанье⁴³. Излишне, видимо, го-

* Обратим внимание на помещение Эсхилом (709–715) скифов в районе Западного Закавказья, южнее побережья Черного моря и земли халибов. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с отголоском того исторического периода, когда скифы находились в Передней Азии, то есть данный источник Эшила относится к VII в. до н.э.

ворить, что столь точное указание на расположение мифологических областей (сравнить Лукоморье русского фольклора) не опирается на источники, указывающие на тождественность Фасиса и Кубани. Не менее загадочно утверждение уважаемого филолога о проживании колхидского племени колов «вблизи Северного Кавказа»⁴⁴ (с ссылкой на Гекатея Милетского), который, однако, нигде этого не говорил (насколько об этом позволяют судить дошедшие фрагменты). Аргументация более чем странная: предгорья у Кавказа, оказывается, могут быть только на северном склоне⁴⁵; колхи должны жить на Северном Кавказе, поскольку они граничат с меотами⁴⁶ (согласно Аргонавтике Дионисия Милетского); аргонавты не могли увидеть сначала горы Кавказа, и только потом прибыть к устью Фасиса⁴⁷ (вероятно, уважаемый филолог ни разу не плавал по Черному морю); плавающие в лодках фасиане (Гиппократ) могли быть только местными жителями, но никак не колонистами⁴⁸. Наконец, автор, видимо, не знает⁴⁹, что гениохов различные древние авторы помещали не только в районе Диоскуриады, но и вблизи Фасиса, Апасара, Трапезунда, в северо-восточном Причерноморье. Оказывается, что район Прикубанья «в отличие от закавказской Колхиды уже в архаическую эпоху стал ярко выраженной контактной зоной местной и пришлой (средиземноморской) культур»⁵⁰, но этот постулат автора можно объяснить только незнанием археологического материала. И, как логичный вывод, «река царства Эта вместе с ним самим переместилась в Закавказье», что «могло быть связано с реальными перемещениями местных племен»⁵¹. Подобные филологические штудии на фоне незнания археологического материала, пренебрежения неудобными источниками и своеобразных представлений о географии вряд ли могут нас удовлетворить.

Вернемся к свидетельству Эсхила. Как в свое время обратил внимание И.С. Каменецкий⁵², оно указывает на наличие древнего торгового пути, проходившего через перевалы Главного Кавказского хребта. Вероятно, это и в самом деле вошедший в драматическое произведение пересказ древнего перипегеза. Берегом Черного моря, оставляя слева землю халибов, путь ведет к Яростной реке (реке Буйной, Обиде, Громотухе), переправа через которую затруднительна. Дорога идет вдоль течения этой реки, доходя до её истоков и вершин Главного Кавказского хребта, и через перевал приводит в страну амазонок, а оттуда ведет к Киммерийскому перешейку и Меотиде (712–735). Очевидно, что, несмотря на мнение авторов древних схолий к Эсхилу, под рекой Буйной следует подразумевать не Аракс, а Риони, Ингур или Кодор.

Торговый путь, связывающий Колхиду и Центральный Кавказ в направлении юго-запад – северо-восток (Рис. 12), шел, по нашему мнению, по ущелью реки Галидзга (мимо изучаемого нами в последнее десятилетие Джантухского могильника), далее, через небольшой перевал Ходжал (Ченчели), переходил в ущелье реки Ларакваква (приток Ингури), а затем – реки Ингури. Вдоль реки Ингури, несколько севернее её, шла хорошо известная и интенсивно используемая до недавнего времени дорога. Здесь маршрут разветвлялся: одно его ответвление по ущелью реки Ненскра выводило к перевалам Баса-Чубери (Джибер) и Чаперазау (Чипер), а далее вело, соответственно, к верховьям Кубани и Баксана; другое – по ущелью реки Накра вело к перевалу Донгуз-Орунбаши и приводило в Баксанское ущелье, куда можно было перейти также перевалами Бечо, Жан-Туган и Гарваш; третье – перевалами Местиа, Лехзырским, Твибер и Китлод выхо-

дило в ущелье Чегема; четвертое – через перевал Цаннер позволяло выйти в ущелье Черка Безенгийского. Наконец, двигаясь на восток вдоль Главного Кавказского хребта с верховьев Ингури перевалом Загар не составляло труда перейти на верховья Цхенисцкали; далее перевалы Ващицвера и Сасвано вели в верховья Риони. Оттуда перевалами Шариавцаг (Шаривцек) и Гезевцек можно было перейти на верховья Черка Балкарского; перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг вели в Дигорское ущелье; а Мамисонский перевал позволял выйти в Алагирское ущелье. Вплоть до недавнего прошлого наиболее удобными на Главном Кавказском хребте считались перевалы Баса-Чубери, Донгуз-Орунбаши, Твибер, Шариавцаг, Гурдзиафцаг, Мамисонский. Нельзя исключать и маршрутов, начинавшихся в Кодорском ущелье (Абхазия), выводивших далее через перевалы Клухорский и Нахар в верховья Теберды и Учкулана или же позволяющих через перевал Хидар перейти в ущелья Ненскры и Ингури. Впрочем, археологический материал, свидетельствующий о бытовании в эпоху раннего железного века торгового пути Кодор – Теберда и Учкулан – Кубань, пока сравнительно немногочислен.

На наш взгляд, сводить характер контактов между племенами Западного Закавказья и Центрального Кавказа к торговым связям было бы упрощением. Торговля продукцией скотоводства и земледелия, рабами, солью и т.д., безусловно, имела место. Археологический материал позволяет предполагать также миграции отдельных групп населения. В некоторых случаях появление серий предметов, выполненных в подражание чужеродным образцам, можно объяснять существованием моды. При этом по обе стороны Главного Кавказского хребта в довольно значительном количестве встречаются являющиеся безусловным импортом предметы, как правило, имеющие не утилитарный, а церемониальный или парадный характер. Вряд ли можно предполагать торговлю, к примеру, орнаментированными топорами или зооморфной пластикой. Появление таких предметов в памятниках местного населения, вероятно, связано с существовавшей здесь в древности системой обмена дарами, напоминающей изученный в свое время Б. Малиновским институт «кула», аналоги которого были проанализированы М. Моссом⁵³.

Отметим, что на западно-кобанских памятниках VI–V вв. до н.э. находит аналогии выявленная в последние годы на Джантухском могильнике каменная вымостка сложной формы, являющаяся своеобразным погребально-поминальным сооружением VI–IV вв. до н.э.⁵⁴ Для колхидских могильников такие сооружения нехарактерны, но отдаленные аналоги этой вымостке мы видим на могильниках Султан-гора III, сооружение 1⁵⁵ (Рис. 11,3), Пелагиада (Шпаковский район Ставропольского края)⁵⁶ и Уллубаганалы 2⁵⁷. Плиточные вымостки вокруг погребений (коллективных гробниц) или рядом с ними известны и в синхронных (конец IV–III вв. до н.э.) памятниках Ставропольской возвышенности – склеп № 3 и объект № 5 Вербовского могильника⁵⁸. Близкие черты погребального обряда сопровождаются заметной близостью материальной культуры, причем особенно серьезное сходство наблюдается между джантухскими материалами и древностями Ставропольской возвышенности, Кабардино-Пятигорья и Теберды.

Находки предметов (а это целая серия), происходящих из Бзыбской Абхазии или Центральной Колхиды, в археологических памятниках Черноморского побережья Кавказа от Туапсе (район Сочи, как показали исследования последних лет, входил в бзыбскую колхидскую культуру, хотя

и отличался некоторым своеобразием) до Анапы подтверждают сведения античных авторов о пиратстве племен, проживавших в то время между современными Сочи и Новороссийском. Так, в «Политике» Аристотеля говорится о склонности гениохов и ахейцев (местное племя) к убийству и людоедству (VIII, III, 4). Согласно Страбону (XI, II, 12), ахейцы, зиги и гениохи, «обрабатывая скудную землю», «живут морским разбоем»; снаряжая флотилии «камар» и «нападая то на купеческие корабли, а то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море» и занимались работоторговлей. Аппиан в «Митридатовых войнах» (102) отмечает, что ахейцы всех эллинов, которых брали в плен, убивали «по обычаю скифов: сначала, в гневе, – всех, с течением же времени – только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий». Овидий в «Посланиях с Понта» (IV, 10) также рисует непривлекательный образ гениохов и ахейцев: «Какой бы лай ни подняли чудовища из обрубленного паха Сциллы, все же гениоховские корабли причинили морякам больше вреда. Ты не можешь сравнить и Харибду с враждебными ахейцами, хотя она трижды изрыгает трижды выпитую морскую воду. Хотя [эти племена] свободнее плавают в правой части [Понта], и эта сторона небезопасна от них». Впрочем, вполне вероятны и брачные связи, что подтверждают материалы погребения 14 могильника Лобанова щель близ Новороссийска (молодая женщина 20–24 лет с инвентарем конца VI – первой половины V в. до н.э., находящим аналогии на территории современной Абхазии)⁵⁹ (Рис. 11,4). Здесь можно строить только догадки – в могильнике, которому присущи исключительно коллективные (семейные) и парные захоронения, найдено одиночное погребение молодой женщины грацильного телосложения с зажившей травмой на черепе. Отдельные «колхидские» предметы проникали и далее, в более северные районы, но здесь они могли потерять свое первоначальное предназначение. Упомяну в этой связи две странные и не имеющие аналогов свинцовые булавки из меотского погребения 343з могильника Старокорсунского городища № 2⁶⁰, представляющие собой переделанные фибулы с расширением в средней части дужки, характерные для зыбской колхидской культуры⁶¹ (Рис. 11,5).

Во второй половине IV в. до н.э. на территории Абхазии происходят какие-то катастрофические события, связанные с проникновением сюда, скорее всего, через перевалы Главного Кавказского хребта, меотского воинского контингента из Прикубанья и появлением конских жертвоприношений по меотскому обряду⁶². Любопытна локализация меотских комплексов и отдельных находок в Абхазии – подавляющее большинство из них сосредоточено в районе Сухуми, между Диоскуриадой и устьем реки Кодор (Гюэнос, Алексеевское ущелье, устье реки Келасури, Агудзера, Ахул-абаа, замок Баграта, парк Н.Н. Сметцкого, Хипста). Кроме того, меотские мечи найдены в погребениях Гуадику и Сухумской горы. Почти все эти пункты, кроме находящегося несколько южнее Гюэноса (г. Очамчира в Абжуйской Абхазии) и значительно севернее Хипсты (район Гудауты), сосредоточены в районе Сухуми, между Диоскуриадой и устьем реки Кодори. Во-первых, этот район находился в предшествующее время на стыке двух культур (зыбской и ингури-рионской), в своего рода пограничной зоне. Во-вторых, именно сюда по Кодорскому ущелью выходит одна из основных дорог, связывающих через сравнительно легкопроходимые перевалы Северо-Западный Кавказ и Западное Закавказье. Не исключено, что именно через эти перевалы меотский воинский контингент проник на территорию Абхазии.

О каких-то крупных военных столкновениях говорится и во фрагментах надписи из Эшерского городища, относимой к концу IV – началу III вв. до н.э.⁶³ Возможно, на стабильность ситуации в регионе повлияли также действия боспорского царя Эвмела (310/309–304/303 гг. до н.э.), успешно боровшегося с пиратством гениохов и ахеев и поставившего своей целью покорение племен, населявших Черноморское побережье Кавказа. В это же время, отметим, прекращается и чеканка колхидок.

М.Ф. Высокий, в отличие от В.Р. Эрлиха⁶⁴, не связывает появление конных отрядов из Прикубанья с запустением городища Гюэноса, обращая внимание на то, что «жизнь на городище прекращается, судя по археологическим данным, самое позднее – в начале IV в. до н.э., в то время как захоронения конских черепов сам автор датирует второй половиной IV в. до н.э., так что разница между этими событиями – лет 40–50»⁶⁵. Кроме того, исследователь отмечает «отсутствие следов насильственного разрушения (пожара, пр.) на городище Гюэноса в указанную эпоху (начало IV в. до н.э.)»⁶⁶. Как представляется, оба автора не совсем правы. В начале IV в. до н.э. происходит запустение поселения только на изученном относительно недавно и относительно хорошо восточном холме. Как в свое время совершенно справедливо и осторожно оговаривал автор раскопок С.М. Шамба, «данное положение распространяется пока что лишь на восточный холм»⁶⁷. Что же касается двух других холмов и поселения вокруг – там хорошо представлены материалы IV–III и даже III–I (особенно, к северу от западного холма) вв. до н.э.⁶⁸ Во-вторых, во рву западного холма во время работ в 1935–1936 гг. были засвидетельствованы следы сильного пожара, предположительно, вызванного нападением врага и имевшего место примерно в то время, о котором идет речь⁶⁹. Речь идет о «мусоре пожарища, одновременно выброшенном с площадки в ров»⁷⁰. Таким образом, имели место как разрушение города, так и запустение его части, причем эти события могли быть не одновременными. После этого город был восстановлен, хотя и, очевидно, в меньших размерах. Вполне логично было бы попытаться как-то связать эти события с появлением здесь воинского отряда из-за гор, с Прикубанья.

С чем же связано (кроме активности пиратов и борьбы с ними) осложнение ситуации в регионе и появление меотского воинского контингента на южных склонах Главного Кавказского хребта, в таком отдалении от родной для них Кубани? Наши работы (2006–2013) на Джантухском могильнике в горной части Восточной Абхазии позволяют ставить вопрос о выделении яркого и своеобразного локального варианта ингури-рионской колхидской культуры⁷¹. К нему, кроме Джантухского некрополя (г. Ткуарчал), относятся могильники Шубара-2 (бассейн Гумисты) и Ларилари (Сванетия).

В позднеколхидский период, в VI–II вв. до н.э., преемственность погребального обряда прослеживается только на периферии ингури-рионской культуры, в горах и предгорьях. Именно здесь, о чем свидетельствуют могильники Джантух и Ларилари, формируется своеобразная материальная культура, в наибольшей степени связанная с кобано-колхидскими традициями. Обращает на себя внимание «пережиточный» облик ряда типов инвентаря, характерных для этих могильников. Таким образом, в горных районах Западного Закавказья сохраняются архаические черты как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Еще одна особенность этих могильников – наличие заметной группы предметов, связанной с культурой ранних кочевников.

Наличие как «кобанских», так и «колхидских» черт, а также предметов, связываемых с культурой ранних кочевников и античного импорта, объясняется местоположением могильника на древнем торговом пути, связывающем Колхиду и Центральный Кавказ и получившем позднее название Мисимианского. Население, оставившее Джантухский могильник, обеспечивало функционирование важнейших для того времени торговых маршрутов, связывающих Западное Закавказье и Северный Кавказ. Учитывая все это, можно говорить о существовании в рамках позднеколхидской интуририонской культуры своеобразного джантухско-лариларского локального варианта. Вероятно, к данному варианту относятся также могильники Шубара-2 (бассейн Гумисты) и Усахело; в таком случае очевидно, что племена, оставившие эти памятники, контролировали практически все перевальные пути между Колхидой и Северным Кавказом.

Обратим внимание на упоминание Геродота (III, 97) о племенах, проживающих между колхами и Кавказским хребтом. Кроме того, Страбон говорит о племенах фтирофагов и соанов, живущих «над» колхами (XI, II, 14; XI, II, 19), о «народностях», живущих выше Диоскуриады (XI, II, 16). Соаны «господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой». По нашему мнению, именно с фтирофагами и соанами Страбона можно связывать племена джантухско-лариларского варианта. Соответственно, «могущество» соанов, о котором говорит Страбон, было обусловлено их господством над основными перевальными маршрутами через Главный Кавказский хребет. Вероятно, существует какая-то связь, хотя, возможно, и не совсем прямая, между древними соанами и современными сванами. Тем не менее здесь стоит вспомнить гипотезу Н.Я. Марра о двух субстратах (картвельском и абхазо-адыгском) в этногенезе сванов, а также выделение С. Джанашиа черкесских элементов не только в лексике, но и в морфологии сванского языка⁷². Очевидно, объективное изучение свано-абхазо-адыгских связей – это дело будущего⁷³.

Такая трактовка памятников типа Джантух и Ларилари позволяет предложить гипотезу, объясняющую появление на территории Абхазии во второй половине IV в. до н.э. меотских комплексов. Как предполагает М.Ф. Высокий, контингенты представителей меотской культуры выполняли функции пограничной охраны, будучи нанятыми на службу Диоскурией⁷⁴. Было бы логично допустить, что расширение зоны контроля населения, оставившего Джантухский могильник, на всю территорию горной части Северо-Западного Закавказья (в частности, район Шубары в предшествующий исторический период относился к бзыбской колхидской культуре; теперь же культурная принадлежность этого могильника меняется) и установление его господства над перевальными коммуникациями серьезно беспокоило как Диоскурию, так и местных правителей и, возможно, стало причиной прекращения жизни на восточном холме городища греческого полиса Гюэноса в начале IV в. до н.э. Именно в связи с этим происходит приглашение на территорию современной Абхазии меотского воинского контингента, притом, что меотские племена Северо-Западного Кавказа, бесспорно, сами были заинтересованы в бесперебойном функционировании перевальных коммуникаций. Отметим сразу, что данная гипотеза ни в коей мере не исключает более длительной истории взаимоотношений между древним населением центральной (северо-западной) Колхиды и меотскими племенами, на что вполне справедливо

обращает внимание В.Р. Эрлих⁷⁵. Именно наличие устойчивых коммуникаций между Северо-Западным Кавказом и Западным Закавказьем могло побудить меотов отправить некий воинский контингент для защиты приморских поселений Колхиды.

В этой связи любопытно, что в Джантухском могильнике обнаружена достаточно заметная серия античного керамического импорта VI–II вв. до н.э. В соседних же районах современной Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии античный импорт этого времени весьма немногочислен. В своей недавней работе О.В. Маан⁷⁶ указывает на наличие античного импорта III–II вв. до н.э. в Чегемском кургане-кладбище (Кабардино-Балкария). Но ранние погребения Чегемского кургана-кладбища датируются, на самом деле, II–I вв. до н.э.⁷⁷, а обнаруженная там античная керамика по своему происхождению связана, вероятно, с городами Боспора (кувшины боспорского производства, канфар, идентичный «так называемым малоазиатским канфарам из городов Боспорского царства»)⁷⁸. Поэтому логично предположить, что античный керамический импорт во II–I вв. до н.э. поступал в Кабардино-Пятигорье не из-за гор Главного Кавказского хребта, то есть не с юга, а с Тамани и Прикубанья, то есть с запада. Более того, анализ комплекса родосской клейменной керамической тары конца 50–40-х гг. III в. до н.э. из Грушевского городища (окраина современного гор. Ставрополя) привел В.И. Каца к выводу о том, что поступала она туда не постоянно, а импульсивно, и не через Прикубанье, а с рынка Танаиса в Нижнем Подонье⁷⁹. С чем был связан такой сложный и «кружной» путь древних торговцев? Вероятно, все же с тем, что, по крайней мере, вплоть до II в. до н.э. путь через перевалы Большого Кавказа для античных купцов был закрыт, и они искали обходные маршруты.

Опасное усиление племен джантухско-лариларского варианта объясняет и другой факт, уже привлекавший внимание исследователей⁸⁰: необычную для Западного Закавказья насыщенность оружием захоронений местного населения в районе современного Сухума (Эшера, Гуадику, Красный Маяк). При этом (что также указывает на конфронтационный характер отношений между двумя группами древнего населения Абхазии) в многочисленных погребениях этого времени в районе современного Сухума полностью отсутствуют какие-либо предметы, связанные своим происхождением с джантухско-лариларским вариантом.

Тема транскавказских связей в эпоху поздней бронзы – раннего железа представляется столь обширной и значительной, что изложенное мною сейчас может считаться только лишь введением в неё, очередной попыткой постановки вопроса. Очевидно только, что Главный Кавказский хребет в древности не был непреодолимой стеной, разделяющей народы; его, скорее, можно сравнить с мостом, соединяющим в единое, взаимодополняющее целое родственные археологические культуры. Безусловно, Западный и Центральный Кавказ как в своей северной, так и в своей южной части представлял собой определенное культурное единство. Оживленные связи через горные ущелья и перевалы кажутся таким контрастом с нашим временем, когда Северный и Южный Кавказ связывают только четыре шоссе и две железные дороги, причем половина из этих коммуникаций не предполагает сквозного движения.

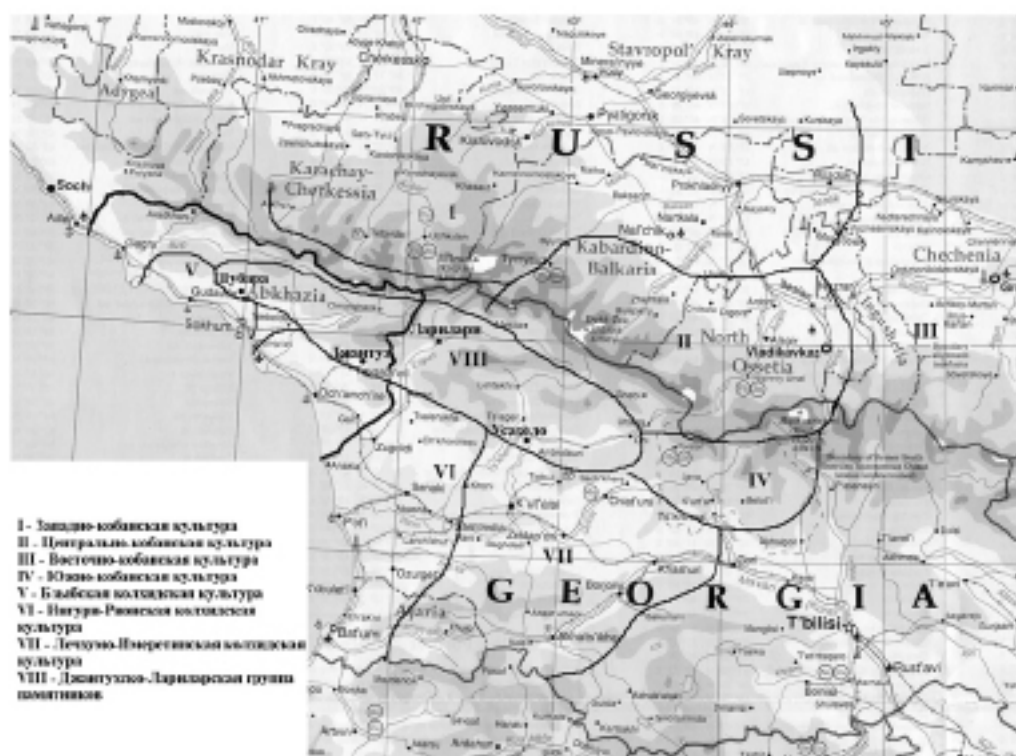

Рис. 1. Карта археологических культур
 кобано-колхидской культурно-исторической общности

Рис. 2. Карта распространения полуovalных пряжек со спиральным орнаментом

Рис. 3. Карта распространения кинжалов с цельнолитым навершием

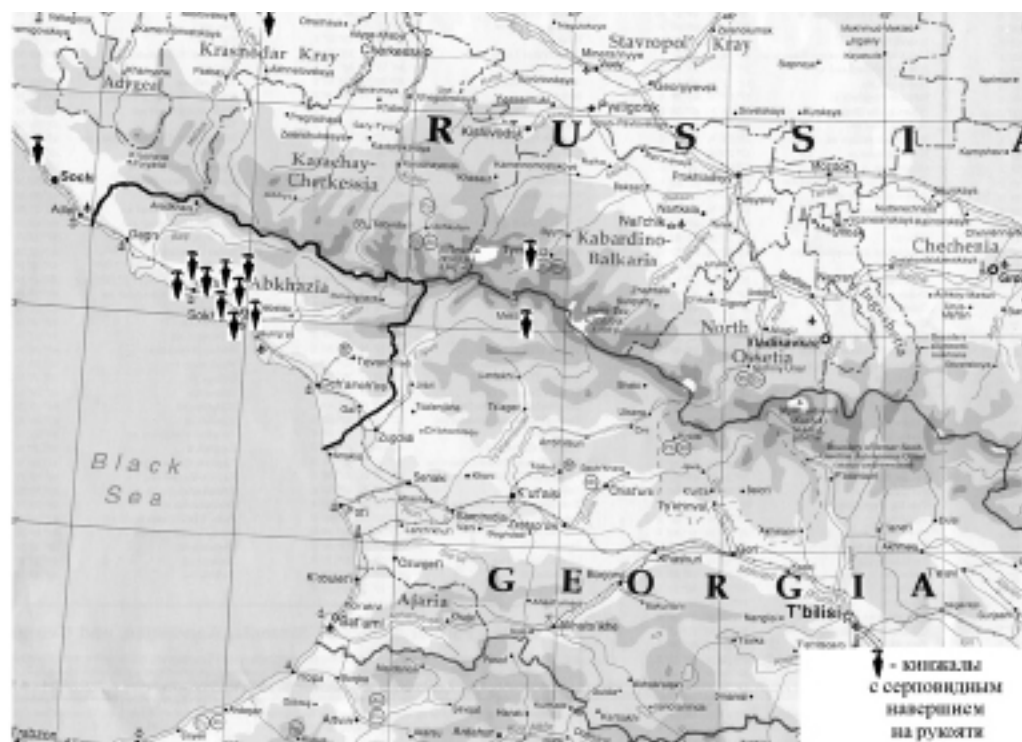

Рис. 4. Карта распространения кинжалов с серповидным навершием

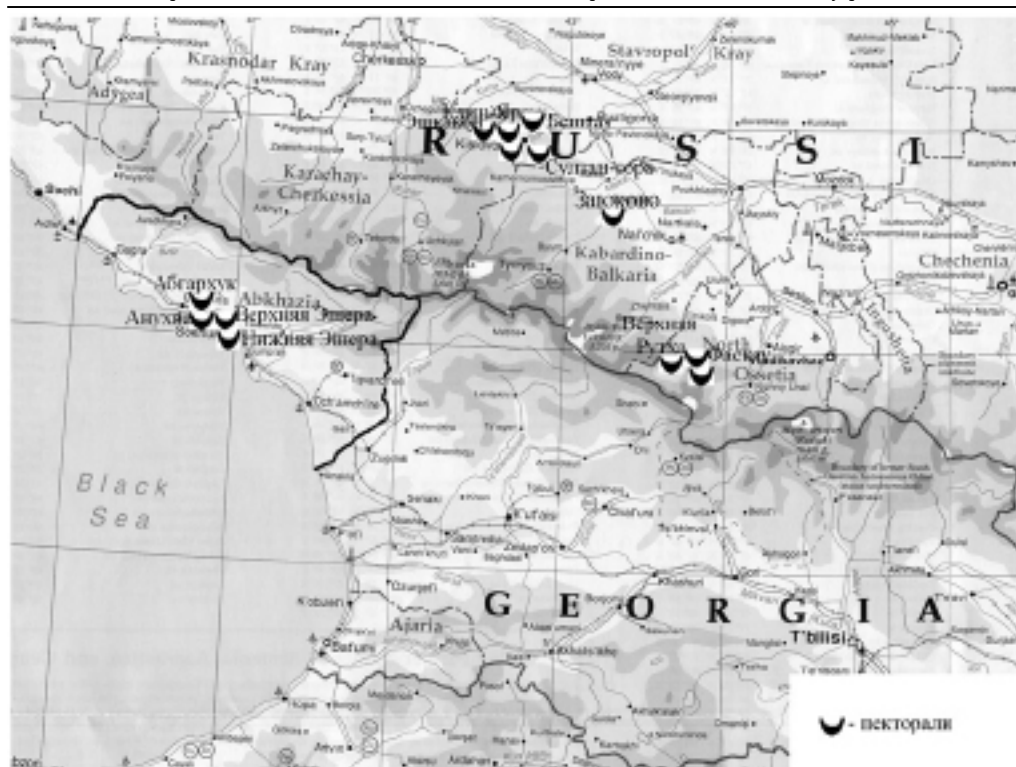

Рис. 5. Карта распространения «пекторалей»

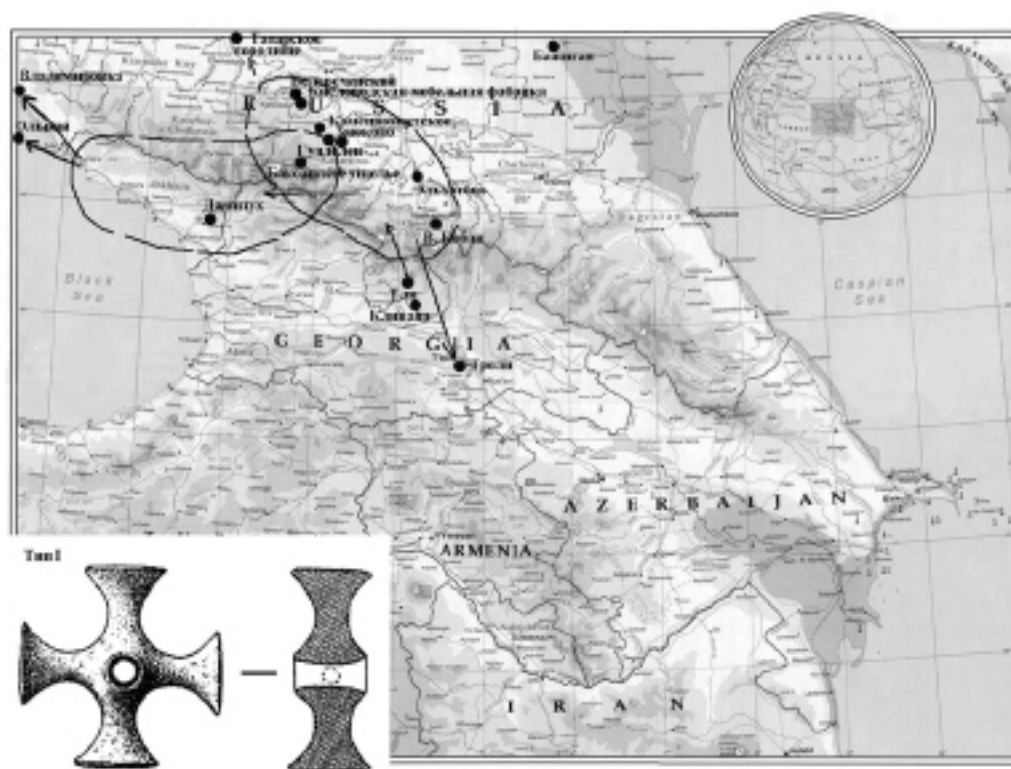

Рис. 6. Карта распространения крестовидных подвесок типа I

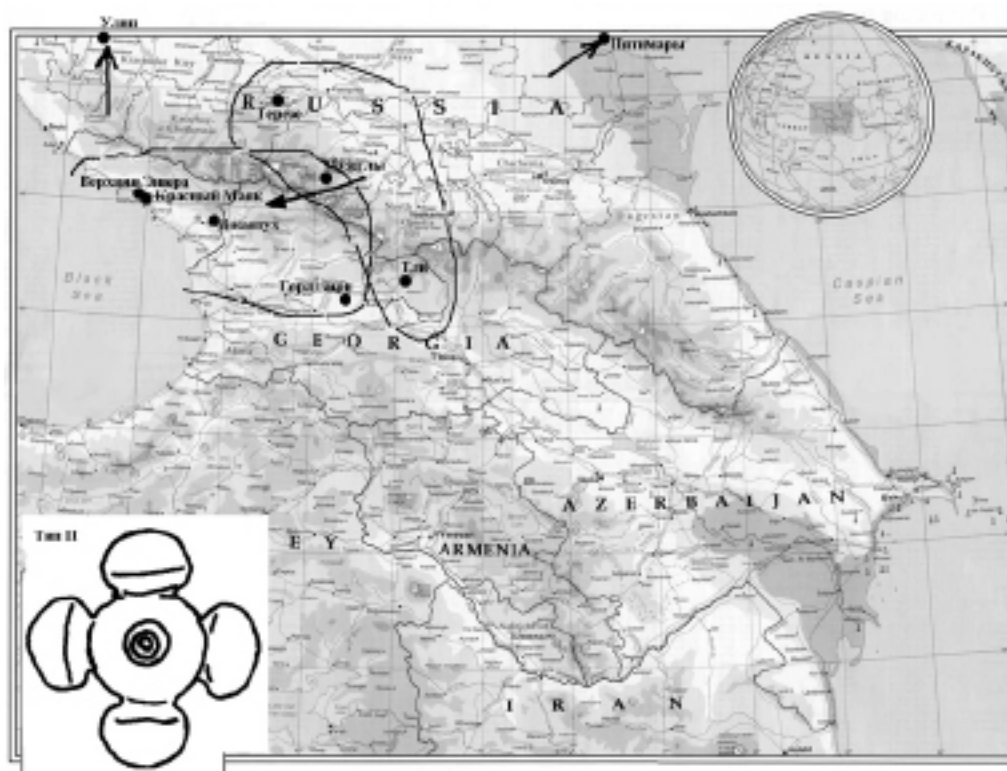

Рис. 7. Карта распространения крестовидных подвесок типа II

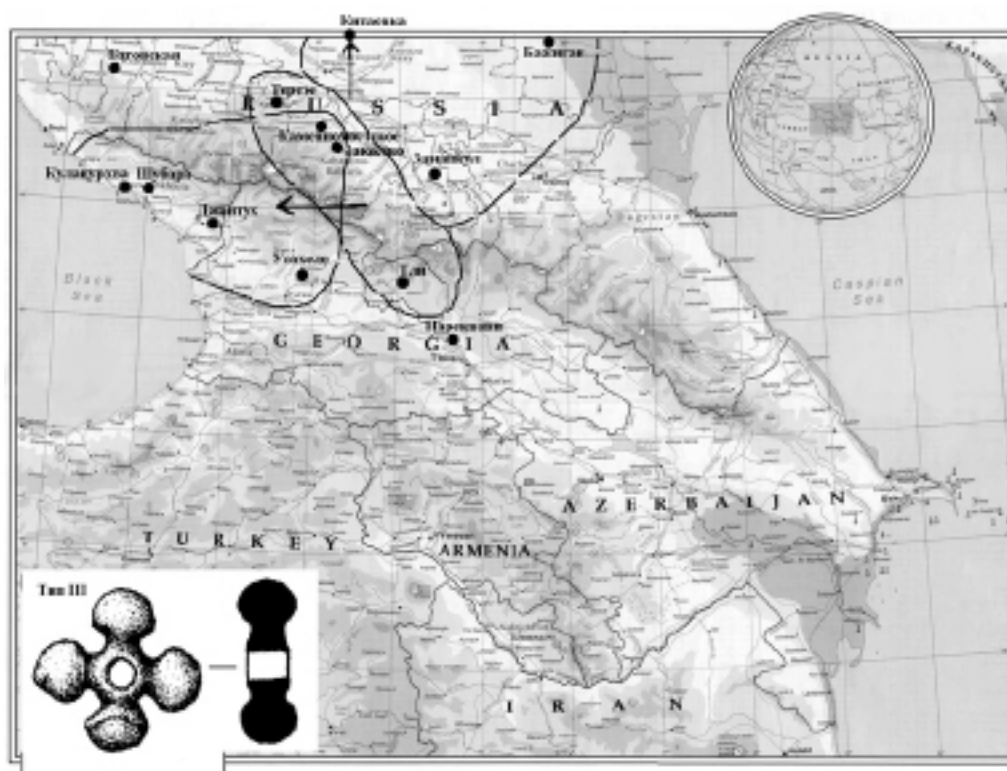

Рис. 8. Карта распространения крестовидных подвесок типа III

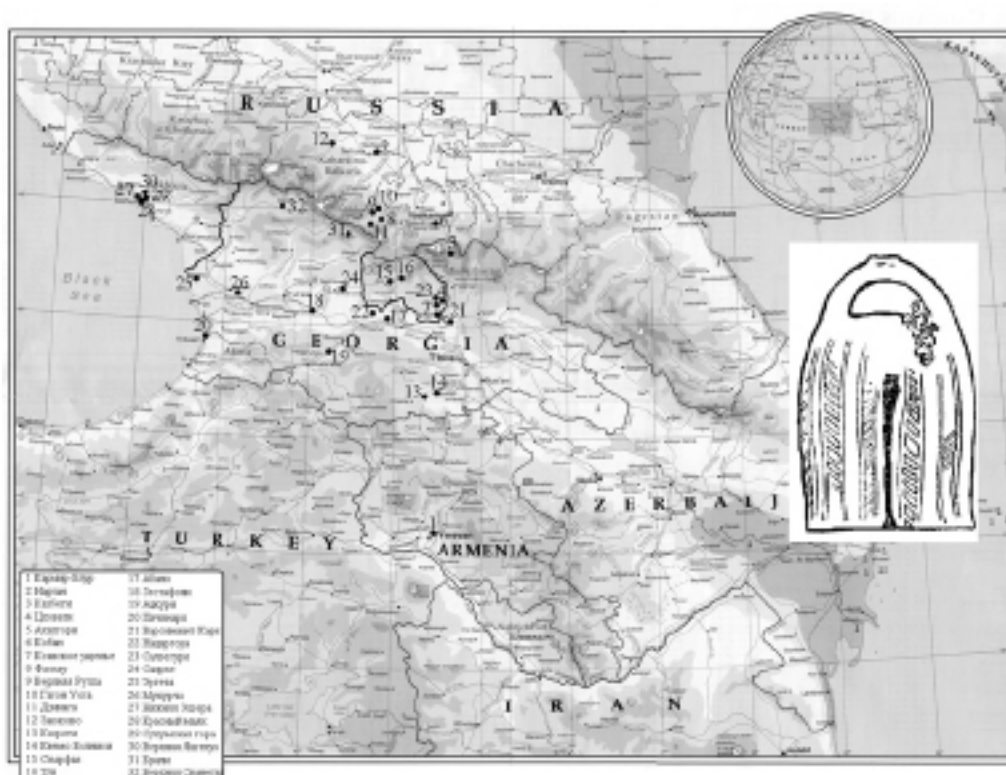

Рис. 9. Карта распространения колокольчиков «казбекского» типа

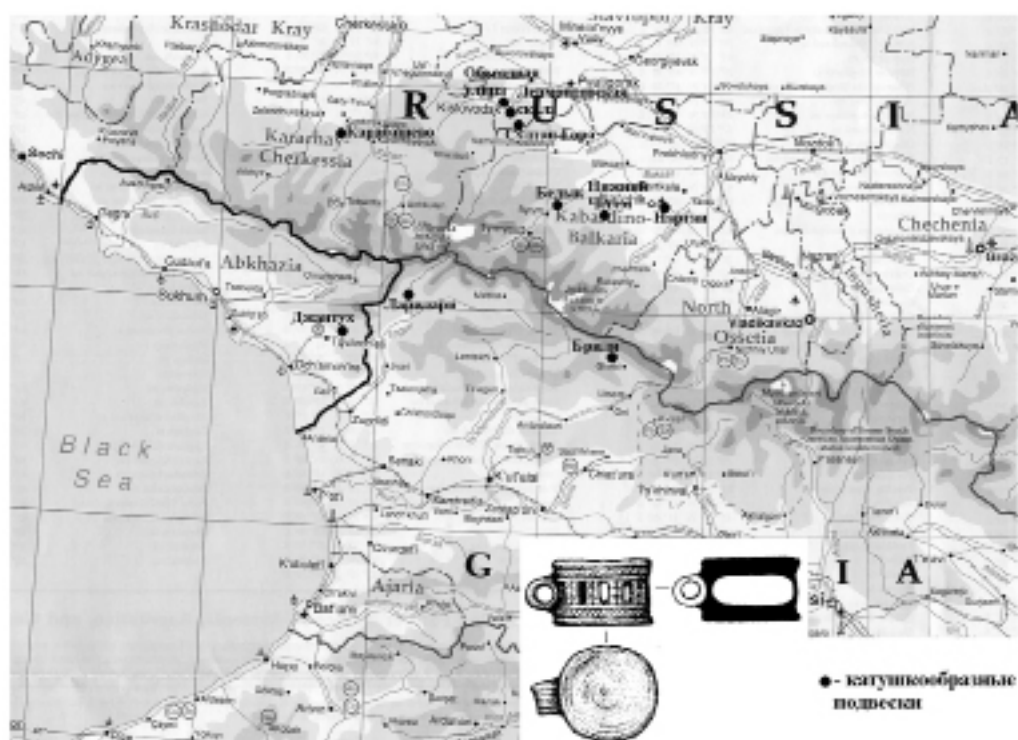

Рис. 10. Карта распространения катушкообразных подвесок

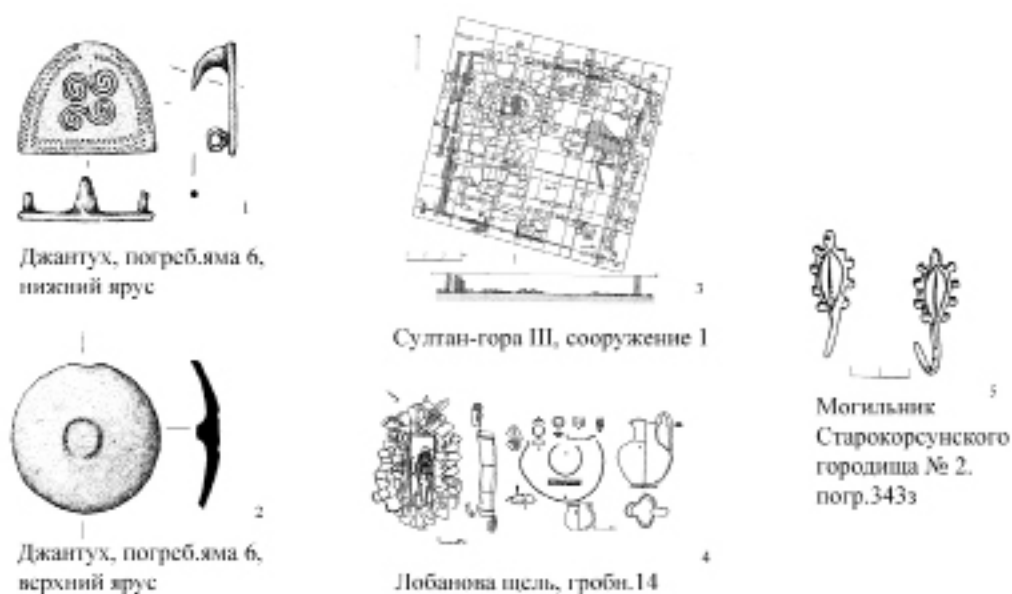

Рис. 11. Некоторые археологические свидетельства транскавказских связей:

1 – полуовальная пряжка со спиральным декором из нижнего яруса погребальной ямы 6 могильника Джантух; 2 – фрагмент колесничной упряжи из верхнего яруса погребальной ямы 6 могильника Джантух; 3 – сооружение 1 могильника Султан-гора III; 4 – план и инвентарь гробницы 14 могильника Лобанова щель; 5 – вторично использованные фибулы из погребения 343з могильника Старокорсунского городища № 2

Рис. 12. Некоторые перевальные маршруты эпохи раннего железа на Западном Кавказе

Примечания
(Endnotes)

1. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 8.
2. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ. В2-5. М., 1977. С. 5.
3. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. САИ. В2-5. М., 1989. С. 5.
4. Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 33-й. С. 82. Рис. 11,1.
5. Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. 1970. № 2. С. 300.
6. Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 217, 221 и др.
7. Скаков А.Ю. Проблемы выделения археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда 23–28 октября 2006 г., Новосибирск. Т. I. С. 461–463; Он же. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. М., 2009. Вып. 223. С. 149; Он же. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010.
8. Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. I Всероссийские Миллеровские чтения: Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 28–29.
9. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. I. С. 181, 182; Петренко В. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.–Берлин–Бордо, 2006. Ссылка 212. С. 87; Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012. С. 46.
10. Скаков А.Ю. Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа: Сборник группы по археологии Кавказа. М., 2012. Вып. 1. С. 132–147.
11. Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. Рис. 6,1–6. С. 216, 217.
12. Скаков А.Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008. № 1. Рис. 5,3–9. С. 22.
13. Вальчак С.Б., Скаков А.Ю. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. 2003. № 3.
14. Скаков А.Ю. Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. I. С. 29–43.
15. Он же. Колокольчики «казбекского типа» // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 383–385.
16. Он же. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. М. 2009. Вып. 223. С. 163. Рис. 6,1–16.
17. Он же. Ещё раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Третья Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения проф. Г.А. Федорова-Давыдова: Тезисы докладов. М., 2006. С. 45–47.

18. Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидско-кобанская культура) // VIII Крупновские чтения: тезисы докладов. Нальчик, 1978 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., 2008. С. 192; Он же. Древняя Апсолия: источники, историография, археология. Сухум, 1998. С. 15, 16; Воронов Ю.Н. Колхида в железном веке. Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э. // Научные труды. Сухум, 2006. Т. I. С. 58–73; Панцхава Л., Сулава Н., Папуашвили Р. Колхидская, кобанская или колхидско-кобанская? // Кавказоведение. Тбилиси, 2003. № 4.
19. Скаков А.Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2006. С. 80–85; Он же. К вопросу о функционировании перевальных коммуникаций на Западном и Центральном Кавказе в древности // Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда: Тезисы конференции. М., 2007. С. 44–45.
20. Ростунов В.Л. Природно-климатические условия и заселение горной зоны Центрального Кавказа в эпоху энеолита – средней бронзы // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 110, 117.
21. Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. М., 2009. Вып. 223. С. 150.
22. Он же. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. 28–31 мая 2001. Сухум, 2004. С. 194.
23. Там же.
24. Скаков А.Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе. С. 191.
25. Он же. Об одной категории протокобанских украшений // РА. 2003. № 1. С. 91–102.
26. Он же. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. М., 2009. Вып. 223. С. 155–159.
27. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш: Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 134, 135; Скаков А.Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и Средневековой археологии Кавказа. Грозный–М., 2011. С. 103, 104.
28. Скаков А.Ю. Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа: Сборник группы по археологии Кавказа. М., 2012. Вып. 1. Рис. 1,6. С. 133.
29. Кузнецова Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007.
30. Там же. С. 219.
31. Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 188.
32. Погребова М.Н. О маршрутах первых походов киммерийцев в Переднюю Азию // «Музейні читання»: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереножкіна // Музей історичних коштовностей України – 3 лютого 1998 р. Київ., 1998. С. 28, 29.
33. Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
34. Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Шамба Г.К. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 4. С. 68, 69.

35. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 108.
36. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 238, 240.
37. Квириквелия Г.Т. К вопросу о возможности использования киммерийцами меотидо-колхидского пути // Вопросы археологии Грузии. III. Тбилиси, 1985. (На груз. яз.) С. 121, 122.
38. Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Майкоп, 1992. С. 69.
39. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и Средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш: Материалы конференции. Сухум, 2011. Рис. 10. С. 134; Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация). // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуцвиной: Труды ГИМ.– М., 2012. Вып. 191. С. 223. Рис. 4,1.
40. Деген-Ковалевский Б.Е. К истории железного производства Закавказья. По материалам раскопок Чуберской железоплавильни – В. Свания // Известия ГАИМК. Вып. 120. Из истории древней металлургии Кавказа. М.:Л., 1935. С. 319–325.
41. Эсхил. Трагедии / Перев. Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 549, 550.
42. Мусбахова В.Т. Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»): Автореф. дисс... на соискание уч. ст. канд. филол. наук. СПб., 2010.
43. Она же. Комплекс античных свидетельств о локализации царства Ээта в Прикубанье // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 301–306.
44. Она же. 2010. С. 12.
45. Она же. 2013. С. 302.
46. Там же.
47. Там же. С. 302, 303.
48. Там же. С. 303, 304.
49. Там же. С. 304.
50. Там же. С. 304, 305.
51. Там же. С. 303.
52. Каменецкий И.С. Меоты и греческая колонизация // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо–Вани, 1985. Тбилиси, 1988. С. 84.
53. Малиновский Бронислав. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004; Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
54. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // VI Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 381–384.
55. Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. Рис. 1. С. 235, 236; Козенкова В.И. 1989. Табл. XXXIII, 4.
56. Петренко В.Г. Погребальные комплексы и находки у сел. Пелагиада // СА. 1984. № 2. Рис. 2,1.
57. Козенкова В.И. 1989. С. 33.
58. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Вербовский могильник кон. IV–III в. до н.э. (северо-западные окраины гор. Ставрополя). Ставрополь, 2012. С. 14, 31.
59. Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 1999. Вып. 5. Рис. 21. С. 26, 45, 48; Медникова М.Б. Могильник Лобанова щель: население Северного При-

черноморья в I тыс. до н.э. по антропологическим данным // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 1999. Вып. 5. С. 60.

60. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012. С. 70, 106. Рис. 27,1, 41,6.

61. Скаков А.Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. nr. 2. Chişinău. (Кишинев), 2008. С. 94, 95. Рис. 7,17,18.

62. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1.

63. Высокий М.Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск, 2004. Вып. XIV. С. 406, 418, 419.

64. Эрлих В.Р. 2004. С. 171, 172.

65. Высокий М.Ф. 2004. С. 404.

66. Там же.

67. Шамба С.М. Гюэнос–I. Тбилиси, 1988. С. 64.

68. Качарава Д.Д. Город Гюэнос в античную эпоху (К истории городов Восточного Причерноморья): Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 15, 20, 21; Воронов Ю.Н. Гиенос // СА. 1976. № 4. Рис. 2–5. С. 47–52.

69. Качарава Д.Д. 1972. С. 15.

70. Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // Сборник материалов по истории Абхазии. I. Сухуми, 1939. С. 20.

71. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник – памятник локального варианта ингури-рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 345–347.

72. Джанашиа Симон. Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. С. 167, 168, 188, 195, 201.

73. Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Козубова А. Открытия Г.К. и С.М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г.К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 г., гор. Сухум). Сухум, 2013. С. 42.

74. Высокий М.Ф. 2004. С. 404, 405.

75. Эрлих В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 101, 102.

76. Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2012. С. 63.

77. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 29.

78. Он же Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 186, 187.

79. Кац В.И. Комплекс родосской клейменной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. 1. С. 253.

80. Сапрыкин С.Ю. Греческие полисы Причерноморья (эпоха архаики и ранней классики) // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 83, 84.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ АДЫГОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ*

К проблемам этнической истории адыгов (кабардинцев, черкесов и адыгейцев)¹ мои предшественники обращались неоднократно. Основные элементы динамики этнокультурного развития адыгского этноса в эпоху древности и Средневековья рассмотрены в работах авторов послевоенного советского и постсоветского периодов (Е.И. Крупнов², Л.И. Лавров³, Е.П. Алексеева⁴, В.И. Марковин⁵, Н.В. Анфимов⁶, Я.А. Федоров⁷, Р.Ж. Бетров⁸, Н.Г. Ловпаче⁹, Б.М. Керефов¹⁰ и др.).

В настоящем сообщении излагается краткий очерк ранних этапов этнической истории предков современных адыгов. Предлагаемый очерк основывается на достижениях вышеупомянутых ученых-предшественников, но вместе с тем частично им противоречит.

Адыги говорят на языках западнокавказской группы, имеющей очень архаичные черты в фонетике и морфологии¹¹, указывающие на их давнее родство с народами нахско-дагестанской группы¹². Адыги – потомки древнейшего населения региона. Сомнения в том, что предки адыгов с глубокой древности жили на Северо-Западном Кавказе и в более восточных районах Предкавказья по меньшей мере нелогичны. Есть фактические основания относить начало формирования антропологического типа меотов (предков адыгов) и соответственно – этнокультурной специфики местного населения Северо-Западного Кавказа к рубежу эпох палеолита и мезолита (12–10 тыс. лет назад)¹³.

Адыги и родственные им убыхи, абазини и абхазы вероятно до конца III или середины II тыс. до н.э. имели общий язык-основу. В III и II тыс. до н.э. абхазо-адыгские племена занимали обширную территорию, которая включала предгорья Северного Кавказа и значительную часть Анатолии (Малая Азия). Родственными абхазо-адыгам были племена хаттов и касков, проживавшие в III–II тыс. до н.э. в Малой Азии. Хатты обладали высокой культурой и приняли участие в образовании могущественного ближневосточного Хеттского царства (II тыс. до н.э.). Однако к середине XVII в. до н.э. хаттский язык был вытеснен хеттским (индоевропейским)¹⁴. Возможно, этнически близкими адыгам были и ближневосточные племена хурритов.

Племена касков, или кашков, известные по письменным источникам, жили по соседству с хаттами на северо-востоке Малой Азии со II по начало I тыс. до н.э. и, вероятно, говорили на родственном хаттам языке. Этноним каска (кашка) близок к средневековому названию адыгов – касоги.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Древняя и средневековая история адыгов»

Согласно одной из гипотез, часть хаттов и касков не позже III тыс. до н.э. заселили восточное Причерноморье и Прикубанье. В результате смешения с культурой местного (вероятно, родственного) населения Закубанья здесь в III тыс. до н.э. сложилась яркая майкопская культура¹⁵. Во второй половине III тыс. до н.э. племена майкопской культуры заселили предгорья Северного Кавказа от Таманского полуострова до приморского Дагестана¹⁶. Следы влияния высокоразвитой майкопской культуры прослеживаются в Приазовье и на востоке современной Украины¹⁷.

Важно, что майкопской и новосвободненской культурам в Закубанье и в более восточных районах Предкавказья предшествовала высокоразвитая культура эпохи энеолита, что подтверждает гипотезу о значительной роли северо-кавказского населения в генезисе майкопской культуры¹⁸.

Протоадыгская этническая принадлежность майкопской археологической культуры Северного Кавказа эпохи бронзы (III тыс. до н.э.) признается многими исследователями¹⁹. Следует заметить, что попытки связать памятники майкопской культуры с другими этносами, например тюркскими, оказались несостоятельными²⁰. Интересно, что основная территория, занимаемая майкопскими и близкими им новосвободненскими памятниками²¹ в III тыс. до н.э., совпадает с границами Черкесии в период ее расцвета²².

В III–II тыс. до н.э. на Западном Кавказе развивалась дольменная археологическая культура. Наиболее обоснованной гипотезой этнической интерпретации культуры строителей дольменов является адыго-абхазская²³. Строители мегалитических (дольменовидных) гробниц и в эпоху ранней бронзы (новосвободненская культура), и в эпоху средней бронзы (дольменная культура) проникали в более восточные области Предкавказья – Причеречье и Пятигорье. Так на территории Нальчика²⁴ и в его окрестностях (Кишпек²⁵, Нартан²⁶) изучены монументальные дольменовидные подкурганые гробницы, а в районе Железноводска упоминаются классические плиточные дольмены²⁷.

В эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) территория Прикубанья частично была охвачена т.н. прикубанским очагом²⁸ металлургии и металлообработки²⁹. Археолог Е.П. Алексеева считала, что памятники прикубанского очага на Северо-Западном Кавказе оставлены местным населением, в том числе и предками адыгов³⁰. Ее коллега А.Л. Нечитайло выделила особую прикубанскую культуру эпохи поздней бронзы и раннего железного века³¹. Исследователи прикубанской культуры подчеркивают ее связь с более ранней, т.н. северокавказской культурой II тыс. до н.э. и предполагают, что в пределах прикубанской культуры в начале I тыс. до н.э. сложилась культура племен меотов и синдов – прямых предков современных адыгов³². Выделяется особая, протомеотская группа памятников, которая, вероятно, сложилась на основе прикубанского очага металлургии и металлообработки бронзы³³. Эта группа памятников или особая культура существовала на Северо-Западном Кавказе в период перехода к раннему железному веку. Протомеотские памятники занимают область от берегов Черного моря на западе до среднего течения Кубани на востоке. Развитие протомеотской группы памятников привело к формированию меотской археологической культуры³⁴.

Протомеотская группа памятников теснейшим образом связана с памятниками предскифского времени Кабардино-Пятигорья (т.н. ка-

менномостско-березовская или западно-кобанская группа памятников). Интересно, что и протомеотская и каменномостско-березовская группы памятников очень близки т.н. степной киммерийской культуре Северного Причерноморья. Оригинальную концепцию, объясняющую эту ситуацию, предложила в 70–80-х гг. XX в. археолог Н.Л. Членова. Она считала, что формирование каменномостско-березовской культуры (включающей протомеотские и западно-кобанские древности) и родственных ей кобанской и колхидской культур происходило в позднейшую предскифскую эпоху (VIII–VII вв. до н.э.) как составляющей киммерийско-карасукской общности под влиянием производственных центров Западного Ирана (Луристан)³⁵. Таким образом, по Н.Л. Членовой, протомеотские памятники были оставлены киммерийцами. Она считает киммерийцев прямыми предками абхазо-адыгов и прочно связывает с этим древним народом топонимы на «Гум» и этнонимы «кемурго» и «хомарра», распространенные на Северо-Западном Кавказе³⁶. Соответственно, древнейший, упоминаемый в письменных источниках народ по юге Восточной Европы, – киммерийцы – является одним из предков современных адыго-абхазов³⁷. Концепцию Н.Л. Членовой полностью или частично поддержали Д.Г. Савинов³⁸, Ю.Н. Воронов, И.В. Яценко³⁹, В.А. Фоменко⁴⁰. О происхождении адыгов от киммерийцев также писали Л.И. Лавров и Н.Г. Ловпаче⁴¹. Ю.Н. Вороновым была предложена гипотеза о том, что кобанская культура очень близка колхидской культуре (территория Абхазии и Западной Грузии) и их можно объединить в одну колхидо-кобанскую культуру⁴².

Следует отметить, что этнокультурным маркером киммерийской культуры справедливо считаются т.н. оленные камни⁴³ – стилизованные изваяния воинов-вождей. Интересно, что на территории Кабардино-Балкарии зафиксирована наибольшая концентрация таких изваяний на юге Восточной Европы (Кызбурун, Куба, Нижний Куркужин, Джылы-су и др.)⁴⁴.

Происхождение коренного населения Крыма VIII–III вв. до н.э. – тавров – также, возможно, связано с киммерийцами. С таврами соотносят кизил-кобинскую культуру. Большинство ее памятников сконцентрировано в южной части Крыма⁴⁵. Кизил-кобинская культура своими чертами напоминает памятники т.н. кобанской культуры⁴⁶ (точнее, каменномостско-березовской). В Крыму на Керченском полуострове известны погребения VI–IV вв. до н.э. в каменных ящиках, которые археолог А.А. Масленников выделил в особую культуру, возможно, родственную таврам и синдам⁴⁷.

Меоты, упоминаемые античными авторами, – собирательное название племен, живших возле Меотиды (Азовское море). Наиболее ранние сведения о меотах содержатся у авторов VI в. до н.э. Гекатея Милетского, Скилака Кариандского, Орфея Кротонского. Существуют разные варианты размещения меотских племен на современной карте. Однако вполне признано, «что синды занимали Таманский полуостров ... Далее к югу – до современного Новороссийска – жили тореты, в районе Геленджика – керкеты. Еще южнее, на побережье, проживали ахеи, а за ними на востоке – в глубине гор – зихи. К востоку от синдов – псессы, населявшие левый берег Кубани до реки Афипса, которая служила границей с фатейми. А между реками Кирпили и Кубанью проживали дандарии»⁴⁸. Страбон в «Географии» пишет: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие»⁴⁹.

По данным античных авторов, меоты обитали в основном вдоль Азово-Черноморского побережья Кавказа. Восточнее, возможно, также жили племена, родственные меотам. На севере меоты соседствовали с кочевыми племенами скифов и савроматов. Отдельная группа меотов населяла низовья Дона.

Начиная с предскифского времени часть населения Прикубанья, Прикумья и Притеречья участвовала в т.н. переднеазиатских походах киммерийцев и ранних скифов, что в Закубанье привело к значительной социально-ранговой дифференциации в меотском обществе и возникновению курганных могильников местной военной аристократии (Уашхиту, Келермес, Костромская, Уляп и др.)⁵⁰. Келермесские курганы и близкие им «царские» некрополи скифо-сарматского времени принято связывать с адыгским этнокультурным массивом⁵¹.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. побережье Северного Причерноморья и Приазовья стало колонизироваться древними греками. Черноморские и азовские греческие города-полисы были торговыми, земледельческими и ремесленными центрами. К наиболее значительным центрам, располагавшимся в области расселения меотских племен, можно отнести города: Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. В 480 г. до н.э. древнегреческие города, расположенные вблизи Керченского пролива, объединились в Боспорское царство. С 438 г. до н.э. по II в. до н.э. здесь правила династия Спартокидов. Существует предположение, что эта династия имеет синдо-меотское происхождение⁵². При представителе этой династии Левконе I (389–349 гг. до н.э.) к Боспорскому царству была присоединена Феодосия и другие богатые земли кавказского побережья (области расселения синдов, торетов, дандариев и псессов). Преемник Левкона I, Перисад I (351–309 гг. до н.э.) подчинил фатеев и досхов и носил титул царя «всех меотов». Однако меоты зависели от боспорских правителей формально и сохраняли некоторую самостоятельность, выплачивая дань хлебом и другими продуктами, предоставляя воинов и не беспокоя купцов. Боспорское царство не всегда имело возможность контролировать ситуацию, и Страбон пишет, что «иногда то один, то другой народ отпадали от них»⁵³. Боспорские купцы создавали торговые пункты-фактории для улучшения торговли с меотами. Принято считать, что фактория у ст-цы Елизаветинской в среднем течении Кубани, возникшая в конце IV в. до н.э., была наиболее удаленным к востоку боспорским торговым пунктом среди меотских племен⁵⁴. Однако памятники, связанные с влиянием Боспорского царства, фиксируются гораздо восточнее, в т.ч. и в окрестностях Ставрополя, а также южнее – в верховьях р. Калаус⁵⁵. Исходя из этого, можно предположить, что и меоты, без участия которых проникновение боспорских купцов на территорию Центрального Предкавказья вряд ли было бы возможно, также жили в западной и южной частях Ставропольской возвышенности.

Синды, видимо, – самые многочисленные из меотов, как известно, населяли Таманский полуостров. До начала IV в. до н.э. синды имели свое государство. В годы правления Левкона I Синдика была присоединена к Боспорскому царству. Столицей Синдики, скорее всего, был Синдик, или Синдская гавань (с IV в. до н.э. – Горгиппия), находившийся на месте современной Анапы⁵⁶. Другим крупным археологическим памятником синдов считается Семибратнее городище, имевшее мощную систему укреплений. В окрестностях Анапы исследователями открыто значительное количество

богатых и в значительной степени элинимогильников, связываемых с синдами. Курганы V–IV вв. до н.э., расположенные у Семибратнего городища, сооружены представителям синдской знати. Могильники рядового населения известны на территории Анапы и в ее окрестностях (пос. Рассвет, Красная Скала, Воскресенский, Уташ и др.). Погребальный обряд синдов не отличается однообразием: грунтовые погребения под каменными вымостками, подкурганные каменные гробницы, каменные ящики. Археолог Е.М. Алексеева считает, что каменные ящики и некоторые другие погребальные конструкции из камня VI–V вв. до н.э. в окрестностях Анапы связаны с населением, близким кобанской культуре⁵⁷. К югу от Анапы на месте прежнего обитания керкетов, торетов, ахеев и зихов также выявлены памятники местного населения. В районе Геленджика исследованы подкурганные дольмены VIII–VI вв. до н.э.⁵⁸, близкие классическим дольменам эпохи ранней бронзы.

Гуннское нашествие разрушило боспорские города. Погибло и само Боспорское царство. В значительной степени от кочевников пострадало население Таманского полуострова. Территория расселения меотов на равнинах Предкавказья значительно сократилась; в письменных источниках IV–V вв. исчезают названия меотских племен, и общее имя «меоты» становится гораздо более редким. Однако чаще упоминаются жившие в гористой местности джики (зихи), вероятно, менее других меотов затронутые волной гуннских орд⁵⁹.

Таким образом, исследования археологов и антропологов позволяют считать предгорья Северного Кавказа территорией проживания древнейших (12–10 тыс. лет назад) предков современных адыгов. Кроме того, данные археологии, письменных источников и палеолингвистики подтверждают, что в III и II тыс. до н.э. предки адыго-абхазов занимали часть Анатолии, а в начале I тыс. до н.э., вероятно, составили ядро обширной киммерийско-карасукской общности. В античную эпоху территория расселения предков адыгов ограничивается Западным Кавказом, нижним течением Дона и, видимо, горным Крымом, хотя есть основания считать, что в степных, предгорных и горных областях Западного и Центрального Кавказа до эпохи позднего Средневековья сохранялось значительное население, по языку близкое к адыгам.

В отношении традиционно выделяемых исследователями этнических маркеров древнего адыгского населения Предкавказья – курганах и мегалитах (в т.ч. дольменах) – можно сказать, что они вряд ли охватывали весь этнический массив. На примере дольменов хорошо заметно, что формировавшаяся в III тыс. до н.э. культура переживает эпоху расцвета во II тыс. до н.э., затем к концу того же тысячелетия угасает. В эпоху поздней бронзы и раннего железа дольменные (точнее, дольменовидные) постройки в Прикубанье очень редки. И только в эпоху раннего Средневековья традиция строительства дольменов возрождается, причем на весьма ограниченных территориях (например, в Верхнем Прикубанье⁶⁰). Дольмены, другие мегалиты, так же как и крупные курганные насыпи, были, прежде всего, культовыми сооружениями, и их строительство было связано с распространением определенных культов среди части древнеадыгского населения. Тогда же были распространены менее трудоемкие и заметные грунтовые некрополи, состоящие из ям и каменных ящиков.

Примечания
(Endnotes)

1. В современной историографии об адыгах нередко говорят как о едином народе, говорящем на адыгском языке, имеющем несколько диалектов (кабардино-черкесский, темиргоевский, бжедугский, шапсугский и другие). См. например: *Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А.* Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994.
2. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957; *Он же.* Древнейшая культура Кавказа и древнейшая кавказская общность: к проблеме происхождения коренных народов Кавказа // Советская археология. М., 1964. № 1. С. 26–43.
3. *Лавров Л.И.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3.
4. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. *Она же.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э. – IV в н.э.). Черкесск, 1976; *Она же.* Предки адыгов на территории Карачаево-Черкесии в древности и раннем Средневековье (к историографии пробелов) // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.
5. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. М., 1974; *Он же.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978; *Он же.* Испун – дома карликов: Заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар, 1985; *Он же.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) // Советская археология. М., 1990. № 4; *Он же.* О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // Российская археология. М., 1994. № 4. С. 35–39.
6. *Анфимов Н.В.* Вопросы этнической истории синдо-меотов // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978; *Он же.* Зихские памятники черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980; *Он же.* К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981; *Он же.* Курганы рассказывают. Краснодар, 1982; *Он же.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
7. *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
8. *Бетров Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; *Он же.* Этническая история адыгов. Нальчик, 1996; *Он же.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.
9. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997; *Он же.* Древний Майкоп. Майкоп, 2009.
10. *Керефов Б.М., Керефов Т.Б.* Кабардинцы: краткий историко-этнологический очерк // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 30–47; *Он же.* Ранний этап этногенеза адыгов // Адыгская энциклопедия. М., 2006.
11. *Габуниа З., Тирандо Р.Г.* Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. М., 2002. С. 110–111.
12. *Старостин С.А.* Северокавказские языки // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001. С. 75–79.
13. *Романова Г.П., Харитонов В.М.* Морфологические особенности черепа человека из палеолитической стоянки в навесе Сатанай // Вопросы антропологии. М., 1984. № 73. С. 49; *Аутлев П.У.* К этногенезу адыгов // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 7.
14. *Керефов Б.М.* Ранний этап этногенеза адыгов // Адыгская энциклопедия. М., 2006.
15. *Там же.* Указ. раб.
16. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
17. *Нечитайло А.Л.* Керамика майкопского типа в степной Украине как источник связей двух областей // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Геленджик, 1982.
18. *Нехаев А.А.* Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 19–20.

19. Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; Ловпаче Н.Г. Истоки майкопской культуры, ее связь с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 34–36; Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004.
20. Марковин В.И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // Советская археология. М., 1990. № 4. С. 153–157.
21. Корневский С.Н. Указ. раб.
22. См.: Милорадович О.В. Кабаринские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. М., 1954. Вып. XX. С. 343–356; Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. № 11. С. 8–23.
23. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. М., 1974.
24. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик, 1973.
25. Он же. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 164–173.
26. Благодарю И.М. Чеченова за предоставленные сведения о неопубликованных материалах раскопок кургана эпохи ранней бронзы у сел. Нартан.
27. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005. С. 8–10.
28. Иногда употребляется термин «прикубанская культура».
29. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1951. Вып. 23.
30. Алексеева Е.П. Предки адыгов на территории Карачаево-Черкесии в древности и раннем Средневековье // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.
31. Нечитайло А.Л. Памятники прикубанской культуры у истоков реки Теберды // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 124–133.
32. Кереев Б.М. Указ. раб.
33. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии...
34. Анфимов Н.В. Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // *Alter du VII-e congres international des sciences prehistorique et protohistorique*. Prague. 1971. Т. 2. Р. 865–870; Он же. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (прото-меотская группа памятников) // Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
35. Членова Н.Л. Памятники I тыс. до н.э. Северного и Западного Ирана и проблема киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 323–340; Она же. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
36. Там же. С. 83.
37. Там же. С. 76.
38. Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72–94; Савинов Д.Г. Проблема оленных камней в историографическом аспекте // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 106–133.
39. Яценко И.В., Воронов Ю.Н. Рецензия на книгу: «Н.Л. Членова. Оленные камни как исторический источник». Новосибирск, 1984 // Вестник древней истории. М., 1991. № 1. С. 179–184.
40. Клычников Ю.Ю., Фоменко В.А. О происхождении некоторых форм керамики каменноостско-березовской группы (X–VI вв. до н.э.) // Вторая зональная олимпиада по археологии и краеведению. Грозный, 1990; Фоменко В.А. О своеобразии предкавказского звена киммерийско-карасукской общности // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2. С. 68–69; Он же. О

некоторых типах металлических украшений из каменноостско-березовских могильников Кисловодской котловины // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992; Фоменко В.А., Тульников Е.П. О семантике геометрических и зооморфных изображений на оленных камнях из Предкавказья // Прочноокопский историко-культурный многоутольник. Армавир, 1994. С. 34–37.

41. Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 198–199; Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северо-восточном Причерноморье // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1987. № 2 (58). С. 80–87.

42. Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидо-кобанская культура) // VIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978.

43. Тереножкин А.И. Киммерийские стелы // Археология. Киев, 1978. Вып. 27 (на укр. языке).

44. Батчаев В.М., Керефов Б.М. Оленный камень из Кабардино-Балкарии // Советская археология. М., 1980. № 3; Дударев С.Л. К вопросу о датировке второй нижнекуркужинской стелы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001; Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. С. 35–36, 46–47.

45. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Кизил-кобинская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 171–175.

46. Бобин В.В. Черты сходства культуры древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // История и археология Крыма. Киев, 1957. С. 54–60; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 248, 252, 269, 294.

47. Масленников А.А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // Краткие сообщения Института археологии. М., 1976. Вып. 145. С. 21–22.

48. Керефов Б.М. Указ. раб.

49. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1993. Т. 2. С. 271–272.

50. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997; Она же. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника // Советская археология. М., 1985. № 3; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э. Некрополи у аула Уляп. М., 2005.

51. Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1982. С. 59–62; Он же. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 56.

52. Максидов А.А. Адыги и народы Причерноморья. Нальчик, 2003. С. 23–32.

53. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1993. Т. 2. С. 272.

54. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.

55. Край наш, Ставрополье. Ставрополь, 1999. С. 32–33.

56. Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1978. С. 11–15.

57. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 35–36.

58. Аханов И.И. Геленджикские подкурганные дольмены // Советская археология. М., 1961. № 1. С. 139–149.

59. Керефов Б.М. Указ. раб.

60. Фоменко В.А. Раннесредневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья (вопросы хронологии и культурно-этнической принадлежности) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. Вып. 4 (42). С. 59–65.

С.Х. Хотко
(г. Майкоп)

**ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ (VIII–X вв.)**

Одной из наиболее радикальных концепций этнической истории региона Северо-Западного Кавказа эпохи Средних веков является концепция археолога А. В. Пьянкова, которая была высказана им в соавторстве с археологом В.А. Тарабановым в 1998 г. и окончательно сформулирована в 2001 г.¹

Суть этой концепции состоит в предположении тюркского происхождения носителей кремационного обряда, часто практиковавшегося населением Северо-Западного Кавказа, начиная с середины VIII в.

Согласно А.В. Пьянкову, данный погребальный обряд оказывается неразрывно связан с предполагаемым массовым заселением в регион Западного Закубанья тюрок из ареала салтово-маяцкой культуры (Северский Донец). Исследователь настаивает также на том, что этноним *касоги* изначально маркировал именно это пришлый воинственный народ.

Таким образом, согласно данной концепции, регион исторической Зихии населяло два народа – сами зихи, с адыгской принадлежностью которых Пьянков вполне согласен, и некий, то ли народ, то ли значительный воинский контингент на службе у хазарского правительства. Эти воины из Степи не просто расселяются в завоеванном краю, как это было бы нормально предположить, но аннексируют огромные пространства, изгоняют местное население. Таким образом, в воображении Пьянкова возникает целая тюркская этническая область на Северо-Западном Кавказе.

В чем состоит археологическое обоснование тюркского происхождения касогов? Впервые детальное археологическое обоснование данной концепции было сформулировано в 1998 г.²

А.В. Пьянков и В.А. Тарабанов высказали уверенность в том, что у двух групп кремационных погребений – Подонцовья и Северо-Западного Кавказа – единое этническое происхождение. Для группы кремаций Северского Донца авторы предложили сокращение ДГК, а для западно-кавказской, или, как они это формулируют, кубано-черноморской группы кремаций – сокращение КЧГК. Такие термины, как адыги, черкесы, зихи, в статье, рассматривающей этническую природу погребального обряда на Северо-Западном Кавказе, ни разу не упомянуты.

1-е сходство, указанное Пьянковым и Тарабановым:

«Погребальные обряды ДГК и КЧГК укладываются в одну схему. Умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем. После чего кальцинированные кости собирались вместе с золой, утюлками, вещами и за-

хоранивались в ямах. Кости зачастую собирались неполностью. Ямы были неглубокие (до 1 м) и имели в плане форму овальную, подпрямоугольную или круглую»³.

Слишком общее наблюдение, которое можно сделать в отношении вообще всех ареалов кремаций в Евразии. Ясно, что после высокой температуры горения собирали только часть костей, а захоронение в ямах любой формы также ничего не проясняет.

Интересно, что авторы не сосредоточили свое внимание на такой специфической для КЧГК форме погребения, как помещение останков кремированного в каменный ящик. Этого нет в ареале ДГК. Нет в ареале ДГК и семейных усыпальниц, что является весьма характерной чертой для КЧГК. Нет в ареале ДГК и подкурганных кремационных погребений, которые характерны для КЧГК. Это и есть сущностные черты погребального сооружения и обряда в ареале КЧГК.

К сожалению, авторы концепции забыли указать эти и другие весьма существенные различия, но не забыли о трех видах ям. Если поискать, то в описаниях раскопок можно найти не только подпрямоугольные ямы, но и трапецевидные, но что это дает для анализа?

2-я черта сходства (по Пьянкову и Тарабанову) состоит в констатации помещения останков в керамические урны. Это также универсальная черта, присущая всем ареалам кремаций Евразии. Ничего действительно специфически присущего и действительно уникально роднящего ДГК и КЧГК авторы не подметили.

3-я черта – ритуальная порча предметов погребального инвентаря. Также универсальная черта, свойственная мифологическим представлениям очень многих народов.

4-я, 5-я и 6-я черты – тайнички, погребальные дары и конские захоронения – также универсальные обряды.

На этих шести пунктах и построена вся версия Пьянкова и Тарабанова. Затем они еще приводят 7 аналогий в инвентаре. Рассмотрим их.

1-я заключается в обнаружении в обоих ареалах широколезвийных наконечников копий с отверстиями у основания пера. Сами авторы отмечают, что таковые встречаются далеко не только в ДГК и КЧГК, но и в Западной Сибири, и на Балканах.

2-я – наконечники стрел в виде широких и прорезных лопаточек. Сами авторы уточнили, что таковые есть всюду от Приуралья до Молдавии. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

3-я – «в погребениях КЧГК встречены редкие для хазарского времени наконечники стрел с рамчатым пером... Нам известна только одна аналогия этому типу наконечников за пределами ареала КЧГК». Ну а раз так, то этот третий пункт можно исключить.

4-я аналогия – складные серпы. Предмет всаднической амуниции, вполне вероятно, внедренный кочевниками, но заимствованный очень многими. Таким всадническим народом, как адыги, подобные вещи воспринимались охотно и получали развитие. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

5-я аналогия – коньковые подвески. Видимо, элемент, внедренный венграми, соответственно, получил большое распространение – Урал, Поволжье, Северо-Западный Кавказ; встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

6-я аналогия – очажные принадлежности. Ясно, что это совершенно ни о чем не сообщающая нам аналогия, которая охватывает огромные пространства.

7-я аналогия – ножи, использовавшиеся, как предполагают, для метания. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях хазарского («салтовского») времени. Авторы замечают, что в кремациях обнаружено больше находок таких ножей.

На этом все. Что тут можно сказать? Вряд ли исследователи способны понять природу формирования большого адыгского этнического пространства на Северо-Западном Кавказе до тех пор, пока они не сформулируют соответствующую задачу. Пока же мы наблюдаем преимущественно такого рода исследования, которые нацелены на обоснование неадыгской принадлежности той или иной археологической культуры.

Да, адыги впитали в себя множество этнических элементов, но нет оснований изображать этот процесс как напластование чужеродных культур. Это был процесс непрерывной инфильтрации незначительных этнических «присадок» в мощное тело автохтонного этноса.

Мнение первого исследователя зихских кремаций В. Сизова как ключ к пониманию автохтонной природы обряда кремации. В 1886 г. первые профессиональные археологические исследования зихских памятников – разведку и раскопки – предпринял член Московского Археологического общества Владимир Ильич Сизов⁴. Массовым и типичным обрядом захоронения на обследованной Сизовым территории – от Геленджика до Анапы – являлось погребение в каменном ящике под курганом. Сизов подчеркивает этногенетическую и культурную преемственность этого обряда с традициями мегалитической, дольменной эпохи. «Живучесть этих традиций, – пишет Сизов, – объясняется только преемственностью вообще древних обычаев среди одной и той же народности, занимавшей испокон века одну местность»⁵.

Сизов высказывает замечательную догадку, касающуюся как коллективных захоронений в одной гробнице, так и кремаций – в каменных ящиках и урнах. Версия была основана на его тонком знании исторических и этнографических источников. «Такого рода факт, – пишет Сизов, – объясняется существовавшим в этих местах обычаем – трупы умерших людей привешивать на деревья, откуда уже через несколько лет кости насыпались в родственные могилы. Обряд этот, о котором, между прочим, упоминают древние писатели, сохранился до позднего времени: так, атаман Раевской станицы был свидетелем в 60-х годах, как натухайцы похоронили таким способом своего собрата, убитого громом. Черкес Кадриков (натухайский переводчик, осевший в станице после завершения Кавказской войны и служивший проводником и информатором у Сизова. – Прим. С.Х.) точно так же утверждал, что черкесы вешали на деревья трупы убитых громом. Такой обычай нельзя не считать уцелевшим древним погребальным обрядом, который не потонул в мусульманских верованиях и в котором еще чувствуются следы почитания бога-громовника»⁶.

В середине X в. арабский историк и географ ал-Масуди указал, что народ кашак исповедует религию магов⁷. Напомним, что магами изначально назывались священники в зороастризме. Что подвигло ал-Масуди на это замечание? Скорее всего, то обстоятельство, что зихи (кашаки) массово использовали предварительное «воздушное погребение».

Б.С. Хотко, исследовавшая абхазо-адыгские обряды воздушного погребения, отмечает, что типологически кавказский обряд «воздушного» по-

гребения может быть сопоставлен с предварительными «воздушными» погребениями в зороастризме. Башни-дакхмы выполняли ту же функцию, что и деревья в абхазо-адыгском ареале⁸.

Следующее после Сизова масштабное исследование средневековых зихских могильников было предпринято В. В. Саханевым в 1911–1912 гг.⁹

Часть I отчета Саханева «Могильник области Зихов» посвящена исследованию Борисовского биритуального могильника в Геленджике, состоящего, по преимуществу, из 2 типов погребений: 1) трупоположения в каменных ящиках; 2) захоронения останков кремаций в каменных ящиках.

Почти 50% от трупоположений в гробницах были расхищены полностью или почти полностью. При этом они дали гораздо больше предметов инвентаря, чем гробницы с кремациями, хотя последние были расхищены не более чем на 30%. «Это различие, – отмечает Саханев, – по-видимому, бросилось в глаза и грабителям, так как все курганы с сожжениями не только не расхищены, но даже не тронуты грабительским щупом, без следов которого вряд ли можно найти хоть один курган с каменной гробницей»¹⁰.

Надо заметить, что А.В. Пьянков не обращает в своих статьях никакого внимания на это важнейшее обстоятельство: последствия грабительских раскопок искажают наше представление об уровне влияния носителей кремационного обряда на социально-культурное состояние Зихии.

Конструкция курганов с сожжениями наглядно демонстрирует влияние доминирующего обряда – курганов с каменными гробницами, обложенных плитами, огражденных плитами или снабженных концентрическими кругами камней на насыпи. Саханев, прослеживая типичность и однородность обряда захоронения в каменных гробницах под курганными насыпями на протяженном участке побережья, а также многочисленные и точные соответствия в инвентаре погребений, раскопанных Сизовым и им самим, приходит к выводу об адыгской (зихской) принадлежности памятников. Более того, он подчеркивает возможность их соотнесения с конкретной адыгской общностью – натухаевцами¹¹.

Другое, не менее важное, наблюдение Саханева состоит в том, что один народ вполне мог иметь два обряда погребения: «Единственный более или менее достоверный вывод, который можно отсюда сделать, – тот, что оба обряда погребения принадлежали одной и той же народности. Доказательства этого можно видеть, *во-первых*, в том, что как в Борисовской группе, так и в Тонкомысской, и в Мысхако, курганы с сожжениями и курганы с каменными гробницами составляют одну цельную курганный группу; а, *во-вторых*, в общности некоторых предметов погребального инвентаря. Так, длинные прямые массивные сабли встречались как в курганах с сожжениями, так и в курганах с каменными гробницами; то же можно сказать и о железных ножах, кресалах, костяшках»¹².

Очень четко переход от одной формы погребения к другой и их бытование в один период демонстрируют нам кремации в каменных гробницах, а также кремации в урнах под курганами, оформленными точно так же, как и курганы с трупоположениями.

Инвентарь борисовских кремаций, по точному наблюдению Саханева, относится к более поздней эпохе и имеет близкие аналогии в Верхне-Салтовском могильнике. Саханев не придает тем не менее преувеличенного значения указанной культурной близости с кочевническими древностями Юга России. Его логика в этом вопросе состоит в том, что: 1) в Борисове прослеживается целая группа погребений промежуточного, связующего

характера; 2) вряд ли новая народность, поселившаяся на месте жительства другой, выбрала бы для погребения своих покойников старый некрополь; 3) сам факт преемственности культуры в рамках одного могильника свидетельствует о смене погребальной обрядности при преемственности населения.

В наши дни, когда история изучения салтово-маяцкой культуры насчитывает массу исследований, мы можем только поддержать логику Саханева. Главное отличие между кремациями Борисова и салтово-маяцкой культурой заключается в самом обряде погребения. На огромной территории салтово-маяцкой культуры при столь же огромном числе исследованных памятников не обнаружено ни одной кремации в каменной гробнице. Точно так же не обнаружено ни одного примера семейных склепов, что весьма характерно для Зихии. Кроме того, в Зихии кремации в урне накрывались курганом, тогда как салтовские урновые кремации исключительно бескурганные.

Очень важное отличие состоит в том, что на территории салтово-маяцкой культуры «никаких следов доспехов, кроме остатков кольчужных поясов (т.е. наборных поясов. – Прим. С.Х.) в погребениях и в поселениях обнаружено не было»¹³. Тогда, как находки доспехов: кольчуг, шлемов, наручей, поножей и др. элементов защитного вооружения – для современных салтово-маяцкой культуре могильников Зихии VIII–X вв. являются достаточно обыденным фактом.

Общее количество кремационных погребений в салтовском ареале не превышает 600, из которых больше половины зафиксированы на одном могильнике Сухая Гомольша (укр. Гомільша, городище и соотносимый с ним кремационный могильник на Северском Донце, примерно в 40 км к югу от Харькова). Остальные кремационные погребения распределены небольшими группами и единично, без всякой прослеживаемой связи по обширной «салтовской» территории.

Как знать, быть может, в этом городище находился хазарский гарнизон, на вербованный из зихов (касогов)? А если так, то не здесь ли надо локализовать летописных касогов, которых на обратном пути из Итиля покорил Святослав?

Реликты в адыгском языке

В адыгских ругательствах, которые, возможно, восходят к проклятиям, есть такие выражения: как уянэ уегъэлыгъу «твою мать ты (чтобы) обсмолил/опалил»; зыянэ агъэлэгъожыгъэр «тот, чью мать опалили/обсмолили»; уянэ уегъэлыцIэжъ «твою мать (чтобы) ты поджарил». Являются ли эти устойчивые обороты речи реликтами той эпохи, когда адыги кремировали своих усопших?

М.В. Добровольская, специалист в области исследования кремированных костных останков, отмечает, что обряд кремации мог осуществляться «при низкой температуре (обугливание), что возможно при помещении объекта на горящие угли или на краю костра»¹⁴.

Нельзя не обратить внимание на следующее сходство. Общим наименованием зороастрийских священнослужителей, выделявшихся в отдельное сословие, является авест. aθrauan- (пехл. asrōn) – «хранитель огня». В адыгском эпосе известен свой Прометей – Нэсран-жаче (Нэсран-жакIэ, «Нэсран Борода»), принесший нартам огонь и прикованный за

это к скале. Интересно, что в ряде текстов Нэсран упоминается как Асран-жаче (Асран-жакІэ, Асран-Борода)¹⁵.

Понятие греха в адыгском выражено словом гонахь (в кабардинском гуэныхь, ср. с персидским gonāh «грех», которое, если не появилось в рамках зороастрийской доктрины, то уже использовалось в соответствующих трактатах), хотя, вполне вероятно, что это слово попало в адыгский через посредство арабского.

Главные выводы

1. Кремационный обряд погребения в регионе исторической Черкесии не является маркером этнического происхождения, но должен быть признан проявлением эволюции религиозных представлений автохтонного адыгского этноса.

2. Кремация – второй по частоте использования адыгским населением погребальный обряд, который практиковался на протяжении порядка 600 лет.

3. Бесспорна взаимосвязь кремации с «воздушным погребением», также тысячелетним обрядом, присущим адыгам, а также абхазам. В таком случае кремация представляет собой кардинальный способ уничтожения плоти.

Письменные источники в интерпретации А.В. Пьянкова

Версия Пьянкова основана на его убежденности в том, что касоги и зихи – два совершенно различных этноса.

Первые – *зихи*, согласно Пьянкову, живут только на побережье, их нет на северном склоне. С их адыгской принадлежностью Пьянков вроде бы как согласен, но полностью утверждать это свое впечатление от его работ мы не в состоянии, поскольку зихи явно не входят в ряд исследовательских приоритетов этого археолога. Они всегда только всплывают на втором или третьем плане как некий аморфный местный фон. Их отношения с касогами также не прорисованы.

Вторые – *касоги*, тюрки-пришельцы, выполняющие роль колонистов на службе у хазарского правительства. Они, согласно Пьянкову, заняли все пространство Западного Закубанья от устья Кубани до Псекупса.

Кочевники оседают на земле и становятся фактически постоянными кавказскими жителями. Как это происходило и как это можно показать археологическими и письменными источниками, совершенно непонятно. Возникает вопрос: каким образом тюрки, полностью занявшие Западное Закубанье, могли бесследно исчезнуть или ассимилироваться среди адыгов?

Более вероятный исторический сценарий – ассимиляция зихов, которые занимали, если верить Пьянкову и сходно с ним рассуждающим авторам, только узкую полосу между Главным Кавказским хребтом и морем, от Геленджика до Туапсе. Над ними буквально нависает толща враждебного Закубанья, заполненная тюрками и аланами. Но потом тюрки и аланы исчезают, и все это пространство занимают адыги. Крупнейшая загадка в истории народов Кавказа. Но мы ошибемся, если будем искать хоть какой-то ответ на этот вопиющий вопрос у автора, работы которого поставили на повестке дня.

Как нам представляется, Пьянков поставил перед собой суперзадачу: обосновать неадыгскую принадлежность касогов. В ходе написания не-

скольких статей, как ему показалось, он сумел убедить себя и нескольких коллег в собственной правоте. Но вот вопрос: что дальше? Тюрки, аннексировавшие Западное Закубанье, которое прилегает к огромным тюркским же пространствам Степи. Затем последовали еще мощнейшие волны тюркской колонизации в лице печенегов, половцев, татар. Не остается места и времени для этногенеза адыгов.

Пьянков, по понятной для нас причине, ни разу не задумался о простой вещи: этнонимы *зихи* и *касоги* являются названиями одного и того же народа – адыгов. Одно из первых наблюдений Пьянкова в этой связи: «У самих адыгов не сохранилось подобного самоназвания ни для всей общности, ни для отдельного ее подразделения». Что это доказывает? Вот, например, осетины – потомки алан. И, надо же, пользуясь словами Пьянкова, «не сохранилось подобного самоназвания» – аланы – «ни для всей общности, ни для отдельного ее подразделения».

При этом сам Пьянков только упоминает о том, весьма существенном для понимания связи касогов и черкесов (адыгов) обстоятельстве, что «осетины называют кабардинцев *кесег / кесгон*». Также бегло и без всякого комментария Пьянков говорит о втором важнейшем свидетельстве из сферы собственно кавказской этнонимической традиции: «близко по звучанию сванское название адыгов – *кашаг*»¹⁶.

Действительно, тысячелетние соседи адыгов – сваны и осетины – называют их касогами. Как отмечает Н. Г. Волкова, «под этим же именем (*Кашаг*) у тех же сванов известна территория Северокавказской равнины»¹⁷.

В мегрельском языке, также наряду с этнонимом черкес, есть, очевидно, более старое обозначение – *кашак*. В XVII в., согласно записям Аркандже-ло Ламберти, мегрелы именовали старшего князя Большой Кабарды Алегую Шогенуко *кашак-мепе*, то есть *кашакский царь*: «*universal Principe de Circassi chiamato Chasciach Мере*»¹⁸. Для грузинского языка закономерным является влияние персидской (арабо-персидской) этногеографической номенклатуры.

Суммируя несколько кратких летописных замечаний о касогах, Пьянков делает такой вывод: «Касоги русских летописей предстают достаточно сплоченным и воинственным народом. Они подчиняются одному князю и проживают недалеко от Таманского полуострова»¹⁹.

Непонятно, почему касоги не могут проживать на самом Таманском полуострове. Видимо, под Тмутороканское княжество Пьянков щедро выделил весь полуостров. Но в данном случае, нас занимает больше логика этого исследователя в преломлении к касожской проблеме. На этой же странице он упоминает о сведениях Константина Багрянородного, согласно которому рядом с Таматархой проживают *зихи*. Трактат Константина является полностью аутентичным источником середины X в., в отличие от летописи, на которую с полнейшим доверием ссылается Пьянков.

Вопрос, который обязан был сформулировать Пьянков: по какой причине русские летописцы не знают или не пользуются термином *зихи*? Следующий вопрос: знали ли русские авторы XI–XII вв. о том, что Тмуторокань находится не просто где-то рядом с касогами, а что в ней самой располагался административный центр Зихской епархии?

Первым упоминанием касогов Пьянков считает описание народа *кашак*, сделанное ал-Масуди в середине X в. Если это так, то мы должны согласиться с тем, что завоевание тюрками-касoгами Северо-Западного Кавказа, произошедшее в середине VIII в., согласно Пьянкову же, ни один

из летописцев и географов не заметил на протяжении двух веков. Вряд ли такое невнимание в принципе возможно – да еще в отношении региона, близлежащего к византийскому Крыму, царству Абазгов, которое также находилось в орбите византийского политического и культурного влияния.

Впрочем, описание, сделанное ал-Масуди, действительно носит важнейшее значение для понимания существа касожской проблемы. Оно полностью аутентично – страноведческий трактат ал-Масуди сохранился в первоизданном виде и не оставил для нигилистического восприятия Пьянкова никаких привычных зацепок для отрицания очевидных зихских (адыгских) черт касожской культуры. Правда, и здесь Пьянков делает многозначительную оговорку: «Этот автор не упоминает соседей касогов зихов, хотя отдельные сведения явно относятся к последним». Какие это сведения, Пьянков не уточняет. Предположить очевидное: кашаки – арабский синоним византийских зихов – Пьянков не в состоянии, поскольку такое наблюдение в корне противоречит его концепции. Хотя все то, что он посчитал важным пересказать из Масуди, говорит о тождестве кашаков с зихами. Масуди описал совершенно привычный образ адыгской жизни, прекрасно знакомый нам по всем последующим источникам.

Синонимичность этнонимов зихи и касоги

А.В. Гадло, всегда стремившийся увидеть в касогах и зихах два самостоятельных адыгских племенных объединения, тем не менее не мог не заметить, что наименование касоги «в ряде источников X–XI вв. покрыло собою весь адыгский этнический массив Северо-Западного Кавказа»²⁰.

Среди племен Кавказа, которые в середине X в. вели войну против Хазарии, неизвестный еврейский автор этого периода, так называемый «Кембриджский аноним», упоминает народ Зибус. Это написание, скорее всего, является ошибкой более позднего переписчика, что тем более вероятно, поскольку в иврите буквы б и к пишутся почти одинаково. Поэтому комментаторы этого источника предлагают прочтение Зикус²¹. Алемань приводит два вероятных перевода: «се (вот) те, кто воевал против нас» и «вот они те, кто воевал с нами (как союзники)».

В послании хазарского царя Иосифа (около 954 г.) сановнику-еврею Хасдаю ибн Шапругу, советнику испанского халифа, сообщается о данничестве аланов и касогов: «все аланы до границы Аф-кана [Абхаза], все живущие в стране Каса [касoги]»²².

Таким образом, западный еврейский источник пользуется термином зихи, тогда как восточный еврейский источник – термином каса. Гадло подчеркивает это обстоятельство: «Иосиф не знает термина, близкого к имени зихов. Но он говорит о том, что «все живущие в стране Каса» платят ему дань. Можно думать, что «страна Каса», в представлении Иосифа, включала все племена адыгской общности, в том числе и зихов, как в понятие зихи (зибус) западные авторы включали всю касожскую часть адыгов. В этом отношении показательно, что русские источники, известия которых непосредственно восходили к информации, шедшей из Тмутороканя, соседнего зихам, не знают их имени. Они пользуются тем термином, который был известен хазарам и арабам, – кашак-касoги»²³.

Как видим, А.В. Гадло практически целиком проговорил тот очевидный факт, что существовало два названия одного народа – адыгов. Это и есть ключ к пониманию этнической истории Северо-Западного Кавказа.

Примечания
(Endnotes)

1. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 13. С. 19–31; Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 198–214.
2. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени... С. 18–32.
3. Там же. С. 20.
4. Сизов В. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1889. Вып. II. 183 с.; 39 с. – приложения (фотографии, рисунки, схемы).
5. Там же. С. 157.
6. Там же. С. 157–158.
7. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 206.
8. Хотко Б.С. Обряд «воздушного» погребения в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Вып. 1 (74). С. 183.
9. Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах (с 5 табл. и 56 рис.) // Известия императорской Археологической комиссии. Петроград, 1914. Вып. 56. С. 75–219.
10. Там же. С. 175.
11. Там же. С. 203–204, 206.
12. Там же. С. 204–205.
13. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 74.
14. Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 92.
15. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. С. 135.
16. Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников... С. 198.
17. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 20.
18. Lamberti, Archangelo. Relatione della Colchide, oggi detta Mengrellia. Napoli, 1654. С. 94.
19. Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников... С. 200.
20. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1979. С. 75.
21. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 123; Гадло А.В. Этническая... С. 191; Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 438.
22. Гадло А.В. Этническая история... С. 189.
23. Там же. С. 194.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович – директор Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик), доктор исторических наук.

Бубенок Олег Борисович – заместитель директора Института востоковедения НАН Украины (Киев), доктор исторических наук.

Джопуа Аркадий Иванович – директор Абхазского государственного музея (Сухум), кандидат исторических наук.

Дзуганов Тимур Аликович – докторант Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик), кандидат исторических наук.

Кадиева Анна Анатольевна – хранитель фондов Государственного исторического музея (Москва).

Коларуссо Джон – профессор Макмастерского университета (Канада, Гамильтон), доктор философии.

Кореньский Сергей Николаевич – ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), доктор исторических наук.

Ловпаче Нурбий Газизович – заведующий сектором археологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп), кандидат исторических наук.

Мирзоев Асланбек Султанович – старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик), кандидат исторических наук.

Новичихин Андрей Михайлович – старший научный сотрудник Анапского археологического музея (Анапа), кандидат исторических наук.

Нюшков Валентин Александрович – научный сотрудник Абхазского государственного музея (Сухум), кандидат исторических наук.

Озова Фатима Анатольевна – ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (Черкесск), кандидат исторических наук.

Рахаев Джамал Якубович – научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), кандидат исторических наук.

Сивер Александр Викторович – доцент Государственного морского университета им. Ф.Ф. Ушакова (Новороссийск), кандидат исторических наук.

Скаков Александр Юрьевич – научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), кандидат исторических наук.

Фоменко Владимир Александрович – заведующий сектором археологии Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик), кандидат исторических наук.

Хотко Самир Хамидович – ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп), кандидат исторических наук.

DATA ON AUTHORS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich – the director of Institute of Humanitarian Researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences (Nalchik), doctor of historical sciences.

Bubenok Oleg Borisovich – the deputy director of Institute' of Oriental Studies of NAS of Ukraine (Kiev), doctor of historical sciences.

Dzhopua Arkady Ivanovich – the director of the Abkhazian state museum (Sukhumi), candidate of historical sciences.

Dzukanov Timur Alikovich – doctoral trainee of Institute of Humanitarian Researches of the KBSC of the Russian Academy of Sciences (Nalchik), candidate of historical sciences.

Kadiyeva Anna Anatolyevna – the keeper of funds of the State Historical Museum (Moscow).

Kolarusso John – professor of Macmaster University (Canada, Hamilton), doctor of philosophy.

Korenevsky Sergey Nikolaevich – leading researcher of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), doctor of historical sciences.

Lovpache Nurby Gazizovich – manager of sector of archeology of the Adygei Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev (Maikop), candidate of historical sciences.

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich – the senior research associate of Institute of Humanitarian Researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences (Nalchik), candidate of historical sciences.

Novichikhin Andrey Mikhaylovich – senior research associate of the Anapa archaeological museum (Anapa), candidate of historical sciences.

Nyushkov Valentin Aleksandrovich – research associate of the Abkhazian state museum (Sukhumi), candidate of historical sciences.

Ozova Fatima Anatolyevna – leading researcher of Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Researches (Cherkessk), candidate of historical sciences.

Rakhayev Jamal Yakubovich – research associate of Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), candidate of historical sciences.

Siver Alexander Viktorovich – associate professor of the State Marine University named after F.F. Ushakov (Novorossiysk), candidate of historical sciences.

Skakov Alexander Yuryevich – research associate of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), candidate of historical sciences.

Fomenko Vladimir Aleksandrovich – the manager of Sector of archeology of Institute of Humanitarian Researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences (Nalchik), candidate of historical sciences.

Hotko Samir Hamidovich – leading researcher of the Adygei republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev (Maikop), candidate of historical sciences.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе	5
<i>Бгажноков Б.Х.</i> О роли миграций в этногенезе адыгов	11
<i>Бубенок О.Б.</i> Данные топонимии о миграциях адыгов на украинские земли в развитое и позднее Средневековье	30
<i>Джопуа А.И., Ньюшков В.А.</i> К истории Гюэноса в эпоху эллинизма и поздней античности	36
<i>Дзуганов Т.А.</i> Черкесское княжество Копы в системе международных торговых отношений в XV в.	48
<i>Кадиева А.А.</i> Погребальный комплекс, включающий пояс с изображениями фантастических животных, из могильника Песчанка в верховьях реки Нальчик (раскопки И.А. Владимирова)	54
<i>Colarusso John.</i> The Storehouse of History: Ancient Ethnonyms and other Names from the Caucasus	76
<i>Корневский С.Н.</i> Древнейшая культура земледельцев и скотоводов Предкавказья IV тыс. до н.э. на современном этапе изучения	82
<i>Ловпаче Н.Г.</i> Преемственная связь адыго-абхазской культуры с испынами (дольменами) Западного Кавказа	88
<i>Мирзоев А.С.</i> Традиции пиратства у черкесов с античных времен по новое время	101
<i>Новичихин А.М.</i> Об этногенезе синдов	110
<i>Озова Ф.А.</i> К этимологии этнонима черкес и этнопонима Черкесия: постановка проблемы	122
<i>Рахаев Дж.Я.</i> Кабарда в первой половине XVIII в.: факторы системного кризиса	137
<i>Сивер А.В.</i> Реконструкция этноисторических процессов на Северо-Западном Кавказе по источникам древности и Средневековья	143
<i>Скаков А.Ю.</i> Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа	151
<i>Фоменко В.А.</i> Древняя история адыгов и археологические памятники	173
<i>Хотко С.Х.</i> Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII–X вв.)	181

TABLE OF CONTENTS

<i>Bgazhnokov B.H.</i> The traces of the element "kas" in the Ancient Denominations of the adygues in North Caucasus.	5
<i>Bgazhnokov B.H.</i> About the role of migration in the ethnogenesis of the adygues	11
<i>Bubenok O.B.</i> Data of toponymy on migrations of Adyghe to the Ukrainian lands in the developed and late Middle Ages	30
<i>Gopua A.I., Niushkov V.A.</i> To Gyuenes's history during an era of Hellenism and late antiquity	36
<i>Dzuganov T.A.</i> The Circassian principality of the Cop in system of the international trade relations in the XV century	48
<i>Kadieva A.A.</i> The funeral complex including a belt with images of fantastic animals, from a Peschanka burial ground in Nalchik riverheads (LA. Vladimirov's excavation) ...	54
<i>Colarusso John.</i> The Storehouse of History: Ancient Ethnonims and other Names from the Caucasus	76
<i>Korenevsky S.N.</i> The most ancient culture of farmers and cattle-breeders of Ciscaucasia of IV millennium BC at the present stage of studying	82
<i>Lovpache N.G.</i> Continuity the Adyghe-Abkhazian culture with ispiuns (dolmens) of Western Caucasus	88
<i>Mirzoev A.S.</i> Traditions of piracy of Circassians from antique times to modern times ...	101
<i>Novichihin A.M.</i> About ethnogenesis of Sinds	110
<i>Ozova F.A.</i> To etymology of ethnonim "Circassian" and an ethnotoponym "Circassia": problem statement	122
<i>Rahaev G.I.</i> Kabarda in the first half of the XVIII century: factors of system crisis	137
<i>Siver A.V.</i> Reconstruction of ethnohistorical processes in the Northwest Caucasus on antiquity and Middle Ages sources	143
<i>Skakov A.U.</i> The transcaucasian communications in the Western and Central Caucasus during an era of early iron	151
<i>Fomenko V.A.</i> Early stages of ethnic history of Adyghe according to archaeological data	173
<i>Hotko S.H.</i> Experience of critical judgment of the new concept of ethnic history of the Northwest Caucasus in Hazaria time (the VIII–X centuries)	181

Научное издание

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
КУЛЬТУРА АДЫГОВ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.)

ЧАСТЬ I

ISBN 978-5-91766-080-6

9 785917 660806

Подписано в печать
Формат заказной. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз. (1-й завод – 250). Заказ № 103

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *И.Х. Кушховой*
Корректор *Л.О. Тамазова*
Художественное оформление *И.Х. Кушховой*

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8(8662) 42-50-94

